

РАЗГАР ЗИМЫ

ХРОНИКИ АРКАН #3

КРЕСЛИ КОУЛ

Удастся ли Эви убедить претендентов на своё сердце действовать сообща? Ведь от этого зависит их выживание в третьей книге серии «Хроники Аркан» от автора бестселлеров № 1 по версии Нью-Йорк Таймс, Кресли Коул, динамичной истории о спасении, искуплении и в высшей степени беспощадной мести.

Душераздирающие решения.

Эви почти соблазнилась комфортом, что ей предложил Смерть... пока над Джеком не нависла опасность в лице двух самых кровожадных Арканов — Любовников. Ради его спасения она готова на всё, даже покинуть благоустроенную темницу Смерти, полную роскоши, материальных благ... и отголосков былой любви.

Сомнительная победа.

Оставив частичку сердца со Смертью, Эви отправляется в холодную постапокалиптическую пустошь, полную опасностей, чтобы встретиться со своими союзниками и сразиться с Любовниками и их многочисленным войском. Победить столь грозных противников можно лишь, продумав чёткий план действий, но, чтобы убить их раз и навсегда, Эви, Джек и Смерть должны объединить усилия. И ещё неизвестно, что окажется труднее: уцелеть перед лицом работарговцев, чумы, Бэгменов и остальных Арканов, или уговорить Джека и Смерть сотрудничать.

Возвращение двух героев.

Между любовью и ненавистью — тонкая грань, и Эви разрывается между чувствами к Джеку и Смерти. Сможет ли эта непредсказуемая тройца одолеть Любовников, не расправившись друг с другом?

Кресли Коул
Разгар зимы

Старшие Арканы

0. Дурак, Хранитель Игр Прошлого (Мэтью).

I. Маг, Мастер Иллюзий (Финнеас).

II. Верховная Жрица, Правительница Глубин.

III. Императрица, Наша Леди Шипов (Эви).

IV. Император, Повелитель Камней.

V. Верховный Жрец, из Тёмных Обрядов (Гатри).

VI. Любовники, Влюбленные, Герцог и Герцогиня, Самые Извращенные (Винсент и Вайолет).

VII. Колесница, Чемпион Коварства.

VIII. Сила, Повелительница Фауны (Ларк).

IX. Отшельник, Мастер Алхимии (Артур).

X. Колесо Фортуны, Леди Судьбы.

XI. Правосудие, Та, что терзает (Злоба).

XII. Повешенный, Наш Лорд Сверхъестественного.

XIII. Смерть, Бесконечный Рыцарь (Арик).

XIV. Умеренность, Собирательница Грехов (Каланте).

XV. Дьявол, Подлый Осквернитель (Оген).

XVI. Башня, Мастер Электричества (Джоуль).

XVII. Звезда, Навигатор Арканов.

XVIII. Луна, Несущая Сомнения (Селена).

XIX. Солнце, Да здравствует Славное Светило.

XX. Суд, Архангел (Габриэль).

XXI. Мир, Неземная (Тесс).

ПОЛЕ БИТВЫ

Во время Вспышки — всемирного разрушительного взрыва, который испепелил землю и иссушил все водные поверхности, растительный мир был уничтожен, животный, в основном, тоже. Множество людей погибло, в том числе подавляющее большинство женщин. Спустя месяцы засухи, хлынули непрерывные дожди. Солнце больше не восходило, обрекая мир на бесконечную ночь. Бушевала чума.

ПРЕПЯТСТВИЯ

Группы ополченцев объединили свои силы. На охоту вышли работорговцы и каннибалы, нацеленные на поимку женщин. Бэгмены — инфицированные зомби, порождённые Вспышкой, бродят в темноте, гонимые жаждой любой жидкости, особенно крови.

ПРОТИВНИКИ

Арканы. Каждый раз, когда наступает темный век, рождаются двадцать два ребёнка со сверхъестественными способностями, которым суждено сойтись в смертельной игре. Эта история о Старших Арканах колоды карт Таро. Я — Императрица; и мы снова в игре. Моя цель — Любовники, пленившие Джека.

АРСЕНАЛ

Чтобы повергнуть Любовников и всех остальных, мне нужно обратиться к силам Императрицы: ускоренному исцелению, способности управлять всем, что пускает корни и цветет, создавать вихрь из шипов и выпускать яд. Потому что я его принцесса...

ДЕНЬ 372 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ? (а может 373?) ГДЕ-ТО НА ЗЕМЛЯХ РАБОТОРГОВЦЕВ

Вдох выдох вдох выдох

Все то время, пока верхом неслась по равнинам, я слышала глубокое прерывистое дыхание.

Чёрное небо проливалось дождём, холодные капли хлестали по лицу. Порывы ветра трепали лошадиную гриву, срывали с меня капюшон плаща.

И всё же я слышала дыхание.

Волосы на затылке встали дыбом. Моя кобыла фыркнула, наострив уши. Даже не обладая звериными инстинктами Ларк и охотничьим чутьём Селены, я знала, что кто-то, или что-то, за мной наблюдает.

Преследует меня?

Вдох выдох

Я поскакала быстрее, пытаясь взбодриться, подстегивая свою уже пошатывающуюся лошадь, заставляя ее перемещаться по каменистой местности быстрее, чем это было безопасно.

Сбежав из логова Смерти, я не спала вот уже несколько дней, если эту беспробудную тьму можно назвать «днями». Я держалась в седле из последних сил. Сознание затуманивалось.

А может никто меня не преследовал, и это были лишь отзвуки собственного дыхания? Мне бы передохнуть хоть несколько минут...

Эви, соберись! Слишком многое стоит на кону. *Жизнь Джека.*

Я имела твёрдое намерение вызволить его от Любовников — Винсента и Вайолет Миловничи. Садист Винсент схватил его, а Вайолет уже мчалась навстречу братцу. Воссоединившись, эти два душегуба-близнеца опробуют на Джеке свои изощрённые *орудия пыток.*

Я пошла на огромный риск, чтобы отправиться наперерез Вайолет. Даже сейчас я не могла поверить, что сделала, чтобы сбежать от Арика.

Капли пота застилали глаза, размывая зрение. Я заморгала, чтобы прояснить взгляд, и с каждым взмахом ресниц в памяти всплывали подробности последнего дня, проведенного со Смертью.

Как он опустил мне на талию огрубевшие от меча ладони и подтолкнул к своей постели. Его шёпот: «Уступи и станешь только моей. Моей истинной женой. Ради этого я готов на всё». Даже принудить меня, пообещав за это помочь спасти Джека.

Взмах

Терпкий запах сандала, хвои и мужского тела подчинил меня, как наркотик, полностью усмирив сопротивление. Но всё же я нашла в себе силы сказать: «По-твоему не будет».

Взмах

Он медленно наклонился, янтарные глаза выказали намеренья еще до того, как его губы накрыли мои. Поцелуй спутал мысли, почти заставил меня забыть то, что я должна была бы помнить.

Взмах

«Ну вот. Так уже лучше,» — пробормотал он, снимая с меня одежду. «Позволь мне взглянуть на тебя... прикоснуться к тебе».

С его сверхъестественной силой, наверное, трудно было не порвать моё кружевное бельё.

Я лежала обнажённая под взглядом янтарных глаз, переливающихся звёздным сиянием. «Как хорошо, *sievā*. О, боги, я у твоих ног, — он одарил меня одной из своих редких беззаботных улыбок, — Это ли не счастье?».

Я почувствовала, что сейчас расплачусь.

Взмах. Взмах. Взмах.

Я резко мотнула головой. Мне нужно было сосредоточиться. Я не могла позволить себе заблудиться в воспоминаниях. Я вообще не могла позволить себе заблудиться.

Пока я в панике собирала в рюкзак самое необходимое, Мэтью телепатически меня направлял:

— *Следуй вдоль стремительной воды вверх по течению к землям работорговцев, отыщи испепелённую долину и пересеки её. Если доберешься до огромного кладбища, значит, ты зашла слишком далеко. Поднимись на ближайшую гору в каменный лес.* —

С тех пор он не ответил ни на один мой зов. Достигнув конца испепелённой долины, я начала подъём. Хлынул дождь.

Сколько времени прошло? Минуты? Часы? Дни? Несмотря на постоянную угрозу, я с трудом оставалась в сознании, голова устало клонилась набок. Может, закрыть глаза... на секундочку? Обхватив руками шею лошади, я упала щекой на мягкую гриву. Веки сомкнулись.

Открыв глаза, я оказалась в Хейвене. Не было ни лошади, ни дождя, ни ветра. Только черное небо, усыпанное звёздами, и жуткая всеобъемлющая постапокалиптическая тишина.

— *Мэтью, я, что в одном из твоих видений?* —

Все было так реально. Горький привкус пепла на языке. Запах горелой древесины и сахарного тростника. И обугленные руины дома вдалеке. Погребальный костёр моей матери.

Я сожгла ее тело и наш дом.

Джек втайне помог ей умереть. Умом я понимала *почему*. Но принять этого не смогла. Не смогла смириться

Как много он лгал.

Меня терзала скорбь по матери, по нашей жизни до Вспышки. Моё теперешнее существование стало столь жестоким и примитивным, почти животным, что те доапокалиптические воспоминания казались лишь сладким эфемерным сновидением.

Что реально? А что *нет*?

Хотя Мэтью не видел смерти моей матери, ему доступны сцены из прошлого. Он хочет показать мне, как она умерла?

Ветер, сокрушённо вздыхая, взметнул с земли пепел. Я услышала, как мама ослабевшим голосом сказала Джеку: «Возьми подушку...»

— *Нет, Мэтью! Я не готова увидеть это! Не готова...* — Тишину ночи пронзил вой волка.

Очнувшись, я вскочила в седле. Дождь стих, сократился до мелкой туманной мороси. Как долго я была в отключке? Я потерла уставшие глаза. И чуть не закричала. Меня окружали темные фигуры. Хотя нет, не *фигуры*. Вокруг возвышались груды камней,

сложенные, как бревна для костра. Множество таких нагромождений вместе напоминали лес. Каменный лес.

Кто потратил столько сил, складывая их? И почему они так меня пугают?

— *Мэтью, ты здесь?* — Наконец-то, я почувствовала его присутствие в своей голове!

— *Императрица!* —

— *Вайолет присоединилась к брату?* —

— *Вайолет не там.* —

— *Ох, слава Богу.* —

— *Скоро.* —

— *Чёрт! Ты же говорил, что Винсент разбил лагерь в нескольких днях пути от замка Смерти. Но я уже еду несколько ДНЕЙ.* —

— *Арканы со всех сторон.* —

Я отдаленно слышала их позывные...

— *Глаза к небу, ребята!* — Джоуль.

— *Попавшие в мои ладони.* — Тесс.

— *Я наблюдаю за тобой, как ястреб.* — Габриэль.

— *Узри несущую сомнения!* — Селена.

— *Не смотри на эту руку, смотри на другую.* — Финн.

— *Сумасшедший, как лиса.* — Мэтью.

— *Мы будем любить тебя. По-своему.* — Любовники.

Так много Арканов поблизости. Значит, я почти у цели.

— *Ужас из бездны!* —

Что?

Не успела я расспросить о новом позывном, как возобновилось чувство преследования.

Я обернулась по сторонам.

— *Императрица, между нами лишь каменный лес и долина. Но есть... помехи.* —

Движение. Краем глаза я заметила, как из-за одной каменной глыбы выскочил человек и сразу же спрятался за другой. Следом показался еще один. Оба вооружены, в камуфляже и жутких очках ночного видения.

Камни, сложенные как для игры в пейнтбол, служили им прикрытием! Как давно они устроили эту засаду?

— *Мэтью, я в беде!* —

Я подстегнула лошадь. Она протестующе заржала, но ускорила и начала рывками огибать груды камней. Я обернулась назад. Двое солдат превратились в десяток, все с винтовками наперевес. Больше они не прятались. Потому что я уже была окружена?

Выйдя на более ровную местность, где груды камней стали ниже, я, наконец, смогла осмотреться. Я поднесла руку к глазам, стараясь разглядеть, куда идти дальше. Впереди виднелась долина, о которой говорил Мэтью!

У меня упало сердце. При отсутствии растительности стало видно, что под ногами вязкая грязь и воронки, заполненные водой. За ними возвышалась стена высотой примерно в 30 футов. Что же за ней находилось?

Раздался выстрел, над головой просвистела пуля. Моя лошадь сорвалась с места.

— *Пошла, ПОШЛА!*

От паники мои ногти вытянулись в длинные когти. Острые, как бритва, они прорезали перчатки. Глифы вспыхнули и пришли в движение.

Еще выстрел. Вторая пуля пролетела мимо и выбила фонтан грязи рядом с копытами лошади, отчего она заржала и поскакала быстрее. Стрелки промахивались нарочно. Они хотели взять меня и лошадь живыми. После Вспышки женщины и лошади стали самой ценной добычей.

Отчаянно нуждаясь в спасении, я покосилась на стену. Ярко освещенные ворота хорошо охранялись.

— *Двигайся туда.* —

Пересечь эту долину на лошади не так-то просто. Стена была так плотно окружена воронками, заполненными водой, что они казались рвом. Солдаты поймают меня гораздо раньше, чем я туда доберусь.

Мое внимание привлекла яркая надпись, на столбе красовался самодельный знак с изображением красного черепа и костей и предупреждением: «ОСТОРОЖНО! МИНЫ!». Это объясняет воронки.

— *Мэтью, ты издеваешься? Сзади — солдаты, спереди — мины. Как, по-твоему, я должна пройти по минному полю?* —

Позади меня раздался мучительный крик. Я рискнула оглянуться. Солдат было уже девять. Крайние целились... по сторонам

Еще один истошный крик. И еще.

Солдаты открыли огонь. Вспышки прорезали туманную морось, но я ничего не могла разобрать. Я повернулась обратно. И закричала.

Передо мной стояли трое солдат, нацелив в лицо винтовки. Кобыла встала на дыбы, молотя перед ними копытами. Остальные солдаты гнали меня в ловушку!

Тем временем позади них из сумрака возникло чёрное чудовище. Его единственный горящий золотом глаз светился, словно маяк. Циклоп! Неужели Ларк послала своего одноглазого волка охранять меня?

Обнажив клыки, величиной с кинжал, громадный зверь испустил ужасающий рык. Набросившись на охваченных паникой солдат, Циклоп повалил их на землю. Мощные челюсти сомкнулись на оружии, впились в конечности, дробя и кости, и металл. По сторонам разлетались части тела. Кровь хлынула фонтанами. Меня бросило в дрожь, хотя, казалось бы, пора уже привыкнуть к подобным зрелищам. Оторвавшись от кровавого месива, волк повернулся к горстке оцепеневших солдат, толпящихся позади меня, и зарычал. Эти ублюдки загнали меня в ловушку; ловушку Циклоп уже съел.

Увидев окровавленную звериную пасть, они в панике бросились врассыпную. Циклоп повернулся ко мне и завилал покрытым рубцами хвостом.

— *Чертовски хороший волк. Хороший мальчик.*

Мэтью подал голос:

— *Езжай к крепости. Ты должна добраться до стены.* —

А что за стеной? Судя по всему, Мэтью направляет меня к лагерю Миловничи.

— *Езжай!* —

— *На мины? Чтобы нас на части разнесло? На мою способность к регенерации не рассчитывай. Если мне оторвёт голову, регенерировать уже не получится.* —

— *Налево.* —

Отводит от опасности?

Я повернулась к Циклопу.

— Не знаю, понимаешь ли ты меня и может ли Ларк тобой управлять, но прошу, следуй

строго за моей лошастью, если не хочешь отращивать конечности.

Он до сих пор прихрамывал после схватки с Картой Дьявола.

Волк фыркнул, кровь запузырилась на его морде. Виляя хвостом, он демонстративно схватил откушенную руку, и понёс её, словно игрушку для жевания. Но шел строго позади меня.

— *Я полагаюсь на тебя, Мэтью.* —

Тяжело сглотнув, я повернула лошадь налево.

— *МОЁ лево.* —

Я быстро исправилась. Циклоп следовал за мной.

— *Быстрее, Императрица. А то АЮВ разберет, как пройти через минный лабиринт.* —

— *Что? Кто такой АЮВ?* —

— *А.Ю.В. Армия Юго-Востока. Иди направо три секунды. Затем остановись...* —

Задержав дыхание, я снова и снова взмахивала поводьями. Одна тысяча раз, одна тысяча два, одна тысяча три. Я потянула узды направо от себя.

— *Быстрее!* —

Вскоре я скакала галопом через минное поле с Арканом-телепатом в голове и гигантским волком позади.

Я слышала то же самое влажное дыхание. Волк следовал за мной! Если я переживу эту ночь, то должна буду поблагодарить Ларк.

Впереди заскрипели ворота. Я подстегнула лошадь, подгоняя её в сторону форта.

Не представляя, что меня там ждет....

Сразу за хвостом Циклопа ворота захлопнулись. Мэтью подошёл и приветствовал нас растерянной улыбкой. Не чувствуя ног, я вывалилась из седла прямо в его протянутые руки. Он подхватил меня и помог подняться.

— Что это за место? — прохрипела я, оглядываясь по сторонам. Стена была сложена из металлолома: капотов автомобилей, дорожных знаков, арматурных прутьев. Впереди на значительной территории раскинулись большие военные палатки. Лагерь освещался рядом накрытых факелов, закрепленных на высоте.

— Охотнику в твоё отсутствие было чем заняться.

— Всё это дело рук Джека?

В стойле дремали лошади, в сарае кудахтали куры, туда-сюда сновали люди. Разумеется, одни мужчины. Они пялились не только на меня — женщину — но и на моего огромного телохранителя, в настоящий момент догрызающего остатки своей человеческой игрушки для жевания. *Волкам нужно есть.*

Мэтью отвёл меня в сторону, закатывая один рукав.

— Императрица, сними перчатки.

Я послушалась, не имея сил возражать. Голова шла кругом, словно я только что сошла с карусели. Он выхватил нож и, прежде чем я успела что-либо сделать, полоснул лезвием по бледному запястью. Затем кровью начертил линию на внутренней стороне, моей отмеченной знаками руки.

— Это кровь Хранителя Игр. Здесь защита.

Алая полоса прошла по знакам убитых мною Арканов, словно перечёркивая их.

— Здесь много других Арканов, но между нами справедливость соглашения. Никто не посмеет напасть на священной земле.

— Перемирие?

— *Соглашение.* Открытые карты, — сказал он, мрачно добавив, — на время.

С помощью какой-то неведомой силы, Мэтью создал зону, свободную от войны.

Я оглядела его с ног до головы. За последние три месяца он стал заметно выше. Интересно, у него уже был день рождения? Ему уже исполнилось семнадцать? На нём была водонепроницаемая куртка, шерстяная рубашка, джинсы и походные ботинки — всё довольно новое на вид. Джек обеспечил его одеждой?

Как Арик меня?

Внутренняя дрожь.

— Спасибо, Мэтью, что помог мне добраться сюда в целостности и сохранности.

Со щенячьим заискиванием в карих глазах он спросил:

— Императрица мой друг?

Раньше это было бы утверждением. Теперь он должен был спрашивать. Злилась ли я до сих пор за то, что он покрывал обман Джека? Я была в ярости, когда узнала, что он научил Арика, как нейтрализовать мои силы, хотя этим Мэтью, вероятно, спас мне жизнь.

Возможно, мне стоило признать, что он всё делал неспроста. Я же доверила ему провести себя по минному полю (кстати, неплохое упражнение по тимбилдингу). Я опиралась на его таинственные подсказки, убегая от Смерти. Но полностью довериться Мэтью, это как не глядя, упасть назад. Свободное падение. Готова ли я к этому?

Жизнь и до Вспышки была слишком коротка для обид, а теперь...

— Эви — твой друг, — я крепко обняла его и, отступив, спросила, — Мэтью, где Джек?

— Охотник близко.

— Как мне добраться до него?

— Лошадь.

Невзрачный мужчина средних лет, настороженно глядя на волка, подошел и взял поводья лошади, пообещав за ней ухаживать. Точно, лошадь.

Про себя я отметила, что надо бы вырастить для неё что-нибудь вкусненькое.

— Кто все эти люди?

— Некоторые чистили оружие под брезентом, разложившись как во время пикника на багажнике. Другие нагревали воду и занимались стиркой.

— Смертные. Джек собрал их. Мне нравится их суп.

— Они знают кто мы?

— Джек позволяет им думать, что мы боги. Лагерь они называют: «Форт Арканов, установленный в год первый после Вспышки».

— А как же сохранение тайны? Ты же говорил, что Арканы плохо уживаются с не-Арканами. Ты говорил, что люди уничтожают всё, чего боятся.

На лице Мэтью промелькнуло тревожное выражение.

— Здесь недостаточно людей, чтобы рассматривать такую возможность.

Об этом я подумаю позже.

— Мэтью, мне нужно добраться...

— Дозорная башня!

Он ступил на узкую деревянную кладку, тянущуюся по слякотному двору, как длинная дорога. Дощатая дорога. И ушел.

— Что?

Ноги так гудели, что я едва удерживала равновесие, пытаюсь поспевать за ним.

Циклоп трусил рядом, встряхивая чёрной всклокоченной шерстью. Он размахивал исполосованной шрамами мордой рядом с моей головой, почти задевая лицо грязными усами и, разбрызгивая грязь с лап на мои штаны. Это палец запутался там, у него в шерсти под подбородком?

Я следовала за Мэтью в дальний конец форта.

— Это ты послал мне видение о моей матери? Или это был сон?

Он оглянулся через плечо:

— Наши враги смеются. Удар и безумие. Падение и поражение.

И это ответ? Иногда мне хотелось хорошенько его встряхнуть.

— Мы на месте.

Вдоль задней стены располагалось трехэтажное строение, обшитое металлом. Мэтью взобрался по лестнице на самый верх.

Оставив волка рыскать внизу, я двинулась вслед за ним, пыхтя и морщась на каждой ступеньке.

— Может... поговорим... о спасении Джека?

На последнем этаже Мэтью отодвинул вверх номерной знак, открывая маленькое отверстие.

— Императрица, — он жестом показал мне, чтобы я заглянула.

— Хорошо, на что я должна смотреть?

Ох, ничего себе. Это был выгодный пункт наблюдения, расположенный высоко над крутым обрывом. Внизу протекала река, широкая, как Миссисипи. До того, как пошли дожди, подобных водоемов здесь не было.

— У этого форта гениальное месторасположение.

С трёх сторон стены окружало минное поле, четвёртую защищал крутой обрыв и река.

— Джек, — простодушно сказал он, — Форт Арканов построен для тебя. Миссия...

Не сумев найти меня у Смерти, Джек нацелился на Любовников ради меня... и ради себя. У него с Миловничи свои счёты.

Я смотрела на противоположный берег, усеянный кострами. Казалось, череда палаток растянулась на многие мили. Несколько возвышающихся каменных гребней служили защитой от нападений.

— Это и есть Армия Юго-Востока?

Она была огромна. Я попыталась предположить, где могли держать Джека. Быть так близко к нему...

— Половина АЮВ. Южная АЮВ. Северная АЮВ неподалёку.

А значит и Вайолет тоже. Но как добраться до Джека раньше неё?

— Полагаю, ветра здесь дуют постоянно?

Я могла бы выпустить отсюда споры и усыпить солдат. Затем переплыть реку на лодке, проскользнуть в их лагерь и вытащить Джека.

— Ветра дуют целыми ночами, то есть целыми днями.

Не успела я об этом подумать...

Из-за реки раздался оружейный залп. Звуки выстрелов эхом прокатились над водой, и моя душа ушла в пятки. Я повернулась к Мэтью:

— Не он?

— Нет. Ежедневная казнь.

Так Миловничи поддерживают дисциплину среди солдат.

Я присела, почти испытывая чувство вины, и одновременно облегчение. Затем задумалась, каково Джеку слышать эти выстрелы?

— Он считает, что помощь не придет, — прошептал Мэтью, — Знает, что не сможет сбежать. Думает, что его друзья мертвы.

Мысль о том, что Джек одинок и потерял надежду опустошала меня.

— Он... напуган?

— Уверен, что умрет. На удивление *не* напуган.

— Откуда ты знаешь? У тебя всегда возникали проблемы с чтением его мыслей.

Он кивнул.

— Практиковался три месяца.

— Но ты не можешь увидеть его будущее?

Мэтью нахмурился:

— Никогда этого не хотел.

— Ты можешь сказать ему, что мы придем?

Не говоря ни слова, Мэтью подошел к лестнице и начал спускаться вниз. Я неуклюже последовала за ним. Спустившись на землю, он сказал:

— Твой альянс пострадал.

Он имел в виду, что мои союзники не в лучшем состоянии или что наш союз непрочен?

— Ты ведешь меня к Финну и Селене?

Я не видела их несколько месяцев.

— Через двор к казармам.

Балансируя на досках, Мэтью зашагал теперь в другую сторону.

В сопровождении Циклопа я потащила по грязным доскам вдоль центральной площади, напоминающей строевой плац (*двором* ее можно было назвать только с большой натяжкой).

Когда Мэтью остановился перед одной из палаток, я велела волку оставаться снаружи. С негодованием засопев, он плюхнулся в грязь.

Сделав глубокий вдох, я опустила капюшон дождевика и вошла. Мэтью проследовал за мной.

Селена и Финн лежали на койках. У Лучницы была перевязана рука — левая. Со звуком, словно тасуют карты, она гладила оперение стрел, лежащих у нее на коленях, отсутствующим взглядом уставившись в пустоту.

На одну из ног Финна, которая с помощью походного рюкзака вместо противовеса, была подвешена над кроватью, была наложена шина. К койке был прислонен металлический костыль. В центре палатки горел костер, дым уходил в вентиляционное отверстие в пологе. Вокруг огня на скамейках сидели остальные Арканы: Башня, Суд и Карта Мир — союз трех.

Джоуль смерил меня взглядом. Габриэль махнул одним из своих черных крыльев в знак приветствия. Тесс Куин робко махнула рукой с вечно обкусанными ногтями. Мэтью плюхнулся рядом с ней.

— Это не наша ли прекрасная Императрица? — произнес Джоуль с сильным ирландским акцентом.

Селена вскочила, ее светло-серебристые волосы откинулись за плечи.

— Эви! — воскликнул Финн. — Как ты освободилась от Смерти?

Это может быть сложно.

— Ну... у меня появилась возможность... убежать тайком.

Украсть у Смерти лошадь и седло, украсть новую походную сумку, украсть суперсовременную всепогодную одежду.

— Это не важно. Теперь я здесь.

— Но моё предложение ты не приняла, — рыжевато-каштановые волосы Джоуля были взъерошены, но его взгляд был цепким.

Селена без каких-либо приветствий заявила:

— Если ты смогла сбежать от Смерти, ты могла бы принести Джоулю плату.

Арик был не единственным, кто предлагал мне сделку за спасение Джека. Джоуль требовал отрубленную голову Смерти в обмен на помощь.

— Это не так просто, — сказала я, — все не совсем так, как мы думали.

— У тебя была возможность убить Жнеца, или нет?

Видимо, прочитав что-то на моем лице, Джоуль воскликнул:

— Была, мать твою! У тебя была возможность разделаться с Рыцарем Бесконечности! Тем, кто всегда одерживает кровавые победы!

Губы Селены приоткрылись.

— Смерть погибает, Джей Ди живет. Какая часть уравнения тебе не понятна?

— Мы можем разобраться с этим позже, — я почти задыхалась от волнения и вымоталась до предела, — сейчас мы должны сосредоточиться на...

— Мы создали союз, чтобы победить Смерть, — процедила Селена, — Ты сама этс

затеяла. Когда Мэтью сказал, что ты восстановила силы, мы верили, что ты сделаешь все возможное, чтобы освободить Джей Ди, особенно от чокнутых Любовников, — Селена провела рукой по мертвенно бледному лицу, — а ты нас всех предала. Больше всего Джей Ди! Ты хоть представляешь, что они с ним сделают?

Моя бабушка рассказывала, что они калечат и истязают своих жертв, превращая их пытки и боль в свое удовольствие.

— У меня есть идея! — мои глифы пришли в движение — признак сильного волнения или агрессии. — Именно поэтому мы должны прекратить споры по поводу того, чего уже не можем изменить, и начать планировать его спасение!

Может, Габриэль поднимется над армией, и разведает местность за рекой. Мы могли бы составить план расположения основных объектов.

— *Начать* планировать? — Селена усмехнулась. — У тебя нет плана? У тебя хватило наглости явиться сюда без каких-либо ответов и без платы, разгуливать в новых модных шмотках, словно и не знаешь, что такое голод.

Именно так она выглядела, когда я впервые ее встретила.

— Из-за тебя Джей Ди сейчас страдает! — сказала она, повышая тон на каждом слове. — Тебе следовало принести плату Башне!

Со сверхъестественной скоростью она соскочила с кровати, бросаясь в атаку.

Селена занесла для удара здоровую руку; я машинально выпустила острые когти.

— Кровь Хранителя Игр! — выкрикнул Мэтью.

Мы с Селеной в один голос взвыли от боли — по нашим рукам расплзались одинаковые огненно-красные линии.

Оскалив на Селену свои чудовищные клыки, в палатку ворвался Циклоп. Воспользовавшись её секундным замешательством, я отскочила назад.

Тесс, взвизгнув, попятилась от зверюги; Габриэль расправил крылья.

— Но этот волк... он был мёртв, — вскрикнул со своей койки Финн, — каннибалы убили всех боевых волков Ларк.

Джоуль ладонью вперёд выкинул руку, и в воздухе материализовалась одна из его метательных молний в виде серебристого копья, мгновенно вытянувшегося во всю длину.

— Эту тварь мне однажды уже довелось поджарить.

То-то у Циклопа такой всколоченный мех.

— Питомцы Ларк... живучие.

Я кое о чем умолчала: трое её волков бессмертны, пока жива Ларк.

— Он что, охраняет тебя? — с ошарашенным видом спросила Селена.

— Пока я в безопасности, он вас не тронет.

— Ты теперь в союзе с Ларк? — Финн перекинул взгляд с меня на Мэтью, словно Дурак должен был им об этом сообщить. — Даже после её предательства?

Мэтью сидел на скамье, раскачиваясь взад-вперёд.

— Ларк не знала нас, когда соглашалась сдать нас Смерти, — объяснила я, — она подозревала, что мы можем быть каннибалами, последователями Жреца.

Финн покосился на Циклопа.

— Но потом-то у неё была возможность нас узнать, — сказал он, обращаясь к волку.

Надеется, что Ларк слышит нас через своего питомца?

— И всё-таки она предала нас. Предала *меня*. Сколько дней мы провели из-за неё в крошечной тьме среди прибывающей воды, медленно затапливающей нас, — он заметно содрогнулся при воспоминании об этом, и волк тихо заскулил, — когда я понял, что она меня использовала, это меня чуть не убило.

— Если Императрица в союзе с Ларк, то она в союзе и со Смертью, — сказал Джоуль, — а что, если она явилась сюда, чтобы открыть для них ворота, когда мы уснём?

Я потёрла горящую огнём руку:

— У нас нет на это времени!

— Ты даже не представляешь, через что нам пришлось пройти за эти три месяца, — Селена повалилась на койку, поправляя повязку на руке, — и всё ради того, чтобы спасти тебя от Смерти.

Финн убрал светло-каштановые волосы за уши.

— Пока ты там водила дружбу с нашими врагами, мы здесь совершили круиз по аду.

Их послушать, так я, ни с того ни с сего, порхая в танце, перешла на другую сторону.

— Хватит уже! Да, вы все терпели ужасные лишения, но и я тоже.

В глазах Селены так и читалось: «*Да ладно, какие там лишения...*»

— Круиз по аду — это когда рогатое чудовище на двух копытах обещает устроить пир на

твоих костях, и ты ему веришь, — я ненадолго замолчала, позволяя им осознать сказанное. — Ларк выступила со мной против Огена, даже когда он увеличился втрое! Её самоотверженность — это причина, по которой сейчас она лежит в кровати с переломанными костями.

Финн содрогнулся. Наверное, до сих пор по ней сохнет.

— Если бы не Ларк со своими волками, меня бы уже не было в живых.

Я кивнула на Циклопа, и тот царственно улёгся в позу сфинкса. Впечатление смазал только палец, запутавшийся в шерсти под подбородком.

— Мы слышали, когда прикончили Огена, — Джоуль принялся натирать краем пальто своё смертоносное копьё, и на переливающимся металле проявились загадочные символы, — но не представляем, кто это сделал.

— Это сделал Смерть. Чтобы спасти меня и Ларк.

В глазах Джоуля промелькнул азарт.

— Он устранил собственного союзника. Это ослабило его позиции. Если, конечно, ты не заменишь Огена.

Я потёрла переносицу, смирившись с тем, что эти люди никогда не поймут моего отношения к Арику. Да и могу ли я на самом деле за него поручиться?

— Джоуль, так ты сможешь мне спасти Джека?

— Не исключено, что ты спутаешься с Винсентом и Вайолет, как со Смертью и с Ларк. Так что наш союз распадается. Мы пришли сюда выполнить работу. Работа отменена. Поэтому завтра мы сваливаем.

Хотя Габриэль и Тесс не произнесли ни единого слова, я чувствовала, что они хотят помочь. Но Джоуль был их всесильным лидером.

— Если ты такой меркантильный, чем ещё я могу с тобой расплатиться? — я изучала его лицо, пытаюсь оценить оппонента, чтобы воспользоваться своими преимуществами, как частенько поступал проницательный Джек. — Ну же, Джоуль. Все чего-то хотят.

Смерть желал меня в своей постели. Селена хотела Джека. Ларк хотелось дожить до совершеннолетия. Оген жаждал жертвоприношений на алтаре.

Выражение лица Джоуля невозможно было прочитать, эмоции бурлили в нем, как в котле. Тесс, словно открытая книга, но я не видела ничего, что могла бы использовать. Тайнственный Габриэль сидел с каменным лицом.

— Мне нужна только голова Смерти, — потому что Арик убил девушку Джоуля (в целях самозащиты), — но, думаю, я получу её в любом случае. Он придет за тобой, как было в других играх.

Неудержимый Рыцарь Бесконечности. Я вздрогнула.

— А мы его подождём, — Джоуль направился к выходу, и, вращая копьём, обошёл Циклопа.

Тесс последовала за ним, обгрызая ноготь:

— Простите, ребята.

Габриэль замешкался у выхода из палатки:

— Прощайте.

Он метнул быстрый взгляд на Селену, но я успела заметить грусть, промелькнувшую в зеленых глазах.

Еще несколько месяцев назад я заметила его влечение к великолепной Лучнице, и с того времени его чувства, видимо, только усилились. Как же этим воспользоваться?

Он вышел, оставив меня с Селеной Финном и Мэтью.

Селена сокрушённо сказала:

— Ты даже не представляешь, что творилось с Джей Ди, когда он представлял, как Смерть тебя мучает.

— Очень даже представляю, я тоже была вне себя от беспокойства, когда его схватила армия Любовников. И я точно так же могу обвинить в его поимке вас троих!

— Джей Ди не прислушивался к разумным доводам, — она начала поглаживать оперение стрелы, чтобы успокоиться, — он месяцами сходил с ума, а ты его просто отвергла.

Финн тяжело вздохнул.

— Эви, послушай, прости нас за такой холодный приём. Если у тебя есть план спасения, я готов его выслушать. И помочь, чем смогу.

— Каким образом, Маг? — высмеяла его Селена. — Ты без костылей и шагу не ступишь. Я не могу натянуть тетиву. Как мы выступим против целой армии? Нашим лучшим вариантом были Джоуль с Габриэлем.

— В лагерь проникну я. Финн мог бы замаскировать меня под солдата, — если иллюзия продержится достаточно долго, — ему даже не придётся покидать форт. А, перебравшись через реку, я усыплю солдат спорами.

— Лагерь огромен, — сказала Селена, — как мы узнаем, в какой именно палатке Джек? Мы?

— Волк может выследить его по запаху.

Циклоп фыркнул, раздув пламя костра.

Финн поправил шину.

— Я не знаю, смогу ли я в таком состоянии скрыть огромного волка. С людьми проще.

— Кроме того, мы не можем пересечь реку на лодке, — Селена постучала стрелой по подбородку, — она контролируется Верховной Жрицей. Если мы окажемся у воды, она затянет нас в глубину.

Ужас из бездны!

— Она здесь? В союзе с Любовниками?

Мы все посмотрели на Мэтью в поисках ответа, но он смотрел на свою руку. Это означало, что тема закрыта.

Я повернулась к Селене:

— Ты сказала «мы». Но ты же говорила, что не можешь натянуть тетиву.

— Я могу воспользоваться пистолетом. Или мечом. Даже раненная я обладаю сверхчеловеческими рефлексами и силой.

Видимо скромностью тоже!

Я поколебалась, затем кивнула.

— Хорошо, мы должны найти другой способ пересечь реку. Там есть мост?

— В нескольких милях отсюда, — сказала Селена, — но там и задержали Джей Ди. АЮВ хорошо его охраняет.

С каждым ее словом мои надежды угасали. *Как же добраться до Джека? Как же добраться до...*

В голову пришла идея:

— Если мы не можем пресечь или обойти реку, то можем пройти над ней.

— Я уговорю Габриэля нас переправить.

Селена закатила темно-карие глаза.

— Ты плохо расслышала? Витаминчиков выпей, что ли, для улучшения внимания. Сказано же, им нужна голова смерти. Ни за что другое они не согласятся нам помогать.

— Да неужели? А я чувствую, что Габриэль мне поможет, — потому что я собираюсь уговорить Селену пофлиртовать с ним — отчаянные времена... — пусть они и наёмники, но кто сказал, что Габриэль не может подрабатывать на стороне?

— Сам по себе он славный парень, — сказал Финн, — не помешало бы поговорить с ним один на один.

— Вот я и поговорю, — я повернулась к Лучнице, — результат сообщу, когда улучу момент.

Реакция Селены? Её коронное выражение *бешенства*.

— Хорошо! Я покажу тебе их палатку, — она набросила на плечи куртку.

Я повернулась к Циклопу:

— Оставайся с Финном и Мэтью.

Разговаривая с животным, я всегда чувствовала себя нелепо (хоть он и умнее остальных животных, и вообще, вполне возможно, что я общаюсь с Ларк).

В ПШР^[1], психушке, где меня держали, пациентам разрешали смотреть только классические шоу по кабельному, типа *Лесси*^[2]. И я боялась, что в следующую секунду могу брякнуть что-то типа: «Что, Циклоп, что? Тимми упал в колодец?»^[3]

Как только мы вышли из палатки, Селена тут же на меня набросилась:

— Ты же понимаешь, что это рискованное предприятие. Джоуль и Габриэль как... — она подняла два скрещенных пальца, — *вот*. Не разлей вода. У нас шансов один на миллиард. А это значит, что твоя затея идиотская.

Я взглянула на нее:

— Знаешь, как вьющийся плющ цепляется за кирпичи? Он тычется и тычется, пока не найдет слабое место, за которое можно зацепиться. Мы будем делать то же самое. Или у тебя есть идеи получше?

Она поджала губы. Но, должно быть, заметила, что я на пределе, поэтому произнесла:

— Я же здесь, не так ли?

— Ладно. Давай поговорим о Любовниках.

Когда Мэтью возвращал мне воспоминания о прошлых играх, он говорил, что они будут приходить эпизодически (чтобы не травмировать психику). Я попыталась вытянуть из памяти воспоминания о Любовниках из прошлого, но ничего не получилось. Возможно, я просто не сталкивалась с ними. На ум пришёл только пикник с бабушкой: «*Что там у тебя, Эви?*». Я вспомнила, как она порезала большой палец скорлупой ореха пекан, чтобы пошла кровь.

— Так говори.

Селена, словно газель, грациозно перескакивала с одной дощечки на другую. Я плелась за ней, к моим ботинкам были привязаны гири.

— Смерть говорил, что они жаждут боли, но я не знаю, почему.

— Может, потому что они, черт возьми, злые, Как Жрец и Алхимик?

И Оген? И, возможно, Верховная Жрица? Что делать, если все Арканы потенциально злые? Что если это и *делает* нас Арканами? Мое альтер эго — красная ведьма — может напугать даже меня саму.

— Расскажи, что тебе известно о способностях Любовников?

Селена засомневалась.

— Сейчас не время делиться информацией.

Я остановилась посреди лагеря.

— Мы должны работать вместе. Я собираюсь спасти его любой ценой. А ты?

Она обернулась, чтобы встать напротив меня.

— Меня учили никогда не делиться информацией своих летописцев. Мэтью говорил: «сближение и сохранение», меня учили: «сближайся-сохраняй-скрывай».

Я упрямо скрестила на груди руки.

Наконец она сказала:

— Ради Джей Ди я пойду против того, чему меня учили, потому что я всегда была и всегда буду на его стороне, но, к несчастью, для его спасения мне нужна твоя помощь.

Всегда?!

— В моем пособии по Арканам было много теорий о Любовниках.

У нее было пособие? Я тоже хотела бы пособие! Вместо этого у меня была бабушка, Тарасова, провидица Таро. Она обладала богатством знаний... если бы я только смогла найти ее, *добраться* до нее. Но знания были и у Селены... если б только я смогла ей *доверять*.

— Говорят, одновременно нашептывая, они могут внушить тебе путать боль и удовольствие. Размахивая соединёнными руками, могут склонить тебя к убийству, или самоубийству. Ты слышала о чём-нибудь из этого?

— Только про внушение. Больше ничего не припоминаю.

— Остальные летописцы имели о них весьма смутное представление. Император? Любой скажет, что он может двигать горы, вызывать землетрясения и убивать лавой. Верховная Жрица властвует над водой, и топит своих врагов. Вполне определенные вещи. Но Любовники окружены тайной. Может, потому, что они всегда умирают в начале игры. А, может, они просто хорошо скрывают секреты своей силы. Как и большинство из нас.

— Я рассказала тебе все, что знаю. А что скрываешь ты?

Она махнула рукой:

— Я не знала, что животные Ларк пуленепробиваемы, и что Оген мог настолько увеличиваться в размерах. И раз уж мы об этом заговорили, ты рассказала, о том, что причинил тебе Дьявол, но не о Смерти.

Смерть? Он почти влюбил меня в себя, а потом разбил мне сердце.

— Давай сосредоточимся на Любовниках, ладно? Я постараюсь узнать больше информации у Мэтью.

— Удачи. Он выдаст ещё большую бессмыслицу, если это вообще возможно. И еще эти приступы. Только Джей Ди удавалось его успокоить.

Я почувствовала укор совести за то, что Джеку пришлось о нём заботиться.

— Может Джоуль и его команда что-нибудь знают?

— Только род Гейба вел хроники, но все их книги были уничтожены много веков назад.

Держу пари, Арик знал все о Любовниках. Как троекратный чемпион среди Арканов, он жил на протяжении тысячелетий, накапливая знания, словно бесценные реликвии...

Мимо прошли двое часовых в камуфляжных дождевиках с капюшонами и с винтовками в руках. Они почтительно нам кивнули.

Я шёпотом спросила:

— Они не боятся Арканов? Одни только крылья Габриэля должны наводить на них ужас.

— Поначалу так и было. Но они смотрели на Джей Ди, брали с него пример. Они чуть не преклоняются перед «охотником».

Харизматичный Джек мог быть очень убедительным, когда хотел.

— Мы помогали ему поддерживать порядок, — сказала Селена, — у армии юго-востока есть близнецы, но и Джей Ди заполучил трех Арканов — экстрасенса, прекрасную богиню-лучницу и иллюзиониста.

— Как все это возводилось?

— Большую часть стены он построил собственноручно, работая до изнеможения. Она выстоит даже против танка — Селена не могла бы говорить с еще большей гордостью. — Через засланных шпионов он вербовал умелых солдат АЮВ из числа недовольных. С его способностями лидера и с помощью иллюзий Финна мы тоннами воровали у армии: еду, горючее и даже мины, которыми Джей Ди заминировал ров.

— Кажется вы, ребята, быстро набрали обороты

Селена кивнула:

— Вот почему АЮВ перебросила половину своих сил через реку. Их оружие до нас не достает — сейчас — но думаем, что артиллерию с собой притащит Армия Севера. И если она достанет сюда...

Ещё одним поводом для беспокойства в моём списке стало больше.

— Как захватили Джека?

— Как я и говорила, мы собирались взорвать мост, пока на нем находился Винсент. Мы заняли позицию на скале с видом на зону удара, ожидали пока мост перейдет его конвой. Джей Ди держал палец на детонаторе.

— Мэтью сказал, что Винсент застал его врасплох.

— Этот ублюдок остановился перед самым мостом. И пока мы придумывали новый план, одна из машин конвоя, пересекшая реку, пальнула в нас из пятидесятого калибра.

Я кивнула будто знала. Что это такое. Звучало плохо.

— А дальше что?

— Пули градом посыпались на скалу. Финн упал раненный, но мы с Джей Ди как-то держались. Он взобрался повыше, чтобы попытаться подстрелить Винсента, а я двинулась в другую сторону, чтобы отвлечь огонь на себя. В следующее мгновение я поняла, что я тоже падаю.

— Но как они узнали где вы будете?

Она огляделась.

— Думаю, среди нас есть предатели, подосланные Миловничи.

Я потеряла затылок.

— Если нам удастся освободить Джей Ди, мы их вычислим, — она указала куда-то позади меня, — палатка Гейба в той части двора. И как мы уговорим его?

— Ты будешь с ним флиртовать.

— Ты что свихнулась?

— Он сходит по тебе с ума.

Селена начинала выходить из себя.

— Ясное дело. Но как это нам поможет? Хочешь, чтобы я притворилась, что он мне нравится? Он странный.

Да, он одет в старомодный костюм с чудным галстуком (шейным платком или чем-то вроде того). И да, его речь устарела. Но...

— Я бы сказала эксцентричный.

Она фыркнула и, тихо добавила:

— Тесс рассказывала мне, что он вырос на отдаленной горе в каком-то монастыре для Арканов. Его летописцы были последователями культа крыла. Они поколениями жили отдельно от общества в ожидании его рождения.

Не удивительно, что он такой старомодный.

— Ты говорила, что все его книги уничтожены?

— Крестьяне пытались сжечь культ а-ля Франкентштейна; хроники превратились в дым.

В прошлой жизни крестьяне хотели сжечь и меня. *Они сжигают все, чего боятся.*

— Селена, я не прошу тебя вить гнездо с Габриэлем. Все, что тебе нужно сделать это мило попросить его перенести нас, — я протянула руку, чтобы заправить прядь серебристых шелковых волос ей за ухо, — я скучаю по блеску для губ, думаю ты тоже.

— Заткнись. Не могу поверить, что собираюсь сделать это. Ненавижу, когда девушки пользуются своими уловками. Лично я душила бы его, пока не согласился.

Я вздохнула.

— Это план Б. Иногда плющ делает так же.

— Эй, Гейб! — входя в палатку Селена бросила на меня укоризненный взгляд. — Есть разговор.

Он мгновенно выскочил, сложив черные крылья, чтобы проскользнуть через полог палатки. Длинные чёрные волосы, собранные в хвост. Когти и клыки, как у Ларк. Глаза цвета зеленой листвы.

Даже для чудака, он выглядел весьма необычно.

— Селена, — выдохнул он, густо краснея, — о, Императрица тоже здесь.

Почему я была здесь? Как сказал бы Мэтью: «Природа и порядок. Любовь и цветение».

— Приветствую вас обеих, — он одёрнул пиджак, словно никак не мог удобно расположить основания крыльев в прорезях на спине, — леди, каков насущный вопрос?

Селена улыбнулась.

— Ты хотел сказать: *чтостряслось?*

Ничего себе флирт. Да она опытная кокетка.

Габриэль оглянулся по сторонам:

— Вроде ничего не тряслось.

— Ну, тебе сверху видней, — сыронизировала Селена.

Он кивнул:

— Мне нравится быть сверху.

Мы с Селеной вместе на него уставились. Благовоспитанный Габриэль вероятно понятия не имел, как двусмысленно прозвучали его слова.

— В общем, дело такое, — Селена не стала тянуть резину, — мы собираемся выволить Джей Ди, и ты нам в этом поможешь.

Бросив взгляд через плечо, он повернулся обратно:

— Но Джоуль уже высказался на эту тему. Наш альянс не станет...

— Я не обращаюсь к вашему альянсу, — перебила его Селена, — я обращаюсь к тебе лично. Мы просим всего лишь о транспортировке. С тебя требуется только переправить нас через реку, и всё.

Внезапно я вспомнила о ещё одной его способности — животном чутье.

— И выследить Джека по запаху. Я была бы тебе за это несказанно благодарна, как и Селена.

Я бросила на неё многозначительный взгляд.

— Да, Гейб. Я действительно была бы тебе очень благодарна, — заверила Селена, положив руку на его мускулистое плечо.

Его губы приоткрылись, а крылья, беспорядочно захлопали. Эй, это он что поморщился при взмахе? Неужели наш транспорт неисправен?

— С тобой все в порядке? — спросила я.

Он не ответил, просто пялился на руку на своём плече.

Надо отдать Селене должное, она не убрала руку.

— Так мы можем на тебя рассчитывать?

Так как он завис в нерешительности, а может впал в ступор от ее прикосновения, я сказала:

— Помоги нам сегодня покончить с Любовниками.

Ну, хотя бы с одним из них.

Овладев собой, он сказал:

— Я думал, ты не хочешь участвовать в игре, Императрица.

— Не хочу. Но мне нужно время, чтобы понять, как её остановить, — в моем представлении игра была похожа на механизм с шестерёнками и колёсиками, который я стремилась расстроить, — близнецы придут за каждым из нас.

— Каков твой план?

— Финн маскирует нас. Ты переносишь нас через реку. Мы проникаем в лагерь Любовников. Я усыпляю всех в палатке Джека, мы с Селеной его вытаскиваем.

Какое-то мгновение Габриэль молчал. Пристально посмотрев на него, Селена убрала руку, и он сразу же сказал:

— Я не хочу быть на птичьих правах и помогу вам не только с транспортировкой, но и как полноправный член команды. Но у меня есть условие.

На птичьих правах — сказал парень с крыльями.

— Я тебя слушаю.

— Мы идем туда, чтобы убить одного из Миловничи. Никаких предложений союзничать. Никакой пощады.

Поддерживая его на все сто, я, однако, не ожидала такой бескомпромиссности.

— Мы разговаривали со здешними солдатами о генерале и его отпрысках. Их надо остановить.

— Мы с ними разделаемся, — заверила я.

Он протянул когтистую ладонь, и мы обменялись рукопожатием.

— Джоуль придет в бешенство. Чувствую меня ждет будущее в стиле AC/DC^[4].

Чего?

— Как группа?

— Нет. Как ток. Но с этим я как-нибудь справлюсь.

— Ты сделаешь это, — сказала Селена. — захвати повязку, чтобы защититься от спор и встретимся на смотровой площадке. В полночь.

Я нахмурилась.

— Это через час.

— У их солдат стандартный распорядок, как и здесь. Ранний подъем, несмотря даже на то, что солнце не всходит. В полночь же большинство обитателей лагеря будут спать, — она обратилась к Габриэлю, — люди не должны узнать о наших планах.

— Понятно.

Я незаметно пнула Селену по ботинку; она выпрямилась и сказала:

— О. Спасибо Гейб. Я этого не забуду.

— Это будет для меня истинным удовольствием, Селена. Жду с нетерпением, — его глаза расширились, — то есть я не имел в виду, что рад произошедшему.

Селена помогла ему выйти из неловкой ситуации:

— Я тоже с нетерпением жду возможности надрать задницы этим двинутым маньякам.

Он усмехнулся.

— Именно.

Мы развернулись и пошли назад к палатке Селены и Финна. На полпути она сказала:

— Я не могу поверить, что он пойдет против Джоуля! Я готова была поставить свой лук на то, что он откажется. О Боже, мы можем освободить Джей Ди сегодня же вечером! Эви.

если у нас получится... — хотя Селена была на сто процентов первоклассной стервой, блеск ее глаз выдавал, что внешне непрístupный фасад дал трещину, — если мы вернем его обратно, то снова будем заодно.

— А мы когда-нибудь были командой? — мы с ней были такими разными и поначалу не чувствовали ничего кроме ненависти. Но мы действовали беспорядочно, пока не начали полагаться друг на друга. И вот она немного ослабила настороженность. Как только я подумала об этом, выражение ее лица ожесточилось:

— В каждой игре Лучница найдет стрелу для Императрицы.

Я вздохнула

— Да, да. Я помню.

— Но в этой игре она может и потеряться. — Расправив плечи, она от меня отвернулась.

Когда она ушла, я осознала две вещи: *что это самое внятное признание нашей дружбы, которое я когда-нибудь от неё услышу. И что я принимаю признание.*

— Императрице предстоит битва.

Ближе к полуночи мы с Мэтью сидели лицом к лицу на самом верху смотровой башни, соприкасаясь носами ботинок. Мы говорили приглушенными голосами, как тогда на заднем сидении грузовика с Джеком и Селеной.

Газовая лампа отбрасывала трепещущий свет. Снаружи бушевала буря. Внизу нес охрану Циклоп.

— Я готова.

Сразиться с психически больными маньяками. Взлететь в небо с крылатым парнем.

Башня содрогалась от порывов ветра. Не самая лучшая погодка для полёта...

После того, как мы с Селеной заручились поддержкой Габриэля, я провела лошадь (она выглядела намного лучше, но всё ещё сердилась) и направилась в палатку, которую Джек делил с Мэтью.

Хотелось передохнуть, но как только я опустилась на койку Джека, меня тут же окутал знакомый волнующий запах. Приступы тоски сменялись всплесками паники по поводу его заточения.

Какой там сон.

— А ты хотел бы пойти? — спросила я Мэтью.

Он пожал плечами, как если бы я спросила, не хочет ли он перекусить.

— У меня есть дела.

— Какие?

— Дела, — ответил он, словно обычный подросток.

— Расскажи о Любовниках? Хоть что-нибудь?

— Герцог и герцогиня, Самые Извращённые, — он и вовсе перешёл на шёпот, — их карта перевернута. Противоположность. Порок.

— Но что это значит?

Он стал раскачиваться взад-вперёд.

— Враждебность, животная страсть, разногласие, конфликт, ревность. Говоря о любви, они подразумевают уничтожение. Они жаждут возмездия, поскольку ведут хронику и помнят.

— Какими силами они обладают?

Он начал раскачиваться медленнее.

— Они не используют их по назначению.

— Что ты имел в виду под ударом, падением, безумием и поражением?

Он кивнул.

— Иногда мир вращается в обратном направлении. Бывает, сражения делают также. Слово «карусель» означает маленькую битву.

Я кивнула в ответ, будто это имело смысл.

— Мэтью, что они сделают с Джеком, если у меня ничего не получится? Загипнотизируют его? Будут управлять его разумом?

— Они тщеславны. Они оттачивают своё мастерство. С помощью острых инструментов, они что-то отсекают, что-то перемещают, переделывают и изменяют людей. Рождаешься одним, а умираешь другим.

Порыв ветра заглушил его шепот.

Меня бросило в дрожь. Создавалось впечатление, что мы сидим в домике на дереве и при свете лампы рассказываем страшилки. Как в детстве.

Но после апокалипсиса все истории были реальными.

— Ты не захочешь знать больше об их мастерстве, — Мэтью задрожал, — я не хотел. Сила — твоё бремя, знание — моё.

— Какая сила?

— У тебя теперь больше способностей.

Хотя в целом я стала слабее из-за отсутствия солнечного света, я освоила новый навык.

Готовясь к нападению Дьявола в подвале дома Смерти, я невольно впитала в себя знания всех тех растений, а заодно и всех когда-либо с ними связанных.

Раньше я могла оживлять растения и деревья, управлять ими, но никогда их не понимала. Теперь же могу возвращать их без семян, могу производить разные споры, способные усыпить человека как временно, так и навеки. То же самое с ядом на губах.

— Фитогенезис, — сказала я.

— Фитогенезис, — торжественно повторил он.

— Ты предвидел битву с Огеном? Что я окажусь среди всей той зелени и пролью кровь?

Довериться ему — это как, не глядя, упасть назад.

— Не время ли тебе надеть корону?

Я в сотый раз хмуро на него взглянула.

— Как на моей карте? — карта Таро изображала её/меня с короной, украшенной двенадцатью бриллиантовыми звёздами. — Ты это имел в виду?

Он уставился на свою руку. Тема закрыта.

Хорошо...

— После сражения с Огеном, я пощадила Смерть и Ларк. Я контролировала краснук ведьму.

Это Мэтью точно оценит.

— Ты можешь её усмирить, но можешь ли ты её вызвать?

А может и не оценит.

Вызвать ведьму?

— Она появляется, когда на меня нападают, — мгновенно отзывается на боль... и гнев, — это получается непроизвольно. Зачем мне её вызывать?

— Джек не с нами.

Я вздохнула, позволив ему направлять наш разговор.

— Да, не с нами.

— Твоё сердце болит снова. Его тоже. Надежды. Высота. Подавленный. Любовь. Он размышляет о своей жизни.

— О чём именно?

— О распутье и упущенных возможностях. Он раскаивается ещё сильнее, чем раньше. Он сожалеет, что обманывал тебя.

— Я тоже.

Он прекрасно разбирался в людях, он и врал мастерски. Я подошла к смотровому окну и стала вглядываться вдаль, как будто могла его увидеть. И хотя я боялась, что никогда больше не смогу ему доверять, но до сих пор любила.

— Он хотел бы увидеть тебя в последний раз, — в голосе Мэтью скользнуло

лукавство, — я могу показать тебе его мысли.

Проникнуть в сознание Джека? Хотя он ведь прослушал без спроса запись с историей моей жизни.

— О чём он думает? Покажи мне.

— Его глазами, — прошептал Мэтью.

Видение накрыло меня с головой, вырывая из реального мира. Когда воспоминания Джека стали моими, я перенеслась в ветхую лачугу, где жили они с матерью. Сквозь приоткрытую дверь чувствовался запах заболоченной воды, доносилось кваканье лягушек и стрекот цикад.

Его мать улыбалась. Она была необыкновенно красивой — с загорелой кожей, высокими скулами и длинными черными волосами.

Но тень подернула ее серые глаза, когда она представила ему двух посетителей.

Матап подзывает меня и знакомит с немолодой женщиной и девочкой примерно одного со мной возраста — где-то лет восьми. Нас с Матап называют нищими, но и эти двое не далеко от нас ушли.

— *Джек, это Эула и ее дочь Клотиль. Клотиль твоя единокровная сестра.*

Совсем ещё кроха, с тоненькими ножками и большими проникновенными глазами. Меня охватила такая печаль — я ведь знала, какая судьба её ждёт. Меньше, чем через девять лет она переживет апокалипсис, только чтобы оказаться в плену у Винсента и Вайолет.

Клотиль сбежала от них и успела застрелиться. Джек до сих пор не знал почему. Она убила себя, чтобы освободить его? Или просто не знала, как жить после того, что с ней сделали Любовники?

Я говорю Матап:

— *Нет у меня никакой сестры.*

Вот младший брат у меня был. В начале лета Матап возила меня в Стерлинг, чтобы показать особняк отца. Она сказала, что всё это должно было стать нашим. Мы смотрели, как Рэдклифф и другой его сын гоняли мяч во дворе. Брат был чем-то на меня похож, но эта девочка какая-то бледная, худая, и волосы у нее светло-каштанового цвета.

— *У вас один отец. Рэдклифф, — Матап с трудом произносит его имя.*

— *Это еще не факт, Хэлен, — фыркает Эула, — шанс один к трем.*

Клотиль смотрит в потолок. Чувствуется, что она смущена тем, что не знает, кто ее père^[5], но уже успела к этому привыкнуть.

Эула подходит и обхватывает руками моё лицо, чего я терпеть не могу.

— *O, ouais^[6], без сомнения в тебе течёт его кровь. Хотя это всё равно ничего не значит. Вы ни копейки от него не получите, — она опускает руку, — вы с Клотиль пойдите поиграйте. А мы с твоей mère^[7] пропустим по стаканчику.*

Когда Матап выпивает, то становится другим человеком. Я смотрю на неё с мольбой: «Не надо». Но она отводит взгляд. А чего еще я ожидал?

Клотиль с улыбкой берёт меня за руку, и мы выходим на улицу. Кажется, она ничего так, милая. Она же не виновата, что оказалась моей сестрой.

Я привожу её на плавучий причал, который смастерил сам, и показываю, как проверять сети. Она глядит на меня изумленно, словно я воду в вино превратил.

И вдруг ни с того ни с сего произносит:

— *Кажется, ты мой старший брат.*

Я не знаю, как к этому относиться. Она не плохой компаньон, не трещит без умолку.

Даже когда у неё заурчало в животе, она не призналась, что голодна. Я хотя бы могу прокормить себя, умею охотиться, рыбачить, да и приготовить свою добычу. Я мог бы помочь ей время от времени.

— Похоже на то.

Затем, нахмурившись, я пинком спихиваю сеть обратно в воду. Ещё чего не хватало — кормить лишний рот!

По грязной подъездной дорожке с грохотом проносится грузовик и останавливается перед входом в хижину. Из кабины вываливаются двое мужиков, выкрикивают приветствия, и наши мамы начинают хихикать.

Я слышу звяканье металлической открывашки о пивные бутылки, звон горлышка о край стакана. Они врубают музыку на радиоприёмнике, «найденном» мною несколько месяцев назад, и разбиваются по парам.

Даже музыке в стиле зайдеко^[8] не под силу заглушить происходящее внутри. Клотиль впервые кажется расстроенной.

Я сделал бы, кажется, что-угодно, только чтобы эта хрупкая маленькая *fille* не плакала.

— Можно одолжить пирогу и весло. У меня есть ещё сети.

Она вцепляется в эту идею, как окунь в наживку, и мы пропадаем на несколько часов.

С заходом солнца мы поднимаемся по ступенькам лачуги.

— Держись позади меня, малая, — шепчу я. Когда хахали Матап перебирают, то любят помахать кулаками. Обычно достаётся либо ей, либо мне.

Внутри полный бедлам. Эула с мужиком отключились в чём мать родила, прямо на моём диване. Глядя на эту картину, Клотиль безразлично пожимает плечами, но я вижу, что ее щеки покраснели, а взгляд остекленел.

Дверь к Матап открыта, и я слышу мужской храп с кровати — но знаю, что лучше в ту сторону даже не смотреть.

Рядом с диваном лежат мои библиотечные книги, облитые ликером. Это бесит меня так, что я сжимаю от злости кулаки.

Стиснув зубы, я достаю из холодильника две бутылки пива. Клотиль, как ни в чём не бывало, хватает открывашку. И мы возвращаемся на пристань. Наблюдая за заходом солнца под двумя кипарисами, она открывает пиво, будто делает это каждый день.

Я никогда до этого не пил, но почему бы и нет? Первый глоток вкусом не впечатлил. Ничего, втянусь.

После второго меня немного отпускает, приходит расслабление.

— Клотиль?

— А?

Кажется она уже немного пьяна.

— Говорят, у нас нет шансов куда-нибудь отсюда уехать. А ты никогда не думала, что мы достойны большего, чем Бейсен?

Она отвечает, не задумываясь:

— Неа.

Обдумывая ее слова, я делаю еще глоток.

— *Ouais*, я тоже.

На глаза навернулись слезы. И все-таки Джек планировал выбраться из Бейсена и добиться лучшей жизни. Он хотел бросить вызов убеждениям, на которых вырос. Меня

поразила его невероятная храбрость.

Он все ещё считает, что не достоин лучшего? Клотиль, осмелившись понадеяться на большее, была наказана намного хуже, чем жизнью в Бейсене.

Сознание Джека переносит нас в другой отрезок его жизни. Мы гуляем с ним за руку, после нашей первой и единственной ночи, прямо перед тем, как вступить в бой с каннибалами.

Никогда не думал, что буду чувствовать себя так хорошо на трезвую голову. Это и есть умиротворение? Не удивительно, что все к нему так стремятся.

Эви смотрит на меня своими удивительными голубыми глазами, и она так чертовски красива, что я чуть не спотыкаюсь о собственные ноги. От нее пахнет жимолостью, а значит, ей хорошо. Ее улыбка пьянит меня сильнее, чем алкоголь. Она не жалеет.

Хорошо. Потому что я не собираюсь ее отпускать. Я думал, чтобы быть с ней рядом мне нужно достичь небывалых вершин, но она так не считает. Я хочу сказать что-то, поделиться своими чувствами по поводу того, что между нами произошло...

Но мои слова могут быть неправильно поняты.

Тогда я сжимаю ее руку и просто держу.

— А той Эванджелин.

Моя.

— Навсегда, — обещает она.

И я ей верю.

— Эй, блонди! — услышала, голос Финна, доносящийся снизу. — Это что у вас девчачий домик на дереве?

Я качнула головой, и связь с Джеком оборвалась.

— Что-то ты рановато, — ответила я Магу, пока мы с Мэтью спускались вниз. В запасе было еще двадцать минут.

— Не хотел ни с кем столкнуться.

Мы втроём вошли в комнату, расположенную в нижней части дозорной башни. Стены внутри были обшиты листовой сталью. Полы устланы заплесневелым сеном. Всю обстановку составляли грубо сколоченный стол и несколько лавок.

На одну из них, вытянув ногу, уселся Финн. Мэтью занял место рядом с ним.

— Садись, где хочешь, — проворчал Финн в сторону неуверенно крадущегося Циклопа, — у нас здесь свобода передвижения.

Но когда волк плюхнулся прямо рядом с ним, как будто бы улыбнулся.

— Мы и сами могли прийти к тебе, — говорю я. Ему, наверное, было чертовски тяжело перемещаться по лагерю.

Он тяжело дышал. На губах выступили капельки пота.

— Чем ближе я буду к вам, ребята, тем лучше для иллюзии.

Но ведь башня находится не так и далеко от его палатки. На какое же расстояние распространяется действие его сил?

Он положил костыль на колени. На металлическую стойку были наклеены потертые наклейки с кошками. Интересно, кому он принадлежал раньше?

— Итак, Императрица, лошадь и волк входят в форт...

— Если это начало очередного анекдота, то я пас, — хотя я соскучилась по шуткам Мага, но наклонившись к нему, я тихо сказала: — неважно выглядишь, Финн.

Остались ли где-нибудь в мире запасы Адвила^[9]? Рука Селены тоже, должно быть, причиняла ей беспокойство, но с такой ее тщательной подготовкой, она наверняка должна знать джедайские шучки, чтобы умерить боль.

— Я чувствую себя как гребаное помойное ведро, но я буду в порядке, — заверил он меня.

— Правда, Matto?

— Маг готов!

Я села на другую лавку.

— Я слышала, ты упал с горы.

— Во время перестрелки с АЮВ. Моя нога еще не полностью восстановилась, после медвежьего капкана, и для повторного перелома много не понадобилось. Но Селене пришлось еще хуже. Она сломала руку в двух местах, ребра и ключицу.

Всего-то неделю назад? Я и раньше подозревала, что ее тело ускоренно регенерирует.

— Она как-то сумела притащить меня обратно в форт.

Для Селены удержаться от убийства Аркана это одно. А спасти другую карту — совсем другое. Она проявила расположение к кому-то, кроме Джека. Похоже, что их с Финном отношения стали налаживаться.

— Хорошо, хоть умру молодым, — невозмутимо продолжал Финн, — а то остался бы хромым неудачником.

— Умрешь молодым?

Он не шутил.

— Я уже смирился с этим, — он пожал плечами, — мы все должны смириться.

— Из-за игры? Мы не знаем этого наверняка.

Мои слова заглушило очередное завывание ветра, бросающего струи дождя в металлическую обшивку стены.

Финн с опаской посмотрел вверх.

— Не только из-за игры.

После трёх месяцев постоянных ливней погода менялась. То бушевали штормовые ветра, то сгущался такой туман, что, казалось, его можно было потрогать руками.

— Ребята, а у вас ещё не было снега? — кажется, я видела одинокую снежинку в ночь, когда сбежала от Арика.

— Не очень-то его и ждем. Не забывай здесь сёрфер из Южной Калифорнии. Только представь, если снегопады будут такими же сильными, как дожди...

— Снегмагеддон! — выкрикнул Мэтью, и они вместе рассмеялись.

— Ага, Matto, выполз сурок, чтобы предсказать ядерную зиму. Но его съел Бэгмен!

Ему почти удалось и меня рассмешить. Не раньше, чем Джек будет в безопасности...

Финн снова заговорил серьёзно:

— Эви... — он запнулся и покосился на волка. Видимо, хотел поговорить о Ларк без лишних ушей.

Я вошла в его положение:

— Она находится под тщательным присмотром врача.

Он кивнул и принялся обдирать наклейку с рыжим полосатым котом, но во взгляде по-прежнему читался вопрос.

— Она ужасно казнила себя за то, что произошло, — сказала я, — а когда узнала, что ты выжил после обвала пещеры, то вся просияла. Даже заплакала. Ты ей небезразличен, как и она тебе.

В комнату влетела Селена:

— Эй народ у нас здесь совещание, а не сеанс групповой психотерапии.

Следом за ней показался Габриэль. Я наблюдал за ней... как ястреб.

Она критически меня осмотрела:

— Силёнок-то хватит? Что-то я не вижу твои глифы.

Индикаторы сил Императрицы.

— Хватит, — с тех пор как моими силами движут чувства, я боюсь, как бы не перестараться, — а у тебя?

Под курткой она носила кобуру с пистолетом, поверх нее — перевязь для руки. Тонкую талию опоясывало крепление для меча.

— У меня есть Глок^[10] и меч. Я хорошо экипирована.

В дверях показался Джоуль, его кожа искрилась от гнева. АС/ДС.

— Ты действительно собираешься сделать это? — потребовал объяснений он у Габриэля. — Проникнуть в стан врага с Лучницей без лука и незаслуживающей доверия Императрицей? Откуда ты знаешь, что она не слетит с катушек и не вонзит когти тебе в спину?

Вот придурок.

— У Селены есть и другое оружие, — возразил Габриэль, — и я доверяю Императрице в этом деле.

Да, теперь я лучше контролирую жестокую красную ведьму, но не уверена в себе на все

сто. Если сегодня мы потерпим неудачу и не вернем Джека, не сорвется ли она с цепи? Черт, остается только надеяться, что я не убью Габриэля с Селеной.

Я прочистила горло.

— У вас, ребята, есть повязки? — Смоченная ткань могла бы послужить фильтром против моих спор. По крайней мере, я на это надеялась.

Габриэль вытянул из кармана платок.

— И есть еще одна с запахом Джека из его палатки. Но мне нужно будет отследить его, прежде, чем вы приступите.

— Просто дай знать, когда будешь готов.

Я вела себя так, будто полностью контролировала свои силы. Каким бы напряженным, трудным и *смертельно опасным* не становилось наше положение.

Джоуль сотворил копьё и принялся вертеть его в руке.

— Учти, Гейб, за рекой я бессилён. Тебе придется рассчитывать только на себя. Некому будет тебя прикрыть или подстраховать.

— Я уже дал слово, что пойду.

Джоуль начал искриться еще сильнее.

— А я говорил тебе, что не пойду, не без платы.

— Значит, наши пути на время расходятся, — решительно ответил Габриэль.

— Завязывайте уже со своим бромансом!^[11] — фыркнула Селена. — Джоуль, здесь тусуются только те, кто в деле. Так что будь любезен, убери отсюда свой ирландский зад.

— В один прекрасный день, Лучница...

Рванув к выходу, он в пороге столкнулся с Тесс.

— Приветик, ребята, — она сняла капюшон и пригладила длинные тёмно-русые волосы, — а можно мне с вами?

Мы с Селеной переглянулись, и я спросила:

— Эмм, зачем?

— Я могла бы помочь вынести Джека, если вдруг он ранен. Селена ведь только одной рукой может пользоваться, да и у Гейба возможно будут другие заботы.

Поскольку это нас не убедило, она продолжила:

— Однажды я подвела тебя, Эви. И теперь хочу загладить вину.

Тэсс не решилась нанести удар Смерти, когда у нее была такая возможность — но что было бы, если бы тогда она повела себя по-другому? Я никогда не узнала бы настоящего Арика.

Но *знала* ли я сейчас его настоящего? Человека, скрывающегося под всей этой бронёй?

— Тесс, даже если бы тогда тебе хватило духу, ты всё равно бы опоздала. Смерть уже был свободен.

— Я знаю, что посмешище среди Арканов, — тихо сказала она, — но я не смогу этого изменить, если не сделаю что-нибудь значимое. Прошу вас. Пожалуйста.

Габриэль взглянул ей в лицо:

— Она идет с нами, — сказал он решительно, — её помощь может пригодиться. У тебя есть с собой повязка?

Тэсс с готовностью кивнула.

Селена окинула ангела удивлённым взглядом:

— Ты знаешь что-то о её силах, чего не знаю я? Неужто она умеет ими пользоваться?

Когда я впервые встретилась с Тесс, Мэтью перечислил несколько её

умопомрачительных возможностей. Перемещение в пространстве, левитация, манипуляция временем, и это ещё не всё. Она была Картой Мир, великой Квинтэссенцией. К сожалению, она не умела пользоваться этими талантами.

— Ты бы удивилась, Лучница.

Селена пожала плечами.

— Тогда пусть идёт. Повезло тебе, Эви. В случае погони, будет кто-то даже медленнее тебя, — затем она обратилась к Тесс, — сорвешь спасение Джей Ди, и я проткну тебя этим вот мечом.

Она с угрозой обнажила часть лезвия.

Габриэль нахмурился и, дернув мягкими чёрными крыльями, снова поморщился от боли.

— Габриэль, признавайся ты ранен? — спросила я.

— Меня подстрелили в полёте на прошлой неделе, — он вытянул крыло, показывая под перьями прямо в кости пулевое отверстие, — и полностью я ещё не восстановился.

На прошлой неделе? Значит, он тоже быстро исцеляется, как Смерть и Селена.

— К сожалению, крылья делают меня лёгкой мишенью. По словам Джоуля: «это как целиться в стену сарая», — слабость Аркана, — так что нужно либо подождать несколько дней, либо сегодня я перенесу вас, леди, по одной.

— Сегодня, — без раздумий сказала я.

— Проблема в том, что и возвращаться придется по очереди.

— Нужно добраться до Джека сегодня же во что бы то ни стало, — я повернулась к Мэтью, — как насчёт подсказки? Ничего нам не посоветуешь?

— Я уже говорил, — он растерянно на меня посмотрел. — карусель? Сражение? Ты плохо слушаешь!

Злился ли он раньше на меня так сильно?

— Конечно же, дорогой. Я просто подумала, что ты захочешь что-нибудь добавить. Может, сообщишь, когда прибудет Вайолет?

— Она не там, а здесь.

— Как? Я думала, у нас есть чуть больше времени до встречи близнецов.

Неужели они уже взяли за Джека?

— Она не здесь, а там, — он просто полностью перевернул свои слова.

Я затаила дыхание.

— Габриэль, я пойду первой, а на обратном пути буду последней, — я повернулась к Финну, — приступай.

— К слову, — он повертел головой, — вы, ребята, будете видеть настоящие обличья друг друга, но для остальных, примете вид солдат.

Он принялся монотонно бубнить что-то на своём загадочном магическом языке, воздух возле его губ начал колебаться.

Когда он закончил, мы выглядели как четверо небритых мужиков средних лет, вооруженных автоматами.

Финн побледнел еще больше.

— Попробуйте держаться как можно более спокойно. Волнение и слишком частое биение сердца могут повлиять на иллюзию. Удачи вам.

— Спасибо, Маг.

Я выбежала на улицу, за мной все остальные. Габриэль подошел ко мне.

— Императрица, ты готова?

Не слишком ли я доверилась Аркану? И хотя я должница Ларк, ее предательство многому меня *научило*.

— Э, готова.

Когда Габриэль подхватил меня под руки, Селена кивнула.

— Увидимся на другой стороне.

Она знала, что меня терзали сомнения.

Соглашение действует только на территории форта. Как только мы окажемся за его пределами, Габриэль может с чистой совестью бросить меня в воду. Чтобы Верховная Жрица утащила меня в бездну.

Было бы неплохо вырастить из тела лозу и опутать его, чтобы прицепиться покрепче, но это могло разрушить иллюзию Финна. Я рискну ради спасения Джека. Я рискну всем.

— ...по-своему, по-своему —

Позывной Любовников. Учитывая небольшое расстояние между нами, он звучал громко, но как-то сдавленно.

— Вперед, Габриэль!

Без предупреждения он взмыл в воздух, отчего мой желудок ринулся вверх. Я зажмурила глаза, с трудом сдерживаясь, чтобы не завопить.

— Это совсем не страшно, — сказал он, — теперь можешь смотреть.

Я открыла глаза.

— По-почему мы летим так высоко?

Казалось, мы, поднялись на милю над рекой. Здесь, вверху, ветра дули со штормовой силой. Мы вообще продвигались вперед? Или парили на месте?

— Я не знаю пределов досягаемости сил Жрицы, — еще одна тайна Арканов, — лучше перестраховаться, чем потом пожалеть.

Его голос звучал напряженно. Из-за боли в крыле? Что, если оно совсем ослабнет? Мое сердце так грохотало, что это не могло укрыться от его тонкого слуха.

— Значит, хоть ты и являешься Императрицей, но все равно остаешься обычной девушкой?

Я выказала боязнь высоты. А раньше они считали меня бесстрашной?

Зажмурившись от ветра, я оглянулась на форт. За минным полем по земле раскинулись светлые точки. Каменный лес. После Вспышки людям негде было укрываться от перестрелок. И вместо того, чтобы — ну не знаю, скажем, вообще не стрелять друг в друга, они соорудили каменные «деревья».

Габриэль проследил за моим взглядом.

— С высоты я постоянно вижу вещи, которые не могут быть случайными: очертания, формы, подсказки.

Я снова моргнула. Отсюда эти светлые глыбы были похожи на звезды в чернильном небе.

— Императрица, я обладаю чувствами как ангела, так и животного, и я предчувствую возвращение богов.

— Мм, да?

Сумасшедший культ, сумасшедший культ, я сейчас умру.

— Чтобы не случилось, знай, что я искренне желаю тебе закончить игру.

А что должно *случиться*? Он же не имел в виду сейчас, в эту секунду? Зря я не обвила

нас лозой.

И когда я была уже полностью уверена, что сейчас полечу вниз, он опустился на край утёса противоположного берега.

— Из всех Арканов, с которыми мы сталкивались, ты единственная борешься за иное будущее.

Когда мы приземлились, мне стало стыдно, за то, что я в нем сомневалась.

— Я назад. За Селеной.

Сгорал от нетерпения? Он махнул рукой и снова поднялся в небо, взметнув воздушным потоком полы моего плаща.

Через некоторое время он вернулся, прижимая к себе Лучницу, но приземлившись, не спешил выпускать её из объятий.

Словно не замечая этого, Селена высвободилась из его хватки и встала на ноги. Габриэль прокашлялся.

— Я вернусь с Квинтэссеницей.

Он снова исчез в темноте.

За время ожидания во мне нарастала тревога. Вдруг что-то пойдет не так? Я спрятала волосы под капюшон плаща.

— Как думаешь, чем будут сражаться Любовники? Возьмутся за оружие?

Пока большинство Арканов им пренебрегали.

Селена разминалась, выпрямив длинную стройную ногу.

— Говорят, Любовники пользуются отравленными стрелами, как Амуры. Миленько, правда? — сказала она с отвращением. — Но, учитывая наличие у них армии, я ставлю на оружие.

Яд на меня не подействует, и пуля не убьет. Но, что с остальными? Не веду ли я их на верную смерть? Я уже свыклась с ролью лидера, привыкла говорить остальным, что делать. Но я не привыкла к ответственности.

Послушай, Эви, моя стрела уже выпущена. И мне глубоко плевать чем вооружены Герцог и Герцогиня Самые Извращенные. Даже если бы ты сказала, что близнецы могут испепелять лучников взглядом, я все равно попыталась бы спасти Джей Ди.

Как ни странно, мне слало легче, она меня как будто подбодрила.

Габриэль вернулся с перепуганной Тэсс и сказал:

— Примите во внимание, при таком ветре мне нужно некоторое время, чтобы учуять запах Джека и сориентироваться на местности.

Пока мы ждали, Карта Мир кусала ногти, постукивая ботинком. Хотя всем остальным она, наверное, казалась здоровенным стокилограммовым солдатом с нервным расстройством.

Селена хлопнула ее по руке.

— Расслабься, Квинтэссения.

— Ты можешь остаться здесь, — сказала я Тэсс, — например, постоять на шухере.

— Она пойдет со мной, — сказал Габриэль, — и я взял запах. Леди, приступаем к спасению охотника?

Лагерь казался вымершим. Пробираясь через лабиринт из палаток и навесов, мы не встретили ни души.

Только из одного большого шатра лился свет, и доносились мужские голоса. Рядом у открытого огня, шаркая по мёрзлой земле связанными в лодыжках босыми ногами, пожилая женщина раскладывала по мискам еду.

Рабыня. По приказу генерала Миловничи, армия похищала женщин и «принудительно вербовала».

Мои ногти удлинились, превратившись в багряные заостренные когти.

Селена видимо почувствовала моё напряжение:

— Даже не думай. Сосредоточься на Джей Ди. Когда мы освободим его, то позаботимся и об остальных узниках.

С большим трудом я отвела взгляд от бедной женщины.

Габриэль принялся:

— Я чую Джека в следующем ряду. Хорошо, что его палатка стоит обособленно.

Селена окинула взглядом территорию:

— Можешь сказать, сколько там охранников?

— Думаю, человек двадцать.

Я отвернула рукав, чтобы коснуться светящихся глифов.

— Надевайте повязки. Пора.

Когда все приготовились, я, черпая из глифов силу, наполнила руку усыпляющим ядом. Обогнув угол, я подула на ладонь и рассеяла споры. Словно раздувала пламя из искры.

Огромную палатку охраняло более десятка мужчин.

И все они были в... противогазах.

Мои невидимые средства нападения разлетелись по ветру, так и не нанеся им никакого ущерба.

— Ты не сможешь их усыпить, — захныкала Тесс.

— Держите себя в руках! — Селена сорвала повязку, и остальные последовали её примеру.

Ну и что теперь? Что могло понадобиться нам, или четырём солдатам, за которых мы себя выдавали, так далеко от основного лагеря?

— Габриэль, тебе придётся с ними поговорить, — прошептала я, — скажи, что нас вызывал Винсент.

Он окликнул охранников:

— Приветствую!

С таким же успехом он мог сказать: «Здорóво, ребята! Вот это встреча!»

Я внутренне застонала. Тэсс снова захныкала.

— Нас вызывал Винсент.

Ответил худой долговязый солдат, вероятно командир:

— Нам приказано его не беспокоить, — сказал он мерзким, искажённым противогазом, голосом, — ни по какой...

И резко замолчал, выпучив глаза.

На Тесс.

Её иллюзия мелькала, как изображение на старом телевизоре, показывая то девушку, то здорового солдата. Девушку. Солдата.

— Враг в лагере! — проревел один из охранников.

Мы развернулись и бросились бежать. Больше половины охранников с криками погнались за нами. Габриэль расправил крылья и схватил Селену.

— Не забирай меня первой! — она пыталась вырваться. — Без нас им конец!

Но он взмыл в воздух, словно разжавшаяся пружина, описал в небе дугу и скрылся в дали.

Мы с Тесс бежали дальше. Воспользоваться своими силами вот так на бегу не было никакой возможности. Мне нужно было время, чтобы собраться и рассеять свой арсенал. Или мне нужна была ведьма...

Только бы продержаться до возвращения Габриэля!

Крутой берег переходил в отвесную скалу, и я, обогнув ее край, побежала вниз.

— Сюда! — крикнула я, и зашагала вниз по извилистой тропе.

Мы спускались всё глубже в каменистый овраг, преследователи шли по пятам. И наконец впереди растянулась песчаная полоса, примыкающая к речному берегу. Владения Жрицы.

— *Ужас из бездны* —

Тяжело дыша, Тесс спросила:

— Ты слышишь ее, Эви?

Солдаты выбежали на берег и прижали нас спинами к одной из Арканов. Сдаться в руки Любовникам? Или понадеяться, что Жрица не убьет меня за вторжение на ее территорию?

Я бы выбрала Любовников.

— Стой, Тесс. Не подходи ближе к берегу...

Позади раздался мощный всплеск. Мы обернулись. Из глубины вырвались струи воды и словно щупальца поползли по песку.

Чтобы утащить нас с Тесс на дно.

Мы рванули в сторону обалдевших солдат, но щупальца устремились вслед за мной. Ногу опутало мокрой петлей! Попалась!

Резкий рывок. И я приземлилась лицом вниз. Песок набился в рот, залепил глаза. Меня с силой тащило к воде. На песке протянулась борозда, оставленная моим телом. Я пыталась за что-нибудь ухватиться, но щупальца держали меня, как рыбу на крючке.

Тесс потянулась, чтобы схватить меня за руку, но чем ближе она подходила, тем дальше уволакивало меня щупальце.

Словно, играя с нами

Бестелесный девичий голос произнес: «*Смертельные враги*». Это река говорит? «Я думала, ты сможешь подарить мне более достойное развлечение, Императрица.»

Насмехается? Над моей неудачной спасительной операцией?

Во мне закипела ярость — чувство, питающее и приманивающее красную ведьму. Глифы пришли в движение, волосы приобрели красный цвет. Острые когти впились в ладони, раздирая их до крови, чтобы я смогла вырастить собственных солдат.

Я сплюнула песок.

— Отойди, Тесс!

Она попятилась.

Из-под земли ракетами выстрелили виноградные лозы. Зеленые стебли туго оплелись

вокруг водных жгутов, сжимая их, сдерживая силу напора.

Сверху раздался голос Габриэля. Вернулся! Но он не мог пробраться к нам с Тесс через переплетенные с водой лозы.

Откуда бы Жрица не выпускала водные щупальца, мои растения успевали перехватить их и задавить. Вбирая влагу, они напитывались от них силой, утолщаясь на глазах.

Когда петля, сжимающая лодыжку, расплескалась лужей, я попыталась подняться. Лозы подхватили меня и поставили на ноги.

— Подойди, Жрица, *прикоснись*, — выставив вперед ладонь, я сотворила три шипа, — но заплатишь свою цену!

Шипы взметнулись в воздух и закружились в колючем вихре. Жрица снова наступала, но вихрь рассекал водные струи, словно пропеллер. Вырастали они медленнее, восстанавливались с трудом. Она слабела!

Я потешалась над ней:

— Землю так долго мучила засуха. До сих пор ведь чувствуется?

— Это ненадолго, заклятая подруга, — её водянистый голос приобрёл мелодичность, — ах, дожди, они льют, не прекращаясь, верно?

Обессиленные щупальца брызгами разлетелись по речной поверхности, последний раз всколыхнув ее волнистой рябью.

— Мы ещё встретимся, Императрица.

Вода застыла зеркальной гладью. Жрица отступила.

Габриэль приземлился недалеко от кружащих шипов. Хлопая крыльями, он выпустил когти и оскалил клыки в сторону очередной угрозы.

Солдаты стояли с отвисшей челюстью, но с наведенным на нас оружием.

Красная ведьма во мне оставалась невозмутимой: *с чем только не справятся старые добрые свежесваляные шипы*. Я улыбалась, прекрасно понимая, какое ужасающее впечатление произвожу. *Да, джентльмены, вам всем конец*.

— Тесс, спрячься за мной.

Когда она отошла мне за спину, я подняла руки, приготовившись содрать с них кожу.

Долговязый командир жестом приказал остальным опустить оружие. И обратился ко мне:

— В-вы можете убить близнецов?

— Именно это я и собираюсь сделать, — пообещала я, — сразу же после того, как расправлюсь с вами.

Вихрь уплотнился, лозы вытянулись, готовясь к нападению. К чести командира, держался он мужественно:

— Я... меня зовут Франклин. Мы не собираемся вам препятствовать. Мы хотим помочь.

Тэсс прошептала:

— Мы должны выслушать их.

Поскольку мой предыдущий план провалился, придется послушать, что же скажет этот Франклин. Я попыталась немного успокоиться. Вдохнула, выдохнула, вдохнула, выдохнула.

Эви, возвращайся. Усмири ведьму.

— Мы обсудим это, — сказала я, — как только вы снимете противогазы.

Он кивнул своим людям, и те один за другим выполнили требование. На вид Франклин оказался мужчиной лет тридцати, темноволосым, с широко посаженными глазами и заметной щелью между верхними зубами.

Габриэль втянул когти, а я усмирила вихрь, и он медленным круговоротом завертелся вокруг наших ног.

— Я удивлена, что вы восстали против своих лидеров.

Как бы странно не звучало это слово по отношению к Любовникам.

— Большинство солдат ненавидят Миловничи, но у них везде есть шпионы. Тех, кого заподозрят в неверности, расстреливают вместе с родными и близкими. Или того хуже — отдают на растерзание близнецам.

Если Жрец воздействовал на своих почитателей, управляя их сознанием, то Миловничи делали это по старинке — с помощью пыток.

Я кивнула на Франклина:

— А вы сами-то пытались убить близнецов?

— Да. Я отобрал команду, и мы были готовы. Но каждый раз происходило что-то странное. Возможно, вам повезет больше, потому что все это, — он жестом указал на нас, — э-э-м, странно.

— Расскажи о Винсенте и Вайолет, — попросила я, — что происходило странного?

— Мы думаем, что они могут *телепортироваться*. Как в комиксах.

Франклин, должно быть, ожидал, что мы рассмеемся ему в лицо. Но мы (три Аркана) внимательно слушали.

— Продолжай, — сказала я, покосившись на Тесс. У неё тоже была такая способность. Теоретически.

— Несколько недель назад мы запланировали убить Вайолет. Но незадолго до назначенного времени по радиации передали, что она в другом лагере. Хотя прямо перед этим я своими глазами видел её в нашем.

Неудивительно, что Мэтью было трудно на неё настроиться! Как же сражаться с тем, кто умеет телепортироваться? Конечно же, отравить спорами.

— Я могу их убить, — сказала я Франклину, — и я сделаю это. Но в первую очередь меня интересует Джек Дево.

Он кивнул.

— Тогда нам нужно поторопиться. Близнецы уже готовы за него взяться.

— *Разве* Вайолет здесь?

— Я видел ее в палатке, как раз перед тем, как Винсент приказал нам носить противогазы.

Мои шипы снова взметнулись в вихре. Солдаты отступили назад.

Габриэль кивнул.

— Это правда. Я могу слышать Любовников отсюда. Джек отказывается пытаться другого заключённого, поэтому они собираются подвергнуть пыткам его самого.

Я бросилась обратно в лагерь. Габриэль и Тесс побежали следом, а за ними устремились шипы с лозами. Солдаты следовали за нами на безопасном расстоянии.

Добежав до утёса, где мы приземлились, я крикнула Габриэлю:

— Нужно добраться до него, пока...

Издали донёсся душераздирающий крик. Джек. Ему вторили два безумных вопля. Близнецы передразнивают его?

Я испуганно посмотрела на Габриэля:

— Что они сделали?

Он запнулся, прикрыв рот тыльной стороной ладони.

— Что, Габриэль?

Он отнял руку от побледневшего лица.

— Всё плохо, — он говорил, как доктор, собирающийся поставить смертельный диагноз, — Императрица, они раскалённой ложкой... извлекли ему глаз.

— *ЧТО?*

Может, я ослышалась, или Габриэль ошибся? Этого не может быть.

Ночную тишину снова пронзил истошный рёв.

Габриэль вздрогнул.

— Второй.

Казалось, земля ушла у меня из-под ног. Нет, нет, нет. *Только не это*. Острые когти в кровь изодрали ладони.

— Он ослеп, — оторопело пробормотал Габриэль, — они смеются. Дело сделано. На сегодня они с ним закончили.

Я... не смогла.

Я подвела Джека. Вокруг расползались стебли роз. Земля под ногами задрожала — под ней зашевелились змеевидные корни.

Красная ведьма жаждала расплаты! Обрушить шипы и яд на Любовников, на всех и каждого в этом лагере.

Но больше всего я хотела бы *успеть* помочь Джеку.

Почему я не поспешила? Почему не справилась со Жрицей быстрее? Почему бежала от солдат, а не пошла под пулями?

Я представила страдания Джека, и завопила от ярости. Когда близнецы вынимали второй глаз, он знал, что ослепнет навсегда, но был бессилён против этого.

Раскалённой ложкой.

Мое сердце как будто остановилось. Мир вокруг меня...

Сквозь мысленный хаос пробивалось смутное воспоминание. Слова Мэтью.

Вытеснив из головы навязчивые фантазии, о том, как я заставляю Винсента и Вайолет выдавливать друг другу глаза и снимать скальпы, я попыталась схватиться за тень

воспоминания, рвущегося наружу.

Я на миг затаила дыхание.

Я хотела *успеть* помочь Джеку?

Я повернулась к Тесс и, искривив губы в жуткой улыбке, оплела ничего не подозревающую девушку лозами. Подошла поближе, и окружила нас колючим вихрем.

— Для тебя есть работа, Мир, — я вонзила когти ей в плечо.

Она вскрикнула:

— Эви?

Сзади зарычал Габриэль:

— Императрица, отпусти её.

Но он не мог прорваться сквозь мои шипы.

Сегодня Мэтью сказал мне: «Иногда мир вращается в обратном направлении. Бывает, сражения делают также». Он имел в виду, что *Карта* Мир может повернуть все обратно.

Она может повернуть время вспять.

— Пожалуйста, м-мне больно!

— Ты знаешь, что должна сделать, Тэсс. Я не отравлю тебя, если ты остановишь карусель и повернешь время назад.

Она оторопела:

— Но у меня нет жезла, чтобы соединиться с землёй.

Однажды я видела, как она с ним носилась.

— Уж с землей я тебя соединю.

— Но каждая секунда, которую я возвращаю назад, истощает меня. Я не знаю, как этого избежать. Это м-может убить меня.

Без тени сожаления я вогнала когти ещё глубже в её тело.

— Тогда нам стоит поторопиться.

Глядя в глаза Тесс, я чувствовала проявления ее силы.

Её кожа под моими ладонями начала нагреваться, завибрировал глухой гул. Вокруг нас образовался круговорот. Вихрь из шипов? Нет, воздушный поток,двигающийся по часовой стрелке.

Её сила выплескивалась, раскаляя тело, пока исходящий от него жар не начал меня обжигать. Но я не ослабила хватку. Гул нарастал. Громче. *Громче.*

Наши волосы взметнулись вверх. Когда её тело начало отрываться от земли, я вогнала когти ещё глубже. Неужто, без меня, она бы и вовсе улетела?

Когда шум стал совсем невыносимым, у неё из ушей пошла кровь. По моей шее тоже побежала теплая влажная струйка.

Вдруг Тесс запрокинула голову и закричала. Я ощутила, как окружающая действительность замерла на один короткий миг... перед тем, как снова начать вращаться. В другую сторону.

Мы двигались в обратном направлении! Карта Мир, сама Квинтэссенция, повернула время вспять.

Первый виток. Раздался всплеск сопровождающий начало нападения Жрицы. Арсенал, который я использовала против неё, начал исчезать, но в пределах круговорота Тесс я оставалась такой же, как после нападения — окровавленной и мокрой.

Тесс посмотрела мне в глаза. Ее лицо побледнело, щёки ввалились.

Второй виток. Мы с Тесс из прошлого бежали от солдат по скалистому оврагу.

Её тело под моими когтями теряло вес с пугающей скоростью. Сосуды в глазах полопались, белки покраснели. От напряжения?

У Джека глаз уже нет. Их зверски отняли. Я вцепилась в неё еще сильнее.

Третий виток. Солдаты только начали преследование.

Дыхание Тесс стало тяжелым. Её лицо осунулось, резко проступили скулы. От вздыбившейся копны волос отделились длинные пряди и улетели в воздух.

Четвёртый виток. Четверо замаскированных Арканов блуждали по лагерю чуть ли не рядом с палаткой близнецов.

Красные впавшие глаза Тесс смотрели умоляюще. Она напоминала жертву голода, устроенного мной в прошлой игре. Изможденная. Умирающая. Её рука стала до того тонкой, что, сжимая её, я когтями уже почти скребла по кости.

Неужели я готова убить эту девушку, чтобы вернуть зрение Джеку?

— Еще, Тесс, еще!

Пятый виток. Все еще замаскированные Габриэль и Тесс из прошлого приземлились на скалу и встретились с Селеной и мной из прошлого. Начало операции.

— Хватит! — Закричала я.

И, словно в автокатастрофе, вращение резко... прекратилось. Голова Тесс безжизненно упала на грудь, остатки волос нависли над лицом.

С последним судорожным движением, похожим на напряженный вздох, земля остановилась и опять подалась вперед.

Мы с Тесс из прошлого исчезли, *остались* две девушки, знающие о своём ближайшем будущем, но физически другие. Я была обессилена, не способна использовать арсенал. А

Тесс... вытащив когти из ее тела, я тут же подхватила её, рухнувшую без сознания. Ее исхудавшее тело потерялось в слишком просторной одежде. Она стучала зубами и билась в ознобе. Выживет ли она?

— Что за черт, Эви? — закричала Селена.

Они с Габриэлем понятия не имели, почему Тесс оказалась в таком состоянии. Для них прошло одно мгновение.

— Она использовала свою силу? — требовательно спросил Габриэль, его маскировка заколебалась.

— Просто заberi ее, доставь в тепло и помоги. Убедись, что она выживет.

— Уже выполняю, — он подхватил её на руки, как будто она была невесомой, и взмыл в небо.

Когда иллюзия Селены сошла на нет, она покосилась на меня.

— Вы с Тесс без маскировки. Вы насквозь промокшие, измазанные в крови. Портал в другое измерение? Или перемещение во времени?

— Вайолет здесь. Мы должны спасти Джека в течение нескольких минут, или он потеряет глаза...

— Сколько у нас времени? — она сразу же сорвалась с места и побежала к лагерю, по пути поворачивая на руке спортивные часы в стиле hi-tech.

Я бросилась вдогонку:

— Мы с Тесс успели добежать до кромки воды и сразиться со Жрицей.

Селена вскинула брови. Но затем снова сосредоточилась на задании.

— Допустим, бежали вы четыре минуты. Сколько времени длилась схватка со Жрицей?

Схватка?

— Понятия не имею. Три минуты? Тридцать?

— Я даю нам в общем одиннадцать минут, — Селена щелкнула таймером на часах, — в какой палатке Джей Ди? Без Габриэля...

— Я знаю в какой.

— Мы без маскировки!

— Там нет солдат снаружи, — я повела Селену в лагерь-призрак.

Когда мы увидели женщину со связанными ногами, я приложила указательный палец к губам. Секунду поколебавшись, она кивнула.

Мы с Селеной побежали дальше и, разогнавшись, свернули за угол.

— Вот та самая палатка.

Она притормозила.

— Которая под охраной парней в противогазах?

— Просто беги!

Я её обогнала.

— Это же самоубийство!

Тем не менее она снова набирала скорость.

— Ты хочешь спасти Джека, или нет? — спросила я ее, когда мы поравнялись.

— Черт побери, Эви!

— Сними перевязь и дай волю Аркану. Даже без Лука ты можешь выглядеть устрашающе. Как ты сама однажды сказала: «Сделай это, сестра, иначе мы умрём». Я тоже последовала этому совету и выпустила из тела лозу. Она выросла из светящегося символа на затылке. На этот раз это был не тонкий плющ, а стебель розы без шипов. Вспомнив слова

Мэтью о короне, я позволила ему обвиться вокруг головы, обрамляя лоб крупными листьями и вместо дюжины звезд, украсила его двенадцатью цветками.

Розами — цветами красной ведьмы.

Моими цветами.

Селена сорвала перевязь и бросила под ноги. Каждый шаг отдавался ей болью в раненной руке, но, стиснув зубы, она терпела.

Ради Джека, Селена Луа могла сделать *все*.

Ее кожа приобрела красноватый оттенок, источая сияние кровавой луны. Серебристые волосы, извивающиеся над головой, словно паутина из лунного света, наводили ужас.

— Отлично, Лучница. Как насчет того, чтобы заставить этих ребят терзаться сомнениями?

Одно из умений Карты Луна.

— Это не так просто, — ее взгляд заметался, — я не могу делать это направленно.

Неизвестные особенности ее силы?

— О, это напомнило мне кое о чём. Кажется, близнецы умеют телепортироваться.

— Черт возьми! — она взглянула мне в лицо. — Твои символы потускнели. Сможешь использовать споры?

— Похоже, я растратила силы на битву со Жрицей.

Исчерпала все запасы.

Селена нахмурилась.

— То, что они умеют телепортироваться, меня не остановит.

— Как и меня.

Заметив наше приближение, солдаты вскинули оружие, но даже вида одной Селены, не говоря уже обо мне, хватило, чтобы повергнуть их в шок.

Мы остановились перед охранниками. Селена когда-то сказала, что в прошлых Играх Императрица была «скользкой, жуткой и сексуальной». Я воспользовалась драгоценным мгновением, чтобы перевести дух.

— Мы пришли, чтобы освободить вас от близнецов, — сказала я глубоким грудным голосом, пока лепестки слетали с моих растрепанных красных волос, — отступите и я оторву им головы. Вы будете свободны.

Мужчины переводили взгляд с меня на Селену. Мы обе приняли сверхъестественно грозный вид.

— Это наше дело — уничтожать таких, как они. Давайте каждый будет делать свою работу. Просто уйдите с дороги.

Но они словно оцепенели.

Палатка позади была достаточно большой, чтобы вместить небольшую цирковую арену. Где-то там находился Джек. Так близко...

Я подняла свои жуткие сочащиеся ядом когти, и тоном, от которого пробрало бы даже Смерть, произнесла:

— Если Джек Дево лишится глаз, я изрежу вас на тесемки и удушю лозами. Я ясно выразилась, Франклин?

Кажется, кое-кто не на шутку испугался. Франклин вздрогнул, услышав своё имя.

Тяжело сглотнув, он жестом приказал своей команде удалиться. Мы прошли.

Селена взглянула на часы.

— Девять минут. Давай побыстрее обчистим этих телепортирующихся выродков и

доставим Джей Ди домой.

Глава 11

У входа в палатку Селена выхватила пистолет и одними губами начала отсчёт: *один... два... три*. Мы ворвались внутрь.

Вонь. Воздух был пропитан дымом... и запахом разложения.

Беспорядочно размещенные газовые лампы отбрасывали дрожащий свет, заполняя большую часть пространства хаотично двигающимися тенями. Огромные столбы поддерживали брезентовую крышу. Пол был покрыт древесными опилками. При таком дефиците древесины, это было такое же расточительство, как если бы его устлали шелками.

Вдоль края палатки близнецы разместили брезентовые перегородки, разделив пространство на отсеки. В первом отсеке находилась клетка с рычащими Бэгменами.

Раздетые Бэгмены? Вся их сочащаяся слизью кожа была оголена. Я никогда не видела их без одежды.

И хотя твари выглядели откормленными — это у них лотки с кровью в клетке? — но были как всегда агрессивными. словно постапокалиптические сторожевые псы. В порыве бешенства они тянули покрытые слизью руки сквозь загораживающие прутья решетки.

У каждого из этих безумных существ на груди было клеймо, некий символ, но я не могла разобрать его под слоем гноя и слизи.

В соседней клетке на полу корчились четверо раздетых молодых мужчин со следами укусов на теле. Они жадно хватали воздух потрескавшимися губами, словно умирали от жажды.

До меня начало доходить. Близнецы *создавали* Бэгменов. Эти четверо были как раз в процессе превращения... и знали об этом. Один плакал над лотком с кровью.

Селена держалась невероятно стойко.

— Не останавливайся. Восемь минут.

В следующем отсеке стоял аппарат, напоминающий огромную соковыжималку. С пятнами запекшейся крови.

За другой перегородкой было что-то похожее на козлы для распилки дров с заточенными металлическими штырями по всей длине. Еще больше запекшейся крови.

Следующий отсек... стойка с палками, розгами, кнутами, клещами. И другими предметами, определение которым я дать не смогла.

Неужели все эти инструменты испытала на себе Клотиль?

Джек?

Жрец убивал людей, чтобы есть их, Алхимик — в своей больной погоне за знаниями. Но я никак не могла понять, зачем Любовники прибегали к пыткам.

— Где же, черт возьми, Джек?

— Мы найдем его.

При виде все более жутких приспособлений я чувствовала себя как никогда дезориентированной. Несколько лет назад на Хэллоуин я ради развлечения посетила полный ужасов дом с привидениями. Но все они были *ненастоящими*. Сейчас же все происходит *на самом деле*. Так ведь? Даже если мне кажется, что я попала в одно из видений Мэтью.

Что из этого реально? А что *нет*?

Мы натолкнулись на еще одного узника — мужчину, стоящего на коленях, подвешенного за связанные над головой запястья к креплению кровли. Без рубашки,

измождённый, с вывернутыми под неестественным углом плечами. Вывихнуты?

Сначала я подумала, что его руки были сжаты в кулаки, затем поняла, что у него отрезаны пальцы. Даже стойкую духом Селену пробрала дрожь. Не это ли был её самый главный страх? Никогда больше не натянуть тетиву.

Рот его был приоткрыт. Зубов не было. Живот вспорот. Под ключицей выжжено то самое клеймо, только блеее давнее. Выпуклый рубец похожий на экслибрис^[12] изображал странный символ: два совмещенных треугольника, с исходящими из них стрелами, одна из которых направлена острием вверх, а другая — вниз.

Перед ним стояло очередное устройство, похожее на вóрот старинного колодца с рукоятью, на который была намотана склизкая веревка.

— Они выдёргивают... — пробормотала Селена.

Выдёргивают *что*? Ей было видно гораздо больше, но частью сознания я, видимо, тоже догадывалась, в чём дело, так как к горлу подступила тошнота.

Они что-то отсекают, что-то перемещают — переделывают и изменяют людей.

Мужчина повернул к нам голову. В его глазах была сплошная чернота. Нет, не в глазах. В пустых глазницах. Близнецы намеревались сделать то же самое с Джеком.

— Шесть минут Эви. Мы вернемся за ним.

Когда мы дошли до задней стены палатки, она шепнула:

— За перегородкой. Прислушайся.

Стоны? От боли? Селена взвела курок пистолета. Я выпустила когти. Мы подкрались ближе.

Ещё ближе.

За перегородкой мы увидели...

Близнецов.

Меня чуть не вырвало. Они... целовались. Твинцест^[13].

Когда они начали друг друга лапать, Селена не выдержала:

— О, боже. Долбаные извращенцы.

Винсент и Вайолет, сомкнувшись взглядами, не торопились отрываться друг от друга. Их бледно-голубые глаза были именно такими, как когда-то описывал Джек: пустыми, как у мёртвой рыбы.

Почему они не испугались нас? Почему не попытались загипнотизировать?

Несмотря на то, что они были разнополыми близнецами, мраморно-белая кожа и одинаковые резкие черты лица делали их похожими как две капли воды.

На них была черная тщательно выглаженная одежда. На Вайолет — укороченный пиджак и пышная юбка в пол. На высоком мускулистом Винсенте было надето пальто-тренч. Мертвые глаза густо подчеркнуты подводкой. Ногти покрашены чёрным лаком, который нигде даже не облупился.

Тщеславные? О, да. Они не были физически привлекательны, но выглядели безупречно.

На их левые руки были надеты кастеты и нанесены готического вида татуировки. В правой руке Вайолет держала что-то, похожее на пульт дистанционного управления.

Наконец близнецы повернулись к нам. И уставились на меня так, будто призрака увидели.

— А мы тебя уже заждались, Императрица, — сказал Винсент. В его голосе слышался европейский акцент.

Над Любовниками возникло изображение их карты, но оно отличалось от изображений

других Арканов. Их карта была перевернута — противоположность, извращение, и мигала, двоилась как нечеткая копия. Из-за того, что она была одна на двоих?

— Где он? — требовательно спросила Селена, угрожая оружием.

Оглядываясь вокруг, я увидела сундуки, столы и одну кровать, на которой близнецы спали, видимо, вместе. Джека нигде не было.

— Вы как раз вовремя, — сказала Вайолет, — этот негодник отказывается крутить ручку ворота. Шурша юбками, она отступила в сторону и откинула последнюю перегородку, показывая нам...

— Джек!

Он стоял на коленях со связанными над головой, как у того мужчины, руками. Без рубашки, весь в синяках. Казалось, он был без сознания. Потом на мгновение придя в себя, попытался поднять бессильно свесившуюся голову и снова отключился. Руки вывихнуты, правая сторона лица окровавлена. Видимо, они били его кастетами, которые носили на левых руках.

У меня перехватило дыхание. На груди Джека над сердцем был выжжен тот самый символ.

Близнецы *встретились* и пытали его. Они жгли его гладкую кожу, которую я когда-то целовала.

Они заклеили моего Джека.

Когда я вообразила эту адскую боль, мои глифы вспыхнули и стали просвечиваться даже сквозь одежду. Меня переполняла ярость. Во мне вскипела сила, стебель образующий мою корону начал оплетать голову и шею.

Эти два Аркана не просто умрут, красная ведьма заставит их умереть мучительной смертью.

Нацелив на них оружие, Селена сохраняла ледяное спокойствие.

— Мы его забираем.

— Ничего не замечаете? — Вайолет схватила Джека за волосы. Он был в обморочном состоянии и никак не отреагировал. Она откинула его голову назад, показывая металлический ошейник с проводами и продетым сквозь петлю стержнем.

— Если со мной что-нибудь случится, и я отпущу датчик давления, — она подняла дистанционный пульт, — в охотника вонзится стержень. И всему конец.

Меня обуял ужас. Из последних сил я усмиряла гнев и сдерживала ведьму.

— Если хочешь, чтобы он жил, опусти оружие, Лучница, — Винсент кивнул на её пистолет, — и брось его сюда.

Внешне невозмутимая Селена подчинилась. Не сводя с близнецов убийственного взгляда, она ожидала удобного случая.

Винсент схватил оружие, улыбаясь своей сестре.

— Это всегда работает. Контролируя любимого, контролируешь любящего.

Вайолет улыбнулась в ответ, отпустив Джека.

— Мы проникаем в сердце человека и видим о ком оно болит. Тогда мы поработаем обоих влюбленных.

Винсент спрятал пистолет за пояс и повернулся к нам с Селеной.

— Только представьте наше удивление, когда мы поняли, что охотник влюблён в Императрицу. Какую пользу это могло нам принести? Мы были уверены, что ты близко, слышали твой позывной, и знали....

— ...что ты придешь ему на выручку, — плавно продолжила Вайолет, — возможно, в каменном лесу наши солдаты и потерпели неудачу, но мы всё равно заставили тебя прийти. Мы полностью контролируем тебя из-за чувств к Дево.

Они были сумасшедшими, и понять их было трудно. Однако я не увидела открытой враждебности по отношению к Селене. Ко мне? Казалось, меня они презирали.

— Но я чувствую ещё кое-что, — Вайолет округлила глаза, — твоя любовь разделена! На твоё сердце претендует другой. И не кто-нибудь!

Винсент рассмеялся.

— Это ее заклятый враг!

Близнецы сочли это ошеломляющим. Хотя, наверное, так оно и было.

— Увы, у нас есть лишь один из твоих возлюбленных, — сказал Винсент, — пока.

Вайолет покосилась на Селену.

— Лучница тоже влюблена в охотника? Что такого вы в нём нашли? Все, на что он способен, это воровство, — она ударила Джека по лицу, и я едва удержалась, чтобы не вогнать когти ей в шею, — ой-ой-ой. Он снова потерял сознание. Эгоист, приходит в себя только во время побоев, из чего совершенно ясно, что они ему нравятся!

— Мы поставили тебя перед выбором, — Винсент обратился к находящемуся без сознания Джеку, — пытаться, или подвергнуться пытке? Вы, смертные, всегда выбираете неправильно, и мы знакомим вас с болью, просветляющей разум. После этого вы уже не ошибаетесь в выборе!

Я украдкой оцарапала ладони, чтобы оросить землю кровью. Лозы могли бы проникнуть под Вайолет и взметнуться, чтобы схватить датчик. Но риск...

Селена, не терзаясь сомнениями, беззвучно продвигалась вперёд по древесным опилкам. Даже обладая сверхчеловеческими рефлексам, успеет ли она напасть до того, как Вайолет отреагирует?

— И как же мы будем его просветлять? — она провела блестящим чёрным ногтем по подбородку. — Грушей Мучений, Тисками, Вилкой Еретика или Испанским Пауком? Или просто его искалечим?

— Замечательная идея, Ви. Его охотничьи глаза так пристально за нами наблюдали, что мне не терпится их вырвать.

Он подошёл к ближайшему столику и зажег переносную походную горелку. Рядом лежала обугленная ложка.

Внутри меня всё сжалось, когда он поднёс её к огню. Раскалив ложку, он улыбнулся мне, да так непринужденно, как будто просто ждал, пока сварится кофе.

Селена приблизилась почти на расстояние удара. Я должна была отвлечь близнецов.

— Зачем вы это делаете? Зачем пытаете людей?

— Чтобы оттачивать мастерство, исследовать боль и наслаждения плоти, — сказал Винсент, — мы — орудия в руках Первого. Первый познает через нас.

— Первый? — наблюдая за тем, как зловеще Лучница подкрадывается к своей жертве, я порадовалась, что она на моей стороне.

Винсент повернул ложку.

— Священный Первый, которому мы служим.

— Я не понимаю.

Он вздохнул.

— Что мы слышим, да будет услышано. Что мы видим, да будет увидено. Что мы

познаем, да будет познано, — ну, если ты так говоришь... — но вскоре у нас развилось пристрастие к пыткам, потому что мы — Арканы.

Безумная логика.

— Это не означает, что вы должны подвергать людей пыткам.

— Неужели Жрец и Алхимик умерли спокойной смертью? — Надменно сказал Винсент. Они оба умерли в муках.

— Это была самозащита и ничего больше.

И всё-таки, разве красная ведьма не наслаждалась убийствами?

Вайолет взбесилась:

— В прошлых играх тебе это нравилось! — наконец-то живая эмоция. — Сомневаюсь, что *твои* вкусы так уж поменялись.

— О чем ты говоришь?

Она впиалась взглядом в Винсента, и радужки его блеклых глаз мгновенно почернели.

— Скажи ей. Пусть Первый увидит её реакцию.

— Из-за тебя, — прошипела Вайолет, — мы прибегаем к пыткам из-за тебя.

— Ты никогда не задумывалась, почему мы шли в Хейвен? — спросил Винсент. — Мы хотели отомстить тебе, сделав пленницей собственной любви. Но так даже лучше. Мы знаем, что намного тяжелее видеть мучения любимого человека. Этому нас научила ты.

— Я?

Вайолет продолжила:

— Однажды ты сказала: «Любовь — самая разрушительная сила во вселенной». И была права.

Я покачала головой.

— Я... я никогда раньше с вами не встречалась. Я не понимаю, о чём вы говорите.

— Не изображай забывчивость! — сказал Винсент, брызжа слюной, — ваша семья ведет хроники, также, как и наша.

— Я никогда не читала свою историю. Я знаю только фрагменты.

Изучив выражение моего лица, они, видимо, пришли к выводу, что я говорю правду.

— Тогда мы проведем для тебя ускоренный курс, — Вайолет подошла к брату, — в последней игре мы были союзниками. Пока ты не предала нас. Ты опутала меня лозами, но моего возлюбленного поймать не смогла. И, чтобы заманить его, подвергла меня таким жестоким, изощренным пыткам...

— ...что я сдался, лишь бы только избавить любимую от мучений, — подхватил Винсент, — я решил пожертвовать собой. Во всяком случае, ты была верна своему слову и расправилась с нами достаточно быстро.

— Все, что мы делаем — из-за тебя, — Вайолет потянулась к Винсенту и принялась играть его волосами, — каждый шаг в нашей семье предпринимается с оглядкой на тебя. Отец назвал меня Вайолет потому, что это единственный цветок, которым ты не можешь управлять^[14]. Никогда больше.

Она говорила так, словно я... создала их? Так же, как они создавали новых Бэгменов. К горлу снова подступила тошнота.

Ужасные слова готовы были сорваться с языка: *я просто играла в игру.*

Но я промолчала.

Если бы их история была записана, то в ней я была бы злодеем.

Вдруг я поняла, что она и так записана.

Внесена в хроники.

— Мы — избранные, Императрица, — в один голос ответили Винсент и Вайолет, — мы — возмездие. И мы *помним*. Скоро ты увидишь. Мы будем любить тебя очень, очень сильно.

Казалось, что сейчас они возьмутся за руки и начнут ими размахивать, но Вайолет, держа датчик в одной руке, другой продолжала играть с волосами Винсента, пока тот раскалял ложку. Когда же они проявят свои силы?

Я бросила взгляд на Селену. Что обо всём этом думает она?

Она была так близко. Нужно было дать ей больше времени.

— Я уже не та, что была в прошлых играх, — сказала я близнецам, — я считаю омерзительным то, что сотворила с вами. Но вы ведь все равно меня накажете?

Винсент оскалился в хищной улыбке:

— Самыми немыслимыми способами.

Вместе они добавили:

— Практика ведёт к совершенству.

Я сдержала дрожь.

— Ты будешь смотреть, как мы калечим и убиваем мужчину, которого любишь. А потом мы заберём вас с Лучницей на север, как узников нашей любви. Вы увидите Первого собственными глазами, до того, как мы их у вас отнимем, конечно, — он мельком взглянул на Селену, но та уже застыла без движения, — пока мы туда доберемся, Лучница, твоя рука уже исцелится. Чистый холст, который Первому предстоит преобразить.

Откуда он знает про руку? Шпионы?

— Зачем пытаться Селену? Она ничего вам не сделала.

— Тело Лучницы светится красным — цветом кровопролития — мечтательно произнесла Вайолет, — Первый придет в восторг. Он будет лично её истязать.

— Она удовлетворит наши пристрастия, — Винсент отвёл глаза от Селены, — ты удовлетворишь нашу жажду мести.

— Этого не будет, — ответила я.

— И как же ты нас остановишь, а? Императрица испепеленного мира? — сказал он с насмешкой. — Мы ожидали от тебя и остальных более мощного противостояния. Мы слышали ваши позывные, слышали, что вы объединяетесь. Но перед нами только вы двое? И это совсем не весело.

Вайолет погладила брата по спине:

— Мы любим игры и веселье. А вы не дали нам ни того, ни другого.

— Будут и другие, — я блефовала, — на подходе сильнейшие игроки нашего альянса. Мы здесь только для разогрева.

— Альянсы вынуждают к принятию решений, — сказал Винсент, — когда в них вступать, когда нарушать обязательства. В трудную минуту ни один Аркан не будет тебе верным союзником. Вы просто временно используете друг друга.

И мои отношения со Смертью это подтверждали. Но как насчёт Селены, которая несмотря на свои переломы, тащила Финна в лагерь?

— Это не так. Теперь нет. Эта игра другая. Мы — другие.

Вайолет отлепилась от брата и, расхаживая с датчиком в руке за спиной у Джека, продолжила, как будто я ничего и не говорила.

— Узники нашей любви требуют принятия решений. Теперь, когда у нас вы двое и охотник, придут ли ваши союзники вам на выручку?

— Естественно, — соврала я. Вернётся ли Габриэль? Он знает только то, что я сошла с ума и набросилась на Тесс, как и предупреждал Джоуль.

— Ты там готова, Ви? Ложка почти нагрелась.

А мне Винсент пояснил:

— Когда ложка сжигает ресницы прежде, чем металл прикоснется к плоти — это идеальная температура.

Вайолет схватила Джека за волосы и снова подняла его голову.

— Просыпайся, негодник! — Она встряхнула его, но реакции не последовало, — он придет в себя, к тому моменту как ты будешь готов, любимый.

Я без раздумий выпалила:

— Если вы *вырежете* мои глаза, то они вырастут снова, — по крайней мере я так думала, — несколько месяцев назад, я отрезала свой большой палец, и он восстановился.

Разве вы не хотели бы на это посмотреть? Вы могли бы снова и снова отрезать мне пальцы.

Никогда бы не подумала, что скажу такое вслух.

Винсент равнодушно махнул рукой.

— До этого мы еще дойдем, — он осматривал раскаленную ложку.

Я его не заинтересовала. Думай, Эви!

— А где именно на севере живет Первый? Это ваш отец?

Селена обхватила рукоять меча, напрягая мышцы...

— Не надо, Лучница. — Винсент угрожающе повертел пистолетом, который забрал у Селены, и прицелился.

Она замерла. Он определенно умел пользоваться оружием.

— Подойди к Императрице, — велел он, — я хочу, чтобы вы обе наблюдали за представлением из первого ряда.

Когда Селена повернулась, меня словно под дых ударили. На ее лице застыло выражение, которого раньше я никогда на нем не видела: растерянность. Впервые за время нашего знакомства, Лучница не знала, что делать.

Глава 13

— Все, что мы сделаем с ним, мы сделаем и с тобой, — сказал мне Винсент, приближаясь к Джеку.

Вайолет сгорала от нетерпения:

— Я соскучилась по его воплям, — хихикала она, — он такой хорошенький, когда кричит.

Винсент бросил на неё взгляд полный ревности:

— Ви?

— Не красивее, чем *ты*, когда кричишь, любимый.

Пока Любовники бранились, я шепнула Селене:

— Спрячься за мной. Я прикрою тебя от пуль. Доберись до датчика.

— Мысль нехеровая, Эви, — она сжала мое плечо, — готова?

Я кивнула, настраиваясь пойти под пули...

Раздался пронзительный свист, похожий на звук приближающейся ракеты. С оглушительной громкостью брезентовая палатка... поднялась и исчезла в ночной тьме.

Габриэль?

Он сорвал палатку на лету!

Столбы завалились, опрокидывая мебель. Воспользовавшись замешательством близнецов, Селена выхватила меч и бросилась на Вайолет. С молниеносной скоростью она отсекла ей руку. Прежде чем конечность достигла земли, Селена подхватила датчик, сняла с кнопки палец Вайолет и зажала её своим.

— Получай, дрянь.

Даже истекая кровью, Вайолет улыбалась:

— Это было неожиданно, Лучница. Остерегайся Императрицы.

Она упала и застыла в неестественно прямой позе.

Как карта.

Селена замахнулась, чтобы добить Вайолет, Винсент взревел, наводя на неё пистолет.

Прогремел выстрел. Она отшатнулась.

Промах.

Лучница пришла в бешенство.

— Да я этот меч тебе в задницу сейчас засуну.

Занеся окровавленный клинок, она бросилась на Винсента, который снова поднял пистолет.

— *Глаза к небу, ребята!*

— Берегись, Эви, — крикнула Селена и развернулась, чтобы меня оттолкнуть. — Прикрой Джей Ди!

Резкий удар в плечо; я отлетела в сторону и приземлилась рядом с Джеком.

Потянувшись вверх, я перерезала когтями веревку. Когда он рухнул на землю, я прикрыла его собой...

Не отпуская датчик, Селена опрокинула перед нами стол, и в тот же миг в грудь Винсента вонзилось копьё.

Глухой удар.

Опустив глаза, Винсент взревел:

— Я возвращаюсь к ПЕРВОМУ!

Взрыв. С неба ударила молния. Ударная волна отнесла опрокинутый стол, и нас сжало, словно прессом для старых автомобилей.

— Уфф! — Селена уперлась в него ногами, сдерживая натиск. Древесина расщепилась, и столешница под её ногами треснула.

Насколько же она сильна? Стиснув зубы, она защищала нас изо всех сил.

Когда воздух наконец перестал обжигать, я поднялась с Джека, сорвала с него ошейник и с облегчением отбросила подальше. Я выглянула из-за обломков стола, чтобы осмотреться среди учинённого погрома на случай других опасностей.

От Винсента мало что осталось. Тело Вайолет превратилось в обугленную грудку. Брезентовые перегородки упали, в полной мере разоблачая безумства Любовников. Молния уничтожила и Бэгменов и тех пятерых несчастных. Наконец освободила их от мучений.

Я повернулась к Джеку.

— Ты меня слышишь? — я сняла кандалы с его окровавленных запястий и лодыжек, — пожалуйста, скажи хоть что-нибудь!

Он стонал от боли, но не приходил в сознание.

Селена с трудом поднялась на ноги:

— Проверь пульс.

Я прижала два пальца к его шее.

— Кажется, ровный, — это немного успокоило мои самые худшие опасения, — Селена, ты как?

Из раны на её виске текла кровь.

— Со мной всё хорошо. Ты сняла ошейник?

Я кивнула на пол, где он валялся.

Взглянув на датчик, зажатый в руке, Селена бросила его на землю. В центр ошейника сразу же выстрелил острый стержень.

От осознания того, что Джек был на волосок от смерти, меня пробрала дрожь.

— С ним всё будет хорошо, Эви, — она провела рукой по виску, вытирая кровь, — за рекой есть доктор. Ортопед, но это лучше, чем ничего?

Кожа вокруг клейма Джека была воспалена.

— Что это за метка?

— Символ Любовников. Их знак выглядит так же.

— Эти психи пометили его как собственность, — узника своей любви, — вывихнули ему плечи. Что ещё они с ним сделали?

— Они только начали, — Селена посмотрела на него с беззаветным обожанием, — но что бы они не сделали, он жизнестойкий. Он борец.

— Здесь есть одеяло? Что-нибудь, чтобы укрыть его? — минуточку... — Где его чётки? Мы должны их найти.

Они принадлежали его матери.

— Сейчас, Императрица.

Так Селена обращалась ко мне только когда считала, что я заслужила малую толику уважения. Она порылась в вещах Любовников, вытащила одеяло, свернула его и бросила мне.

Я укутала Джека и положила его голову себе на колени. На глаза наворачивались слёзы, кончиками пальцев я поглаживала левую сторону его лица. Правая сторона опухла. Кожа была покрыта кровоподтёками.

Сколько еще он мог выдержать? Я не хотела, чтобы ему приходилось *«быть жизнестойким»*, ему и до апокалипсиса приходилось несладко.

Он должен держаться подальше от Арканов. Подальше от *меня*. С моей щеки скатилась слеза и упала ему на лицо.

К изумлению собирающихся солдат, возле нас *со свистом* приземлился Габриэль. Вслед за ним явился Джоуль.

Башня с помощью Габриэля совершил убийство. И, как у Аркана, у него на руке скоро должна была появиться небольшая отметка — знак Любовников. Трофей. И, возможно, способ вести счёт?

— Эй, птички, ничего так бабахнуло, да? — Джоуль отвесил шутовской поклон. — И это только единичка по стобальной шкале. Когда Башня берётся разрулить ситуацию, возможен сопутствующий урон.

— Ты же и нас мог поджарить, — сказала Селена.

— И поделом вам за то, что чуть не убили Тесс. Мы никогда не видели её такой измождённой.

Боже мой, Тесс!

— С ней все в порядке?

Теперь, когда мной уже не двигала сила красной ведьмы — и ее самонадеянность — я вспомнила свои действия, и меня передёрнуло.

Габриэль оскалился на меня:

— Будет. Со временем.

— Она больше не посмешище среди Арканов, — сказала Селена, — только благодаря ей, Джек не лишился глаз.

Габриэль спрятал клыки.

— Ну ни фигя себе! — Джоуль присвистнул, окидывая взглядом остатки разрушенных приспособлений, — в ближайшие дни Тесс поправится. Она обрадуется, что смогла оказать помощь. Девочка любит быть полезной.

— Пожалуйста, доставь Джека к доктору, — попросила я Габриэля.

Мне не хотелось его оставлять, но он нуждался в медицинской помощи.

Габриэль кивнул и с лёгкостью перекинул грузное тело Джека через плечо. *На заметку: Габриэль обладает сверхчеловеческой силой.* Поморщившись от боли, он взмахнул израненными крыльями.

Я наблюдала за ним и Джеком, пока они не исчезли в ночном небе.

Селена рылась в опрокинутом сундуке.

— Почему ты пришел, Башня? Ты передумал от *«черта с два»* до *«к черту все»*?

— Я оказал Императрице услугу. Теперь она моя должница. Тем более Гэйб сказал, что сделает все возможное, чтобы спасти вас, даже если это будет стоить ему крыльев, — Джоуль повернулся ко мне, — так что же все-так здесь произошло?

Я рассказала ему всё в общих чертах и добавила:

— Спасибо, что спас нас. Какими бы причинами ты не руководствовался. Ты — наш герой, — его щеки вспыхнули, — и, кажется, тебе это нравится.

Он грубо ответил:

— Пошла ты.

И ушел.

К нам подошла Селена.

— Я нашла вещи Джей Ди.

Она закинула его арбалет за спину и перекинула через плечо походный рюкзак. В руках она держала четки.

— Ты нашла чётки! Можно мне? И рюкзак Джека тоже давай сюда.

Она нехотя протянула все это мне. Ожерелье из бусин я положила в карман, а рюкзак прижала к груди. Селена тяжело опустилась рядом со мной.

Мы сидели под мелкой моросью плечом к плечу, словно за последние месяцы ничего между нами и не произошло. Словно мы опять были заодно. Словно мы не были влюблены в одного и того же мужчину.

Она сказала:

— Я так и не смогла найти хроники Любовников.

— Должно быть они хранятся у их отца.

Сражение сблизило нас с Лучницей, но теперь Любовники мертвы. Так почему меня не покидает чувство тревоги? Да, нам ещё предстояло иметь дело с генералом, но насколько сильным мог оказаться смертный?

— Как думаешь после сегодняшнего Миловничи продолжит терроризировать людей?

— Кто знает? Одно я могу сказать наверняка — очень скоро он отправится к своим детишкам.

Вокруг собиралось всё больше солдат, чтобы поглазеть — на нас, на мертвые тела, на странные приспособления — к нам приблизился Франклин. Он снял противогаз, но оставил его на голове.

— С Дево все будет хорошо?

— Думаю, да. Спасибо, что спросил.

Он ткнул носком ботинка окровавленную кучку опилок.

— Вы его девушка?

Селена приподняла брови, как будто не могла дождаться моего ответа.

— Мы с Джеком вместе учились в школе, — пять дней, — а затем встретились после Вспышки. Меня зовут Эви. Это Селена. Простите за грубое вторжение. Время шло не секунды, — когда он кивнул, я спросила, — вы знакомы с Джеком?

— Я узнал о нем от подразделения из Луизианы до того, как АЮВ поглотила его. Он стал известен, как охотник. Уничтожил сотни Бэгменов, никогда впустую не потратил и пули.

Человек, которого должны бояться монстры.

Селена сказала мне:

— Мы пересекались с парнями из Канады, они все были наслышаны о Джей Ди. Но они озвучивали число Бэгменов в тысячах.

Джек становился народным героем?

Селена повернулась к Франклину и со свойственной ей тактичностью спросила:

— Рукоять вòрота... кто был прикреплен к другому концу?

— Пару месяцев назад несколько парней помогли Джеку сбежать от расстрельной команды генерала, — Франклин отвел взгляд, — с тех пор Близнецы подвергали их пыткам. Последнему они вытаскивали кишки дюйм за дюймом.

Именно это я и видела. Склизкая веревка. О, Господи. Любовники пытались вынудить Джека крутить рукоять, мучая того, кто спас ему жизнь.

— А вам никогда не приходило в голову помочь тем людям? — требовательно спросила

Селена, — или четырьмя парням, приговоренным стать Бэгменами?

Франклину явно было совестно.

— Я хотел! Но у меня младший брат в Северной АЮВ. Ему всего лишь двенадцать. И каждый мой поступок ставит под угрозу не только мою жизнь, но и его. Тут везде шпионы, — он тяжело вздохнул, — или вернее, были. Сейчас они бежали. На север.

— Что будет со здешними женщинами? — я высматривала в толпе ту леди, со связанными ногами.

— Следуя приказам Дево, я уже распорядился об их освобождении, защите и обеспечении всем необходимым.

Я нахмурившись смотрела на него.

— Каким приказам?

— Теперь он командир. Он обещал возглавить белые шляпы^[15], хороших парней, которые защищают людей, попавших в беду.

— Спасибо, Франклин. Я передам, что ты о нём спрашивал. — Когда мужчина отошёл, я повернулась к Селене:

— Командир? С какой стати Джек ввязался во всё это? Чтобы помочь людям, которых он знать не знает?

Когда я делала то же самое, он твердил, что беспокоиться нужно только о себе и о собственном выживании.

— Когда он примет командование здесь, мы сможем освободить другую половину.

— Но это же огромная ответственность.

Селена кивнула.

— Он изменился.

Мне хотелось попросить её объяснить свою последнюю реплику, но вокруг собралось слишком много зевак. Пока они пялились на нас с Селеной, Джоуль подошел и создал новое метательное копьё. Выхаживая вперед-назад, он с грозным видом вертел его в руках. Охранял нас?

— Эй! Друзья мои, кто желает посидеть на электрическом стуле? — Его наэлектризованная кожа искрилась под струйками дождя.

— Эти солдаты в восторге от Арканов, — сказала Селена, — парней, размахивающих молниями, девушек, выращивающих лозы. Летающих ангелов.

— Никто не видел, как я выращивала лозы. Ну ладно, видели. Но это было до того, как мы повернули время (вторая фраза, которую не думала, что скажу). Веселенькая выдалась ночь, — в голове каша, мысли смешались, — что тебе известно обо мне и Любовниках? Они сказали правду о прошлой игре?

— Они не лгали.

— Было бы неплохо узнать об этом прежде, чем идти им навстречу.

Почему Смерть не сказал мне?

Она пожала плечами.

— Я подумывала рассказать, но боялась, что ты сдрейфишь только потому, что парочка маньяков с вооруженным войском за спиной, собираются тебя изувечить и убить.

Хорошенькое дело.

— Но откуда ты знаешь, что это действительно было так?

— Это есть в моих хрониках. В прошлой игре, Лучница путешествовала с группой людей типа военных корреспондентов. Они видели останки Любовников. И это точно дело

рук Императрицы.

Красной ведьмы.

Селена осматривала распухшую руку.

— Мэтью должен был рассказать тебе об этом. Он должен был предупредить Джей Ди о том, что его схватят. И как насчет предупреждения о Жрице?

— Не надо его винить. Он делает всё, что в его силах. Возможно, он сообщает всё, что нам надо знать, просто мы этого пока не понимаем.

Как и я, когда он сказал, что Тесс управляет временем.

— Кстати, как прошла битва со Жрицей?

— Она выпустила водяные щупальца, но я задушила их лозами.

— Щупальца? Эви, да она запросто могла затащить тебя в реку, как мелкую рыбёшку. Или обрушить цунами. Она просто играла с тобой.

Каждый раз, когда я определяла последнюю карту, которую мы должны были убить, появлялся еще кто-нибудь.

Словно прочитав мои мысли, Селена спросила:

— Ты все еще думаешь, что мы сможем покончить со всем этим?

Я тихо ответила:

— *Соглашение* здесь не действует, и сейчас мы друг для друга лишь четыре знака, но ни Джоуль, ни Габриэль на нас не напали.

— Не знаю, кто из нас безумнее: ты со своей верой в окончание игры, или я, готовая поверить тебе, — сказала она, — вот уж никогда бы не подумала, что ты станешь лидером чего-то посерьезнее *команды болельщиц*.

— Постапокалипсис, должны же мы развиваться.

Она подставила лицо мелким каплям дождя.

— Эви, а что если у нас получится? Что если все мы сможем жить в мире? Использовать эти силы во благо?

Я думала о том же.

— Мы могли бы переориентироваться.

Бороться с преступностью или еще что-нибудь в этом роде.

— Если злые Арканы не станут у нас на пути, — Селена повернулась ко мне лицом, — и, если уж мы о них заговорили, что там происходит между тобой и Смертью?

Между нами? Мой побег и его меч. И, по мнению близнецов, зарождающаяся любовь.

С тех пор, как я сбежала, Смерть не пытался связаться со мной телепатически и не бросился за мной вдогонку. Но что если он... не мог?

— С ним я лучше узнала свою историю. Для тебя это не новость, но Арик имел все основания меня ненавидеть.

— Ты зовешь Смерть *Ариком*? — фыркнула она. — Значит у этого убийцы есть человеческое имя?

— Мир не делится лишь на чёрное и белое, — настаивала я, — я уже начинаю о нем беспокоиться.

На её лице отразилось отвращение ещё большее, чем, когда мы застукали целующихся близнецов.

— Если я его увижу, то *пуцу* стрелу прямо ему в сердце.

— Удачи. В прошлый раз все твои стрелы сломались о его броню.

— Неужели тебе действительно есть до него дело? Мир перевернулся с ног на голову. А

как же Джей Ди?

— Пока мы спасали Джека, я не могла думать ни о чём другом. Теперь я найду время, чтобы привести мысли в порядок.

После того, как немного отдохну. За последние дни, я спала всего несколько часов.

— Джей Ди не единственный, кто изменился за последние три месяца. Между нами тоже все изменилось.

После того как Джек решил, что потерял меня, дал ли он Селене то, чего она хотела больше всего на свете?

Себя?

Я почувствовала горечь. Я всегда хотела, чтобы он держался подальше от этой извращенной игры. Но что, если он сблизился с другой картой...?

Мне никогда, никогда не приходило в голову, что Джек, возможно, вовсе не хотел меня вернуть, не стремился объясниться.

— Ч-что же изменилось?

Прежде, чем она смогла ответить, снова приземлился ангел.

— Джек у врача.

— Спасибо, Габриэль.

Он сухо мне кивнул. Кажется, ему следующему нужно будет показаться врачу. После таких виражей пулевое отверстие стало размером с салатную тарелку.

Он протянул когтистую руку Селене:

— Ваш экипаж подан.

Я сочла этот жест милым, но Селена только окинула его *скептическим* взглядом и осталась на месте. Она же не могла знать, что первой он спасал именно её, по крайней мере до того, как время повернулось назад.

— Может быть, мы сможем вернуться по мосту? — я кивнула на его крыло.

— Тогда нужно будет ждать, пока мы не убедимся, что мост на сто процентов безопасен. — Он взглянул мне в глаза, — пока, это слишком опасно для тебя и *Селены*.

Ах, да. Чтобы прижать ее к себе, он готов был терпеть боль.

Когда он подхватил Лучницу на руки, она сделала недовольное лицо.

— Поговорим потом, Эви.

Я подняла вверх большой палец; в ответ она показала мне средний и поднялась с Габриэлем в небо.

— Эй, цветочница! — окликнул меня Джоуль, — через какое время знак проявляется на руке? — Похоже он не мог дождаться своего трофея.

И я ненавидела то, что уже знала ответ на его вопрос... дважды.

— Почти сразу же.

— Тогда где, черт возьми, мой знак?

Пока Джек спал, я сидела на краю его кровати, прокручивая в голове прогнозы доктора.

Осмотр головы выявил две большие шишки; вероятнее всего у него было еще и сотрясение. Доктор вправил Джеку вывихнутые плечи, промыл раны и перевязал воспалившийся ожог на груди.

Он заверил, что *если* Джек несколько недель отлежится, то полностью выздоровеет. Но еще доктор рассказал мне, как долго клеймо Любовников будет напоминать ему о пережитых мучениях.

Всю оставшуюся жизнь.

Это взметнуло во мне ярость.

Втянув появившиеся когти, я шепнула Джеку:

— С клеймом или без, для меня ты всегда будешь прекрасен.

Глядя на него с любовью, я нежно подоткнула одеяло.

Я так старалась совладать с чувствами. Тщетно. Если мне удавалось хотя бы час не думать о нём — это уже было достижением.

Но столько всего стояло между нами. Слишком много опасностей. Слишком мало доверия.

Я должна была отпустить его, оградить от всего этого, но на деле мне хотелось только одного — свернуться вокруг его истерзанного тела...

Я слышала, как Джоуль носится взад-вперёд по дощатым дорожкам форта, поднимая всех на уши из-за так и не проявившегося знака. Он настаивал на обязательной проверке рук всех Арканов.

Возможно, всё пошло наперекосяк из-за того, что Селена атакуя нанесла первый удар.

На вопросы, мучающие Джоуля и меня, Мэтью отвечал бессвязно. Он выглядел изнуренным.

Я окинула взглядом его половину палатки. И сердце сжалось от осознания того, что единственными его пожитками были: походный рюкзак, фигурка какого-то фантастического пришельца и книга *Mad Libs*^[16].

А рядом с койкой Джека? Журналы по разным отраслям: электронике, механике, строительству. Под кроватью стояла бутылка виски. Это заставило меня задуматься, до сих пор ли он в завязке? На маленьком столике были разложены карты близлежащей местности. Он исправлял их, нанося изменения в ландшафте.

Взгляд упал на рюкзак Джека. Я расстегнула молнию и заглянула во внутрь. Среди аварийно-спасательного снаряжения он всё ещё носил книгу про *Робинзона Крузо*, которую я ему подарила.

И ещё там был мобильный телефон Брэндона — моего бывшего парня и сводного брата Джека. Не то чтобы он мог звонить. Джек сказал, что заряжал его только, чтобы смотреть мои видео и фотографии. Я нашла даже записанную Алхимиком на маленький плеер историю моей жизни. Естественно, Джек не стал бы носить всё это с собой, если бы отказался от меня.

Я вытащила конверт с фотографиями. В ночь нашей первой совместной поездки на мотоцикле, он показывал мне содержимое своего рюкзака, все кроме этого конверта.

Ситуация изменилась, Джек. Я рассматривала их, не найдя там ничего плохого —

просто фотографии его друзей и матери,

Джек пошевелился. Проснулся? Я закинула всё обратно в рюкзак.

Его серые глаза открылись. Воспалённые, померкшие, но такие родные.

— Эванджелин? — он моргал, словно не мог поверить, что я рядом. — Это на самом деле ты? Или очередной сон?

Он едва мог говорить.

Мы не виделись три месяца. А казалось, что три года.

— Я здесь с тобой, — я взяла его за руку, — теперь ты в безопасности.

Нахмутив брови, он провёл огрубевшими пальцами по моей коже, как будто проверял, настоящая ли я.

— Я уже и не надеялся вырваться от близнецов. А тем более, увидеть тебя снова.

— Здешний док подлатал тебя. Все будет хорошо.

— А ты меня выхаживаешь? *Ma belle infirmière*, — моя прелестная медсестричка. Ему всегда нравилось быть окружённым моей заботой.

— Пока не забыла, — я достала из кармана его чётки.

Он бросил на них короткий взгляд и снова посмотрел на меня с грустной улыбкой.

— Неужели мои молитвы были услышаны?

— Селена нашла их. — Я наклонилась и застегнула их вокруг его шеи.

Он впился в меня взглядом.

— *Merci*. Боже, как я скучал по этим голубым глазам. *Ma fille aux yeux bleus*, — моя голубоглазая девочка, — не думал, что увижу их снова.

Так *почти* и случилось.

Затем он посмотрел куда-то мимо меня.

— Какого черта?

Циклоп просунул голову в откидную створку палатки.

— Один из волков Ларк охраняет меня. Длинная история. Он не тронет тебя.

Это привело Джека в ещё большее замешательство. Чтобы отвлечь его, я сказала:

— Эй, когда ты встанешь на ноги, сможешь показать мне здесь все. Не многие парни могут похвастаться собственным фортом.

— Тебе нельзя покидать его пределы, — он напрягся и поморщился от боли, — пообещай, что никуда не уйдешь.

Мне и идти-то было некуда. От моего дома почти ничего не осталось. Я очень по нему тосковала, особенно после видения о руинах Хэйвена.

— Я не уйду.

Этот всплеск активности будто лишил его последних сил, и его веки тяжело опустились.

— Я знаю... что они сделали... с Клотиль.

Любопытство пересилило меня.

— Что, Джек? И что они делали с тобой?

Он, казалось, изо всех сил боролся со сном.

— Мне так не хочется отрывать от тебя взгляд.

Но в конце концов сдался.

Селена вошла в палатку и слышала последние слова. Я не могла понять ее реакцию. Несмотря на слова Джека, что-то могло произойти между ним и Селеной. Я могла оказаться здесь незванным гостем.

Она положила проверенный арбалет Джека на стол. С тех пор, как я видела его в

последний раз, он модифицировал оружие, добавив фонарик и покрасив картридж автозвода стрелы.

— Джоуль уже утихомирился? — спросила я. — Нашёл свою пропажу?

— Последнее неправдоподобное предположение Башни? За долю секунды до удара молнии, Жрица каким-то образом напала и утопила близнецов, наполнив их легкие водой. Он в ярости и собирается устроить на нее «подводную охоту», — Селена нахмурилась, — сомневаюсь, что её можно убить током. И ещё Мэтью снаружи и хочет с тобой поговорить.

— Ты останешься?

— Конечно.

Несмотря на усталость я заставила себя подняться на ноги, и завернулась в плащ. Может быть, Мэтью расскажет, через что довелось пройти Джеку. И Клотиль...

Или поведаст историю моих взаимоотношений с Любовниками.

Пока я буду снаружи, нужно вырастить немного фруктов для Тэсс. Ничего лучше не скажет «прости за то, что я стала ведьмой из кошмаров и чуть не убила тебя», чем корзинка с фруктами.

Я вышла под резкие порывы ветра с дождем. Циклоп подбежал ко мне, рывкнув пару раз, словно пытался что-то сказать. *Тимми похитили работарговы!*^[17]

— Императрица, — Мэтью выглядел так плохо, как я себя чувствовала. Его лицо побледнело, плечи устало поникли.

— Что произошло?

Он чувствовал вину за произошедшее?

Он обратил на меня мрачный взгляд карих глаз.

— Тредичи близко.

— Я не понимаю, что это значит, дорогой. Разве ты не рад, что мы спасли Джека?

— Я не мог видеть, — он обвил себя руками, сжав их в кулаки, — Любовники! — произнес он на выдохе

Я потянулась, чтобы разжать его руки.

— Мы выиграли эту битву. Мы выжили.

Он посмотрел на меня.

— Близнецы неразделимы. Никогда не разлучаются.

— Я понимаю это сейчас. — В жизни (и в смерти) они были вместе. — Мэтью, мне нужно знать, что они делали с Джеком.

— Путь. Тебе не понравится, куда он ведет.

Мне уже несколько месяцев не доводилось разгадывать его зашифрованные послания. Теперь я снова окунулась в эту игру. И как бы мне не хотелось всё бросить, я спросила:

— Что это значит?

— Я не могу управлять, не могу изменять. Раньше были волны или вихри; теперь камень. Наши враги смеются.

— Дорогой, ты меня пугаешь. А я и так устала. Давай продолжим завтра?

Он поднял ладонь.

— Пожалуйста подожди.

— Ты говоришь с кем-то еще? — Мэтью был коммутатором Арканов, медиумом. — С... Ариком? Он смотрит твоими глазами?

Наблюдает за мной через Мэтью?

Теперь, когда Джек был в безопасности, мое предательское сознание вернулось к

Смерти. Я скучала по Арику, или, по крайней мере, по мужчине, которым я его считала. Я соскучилась по его сдержанному остроумию. Соскучилась по временам, когда читала с ним и танцевала под его восхищёнными взглядами.

Какой-то частью души я почти его любила. Даже близнецы это заметили. Но впечатления от времени, проведенного с ним, были перечеркнуты его же поступками.

— Он придет за мной?

Я посмотрела на стену форта. Станет ли минное поле ему помехой? Я не могла прятаться здесь вечно.

— Встреча! — Мэтью взял меня за руку и повел прочь от палатки.

— Мне нужно вырастить немного фруктов, а затем вернуться к Джеку.

Потянул еще настойчивее. Он стал еще сильнее и почти таким же широкоплечим, как Джек.

На выходе из форта Мэтью кивнул солдатам, те открыли ворота и закрыли их, прежде чем Циклоп успел проскочить за нами.

— Я обещала Джеку, что не уйду. Мэтью?

Ничего не ответив, он продолжил вести меня вниз по скалистой тропе, все ниже и ниже в густой туман.

— Эм, мы приближаемся к берегу.

— Тихая гладь.

Тропа вышла на пляж, похожий на тот, который находится за рекой.

— Здесь безопасно? — я с тревогой осматривалась вокруг. Держу пари, что раньше в жаркие дни сюда приезжала молодежь, пила пиво и купалась.

Я скучала по этим дням так сильно, что хотелось плакать.

— *УЖАС ИЗ БЕЗДНЫ!* —

Позывной прозвучал в моей голове.

— Что это значит, Мэтью? — Я выдернула ладонь из его руки.

Вода подступила к берегу и начала подниматься.

— Я хочу представить тебя... Верховной Жрице.

Когда Жрица говорила о скорой встрече, я думала это будет в далеком будущем — какая-нибудь схватка.

Но не в ту же самую ночь!

Прибывающая вода меняла форму, приобретая очертания. Контуры вырисовывались всё чётче и чётче, пока перед нами не возникла фигура девушки.

— Всего хорошего, Дурак, — сказала водная девушка.

Я повернулась к Мэтью. Ушел.

Вот чёрт! Я повернулась обратно к Жрице. И хотя она не помнила нашей недавней стычки, я все ещё чувствовала на себе её щупальца.

— Ты же не собираешься напасть на меня и спрятать концы в воду?

— Не сегодня. Хотя прятать концы в воду — это по мне, — не думала, что даже журчание воды может звучать смешливо, — как насчет провести эту встречу в мирном ключе?

Я вспомнила слова Селены про рыбёшку. Жрица не убила меня, а вызвала на встречу. Она могла бы стать союзником.

— Мир так мир.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вода снова изменила очертания, на этот раз принимая овальную форму наподобие зеркала. Когда рябь улеглась, перед глазами предстал озарённый храм. Овал служил окном!

На коралловом троне сидела девушка приблизительно моего возраста с яркими янтарными глазами, безупречной кожей цвета чёрного дерева и длинной тёмной косой, перекинутой через плечо. На ней были легкие белые одежды (пена морская?), длинные перчатки с голубыми переливами и блестящая водяная корона. На коленях лежал золотой трезубец.

Её облик завораживал.

— Nail Tar Ro, Императрица.

Чего?

— И тебе Nail Tar Ro.

— Ну и как тебя зовут в этой игре? — от её слов повеяло нежным бризом, теплотой далёких стран.

— Эви Грин.

Рядом с её тронном промелькнуло что-то едва различимое. Настоящее щупальце?

— А меня — Цирцея Ремир.

По каменным стенам за её спиной струилась вода. Подводный храм?

Не зная ее местонахождения, я не смогу с ней сразиться, даже если захочу.

— Ты здесь, но не здесь.

— Я могу жить в разных водоёмах. К примеру, когда Императрица бежала из логова Смерти вдоль реки, я могла следовать за ней.

Она наблюдала за мной.

— Как это возможно?

— А как вообще всё это возможно? — она обвела храм рукой.

У меня от удивления расширились глаза. Она не носила перчаток. Ее руки были

покрыты блестящей чешуей от запястий и до самых локтей, заканчивающихся изящными голубыми плавниками.

Мне казалось, что круто иметь птицу в шлеме, как у Ларк. Что уж говорить о чешуе Цирцеи.

— Игра делает невозможное возможным.

Ведьмы и ангелы, демоны и путешествия во времени. Голова шла кругом.

Мне нужно было вернуться к Джеку. Покормить Тесс.

— Я знаю, что у тебя была насыщенная ночь, — на самом деле Цирцея не знала и половины, — великий бой в окружении армии смертных.

Казалось, она настроена на долгую беседу.

Жрица была одинока? Как Смерть?

— Насыщенная, — согласилась я, присматриваясь к её руке, знаков не было, — не знаешь, куда делся символ Любовников?

Снова послышался противный звук скольжения. Я не видела её ног, что возможно было даже к лучшему.

— Их знак там, где и должен быть. Как и твои два.

Станный ответ.

— Мне не нужны новые. Я хочу остановить игру.

Она склонила голову с намёком на грустную улыбку.

— Ты всегда была о себе высокого мнения.

— А ты откуда знаешь? Я думала, только Дурак помнит прошлые игры.

— В предыдущем воплощении я наложила заклятие, которое позволяет, впадая в транс, восстанавливать воспоминания. Кому нужны летописцы, когда есть информация из первых рук?

Заклятие?

— Ты ведьма?

— Смотря кого ты спрашиваешь, — уклончиво ответила она, — разве Дурак не показывал тебе твои воспоминания? В видениях, или снах?

— Показывал. Понемногу.

— Мудро. Я просматриваю свои по десять минут в день. Независимо от обстоятельств.

Самодисциплина у неё что надо. Не то, что у меня. Я-то могла неделями жить без видений, зато потом смотреть их запоем. Неудивительно, что у меня каша в голове.

— С каждым воспоминанием, я всё больше осознаю, насколько эпична эта игра, — продолжила она, — она определяет историю богов и человека, и, несмотря на это, Императрица не хочет больше играть? Её не остановить, Эви Грин.

— Потому что это невозможно? Ты же сама сказала, что игра делает невозможное возможным. Если есть альтернатива убийству подростков, я должна попытаться.

— А ты пыталась? — она бросила на мою руку многозначительный взгляд.

— Да, — мне хотелось выглядеть решительной, но усталость давала о себе знать, — я очень старалась Цирцея. Нельзя назвать убийством самозащиту, или защиту любимого человека.

— Императрица говорит о любви, и без насмешки. Теперь я понимаю, почему Смерть так увлечен тобой в этой игре. Ты — не ты.

— Спасибо? — мне стало не по себе. — Так зачем ты хотела встретиться?

— Ты — загадка. А меня влекут загадки. Сокровенные секреты, требующие раскрытия.

— Как тайны глубин?

— Именно, — снова я уловила скольжение, — в другом месте и в другое время я, возможно, захотела бы узнать получше это твоё воплощение.

— Почему не сейчас? Мы могли бы объединиться.

— Мы смертельные враги, Эви Грин.

— Мы были когда-нибудь союзниками?

— Верными союзниками. Ах, как мы играли! Какой лес мы создали. Моя река, и твои зеленые убийцы. Как нам было весело! Ни одна карта не могла бросить нам вызов... пока не явился Император с угольно-красными пылающими глазами и руками, извергающими лаву. Ты должна нацелиться на него. Забудь о Любовниках и своём смертном.

Любовники уже получили урок: никогда не пытайся достать меня, через моего смертного мужчину.

— Ты знаешь о Джеке?

— До меня дошли слухи. Они стекаются ко мне, как вода. Я так и не поняла, чем ты так долго занималась со Смертью в его доме.

Неужели, наслаждаясь комфортной жизнью с Ариком, я забыла о своей настоящей жизни? За пределами его замка? До похищения я была кому-то другом, девушкой, внучкой. Прежде всего я была человеком. А так ли это до сих пор?

Проехали...

— Императора нет поблизости. Я не слышала его позывного.

Я не могла его даже вспомнить.

— Когда ты его услышишь, будет уже поздно, — Цирцея печально покачала головой, и с обеих сторон водяного окна завертелись водовороты, пелена тумана распалось на тысячи лёгких вихрей, — он идет. И, когда много Арканов соберутся вместе, все мы будем вовлечены, затянуты словно течением.

— И ты будешь выжидать, чтобы утянуть их навстречу гибели?

— Как и всегда, — более тихим голосом сказала она, — иногда они сами просят, чтобы я забрала их в бездну. Иногда — это единственный выход, который они видят.

Ее слова обдали меня холодом.

— Только не Император. Этот тиран жаждет разрухи. В этой игре он зовёт себя Рихтером. От названия *шкалы*^[18], — ухмыльнулась она, — уже за одно это его следует убить.

Мои губы изогнулись в улыбке:

— Мы были подругами, так ведь? Не просто союзниками.

Выпятив подбородок, она нервно вертела в руках трезубец.

— Мы были близки, как сёстры, если хочешь знать.

— Пока я не предала тебя?

Яростный взгляд.

Поднимите руки, кого я не предавала в прошлых играх?

— Прости. Не надо было этого делать.

Ярость во взгляде Цирцеи сменилась озадаченностью:

— Ты не ты, — повторилась она, — до скорой встречи, hail Tar Ro, Императрица.

Водяное окно распалось, словно растаяло.

Жрица исчезла.

Джек был все еще без сознания, когда я вернулась в палатку. Селена сидела на стуле рядом с его кроватью.

— Что-то ты долго, — будто ей было до этого дело.

Пусть мы с Селеной и нашли общий язык, но она всегда оставалась сверхчеловеческой занозой в заднице. — Мэтью не вернулся? — Значит не так уж и долго я отсутствовала.

После встречи со Жрицей мы с Циклопом нашли укромное местечко, чтобы вырастить фруктов. Фитогенезис протекал вяло, вытягивая из меня море крови. В итоге я еле дошла до палатки Тесс. Но преподнесла ей богатый урожай: полную охапку угощений, завернутых в пальто, больше, чем она могла бы съесть.

Она спала под наблюдением архангела — такая худенькая под ворохом одеял. Но выглядела уже лучше.

Селена встала.

— Matto, наверное, бродит по форту. Как всегда, — она посмотрела мимо меня, — ты что впустишь сюда этого уродливого волка?

— Этот прекрасный волк — продолжающий спасать мне жизнь — заслужил спать под крышей.

Ночка выдалась та еще, я просто валилась с ног.

— Как знаешь. Выглядишь хреново. Иди спать, а когда проснёшься, поговорим.

— О чем?

— О делах, — бросив долгий взгляд на Джека, она вышла из палатки. Поспать. Да. Я заняла койку Мэтью, решив, что, если будет нужно, он меня разбудит.

Я повернулась на бок, чтобы видеть Джека. Но несмотря на сильную усталость и большую кровопотерю, я лежала без сна, глаза словно не хотели от него отрываться.

Закричали петухи, наверное, наступило время, соответствующее рассвету. Также было в доме Смерти, их не смущало даже отсутствие солнца. Ларк однажды сказала мне, что они кричат по своему собственному ритму.

Хотя лагерь просыпался, я, наверное, могла бы поспать еще часок. Засыпая, я думала о том, что принесёт нам день грядущий...

ДЕНЬ 374 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

Землетрясение?!

Я вскочила с дрожащей койки, пошатнувшись от накатившего головокружения. Почему никто не кричит? Где Джек? Мэтью?

Я протёрла глаза. Ах. Ложная тревога. Это Циклоп развалился рядом с кроватью, и шатал её, дёргаясь во сне. Я погладила его всклокоченный мех.

— Ради тебя я готова потерпеть.

Он проснулся и вытянул покрытые рубцами лапы.

Стоп. Что я делаю на кровати Джека? Да ещё и без штанов? Джинсы висят на спинке стула. Он что меня раздел?

В палатку вошёл Мэтью.

— Императрица.

Он выглядел ещё хуже, чем вчера.

— Дорогой, ты в порядке?

Циклоп встал и, миновав его, направился к выходу. Искренне надеюсь, что волк уже освоился в форте.

— Чувствую себя не хорошо, — Мэтью напряженно присел на край койки.

— Что-то болит?

На фоне чёрного пальто он казался особенно бледным.

— Мозг.

— Ты спал?

— Да. На днях.

Кто же *не* обессилит без сна?

— Как только ты немного отдохнёшь, сразу же почувствуешь себя лучше.

Не факт. Я вот проснулась такой же уставшей, как и прежде, только теперь ещё и с головной болью.

— Отдых необходим, — предвидев мой следующий вопрос, он кивнул в сторону реки, — Джек отводит войска вместе с Башней и Судом. Порядок! Дисциплина!

Джоуль с Габриэлем помогают ему?

— Разве Джек не должен сейчас валяться в постели вместо того, чтобы в потёмках шататься под дождём?

— Если уж он вобьёт что-нибудь себе в голову...

Я вздохнула.

— Будто я его не знаю. — Столько усилий, что быть рядом с ним, и вот он снова вне досягаемости. — Который час?

Пожатие плечами.

— Темно.

— Спасибо.

Я свесила ноги с кровати. Рядом потрескивал огонь, но он не особо разгонял холод и сырость. Я поймала себя на мысли, что соскучилась по роскошной комнате в доме Смерти, и сразу же почувствовала угрызения совести.

Мэтью изучал потолок, чтобы я смогла надеть свои джинсы. Застегнув пуговицу, я заметила, что они стали свободнее. Всего несколько дней вдали от Арика, а я уже похудела. Кстати, об этом...

— Как Тэсс?

— Она в порядке. Как реактор. Она должна восстановиться.

— Регенерировать, как я?

Он округлил глаза.

— Не-е-ет. Как реактор.

— И когда она полностью поправится?

— Она поправится, — не успела я почувствовать облегчение, как он добавил, — но почти без волос.

Я вздрогнула.

— Я должна заглядывать вину, — поискав ногами ботинки, я нашла их под кроватью, — пожалуйста, расскажи мне о прошлой ночи. Что близнецы сделали Джеку?

Я хотела бы объясниться с ним, но как я могла это сделать после того, что он перенёс?

— Это его история.

— Это все, что ты мне скажешь?

Он откинул со лба влажную прядь волос. Пора бы уже подстричься.

— Армия мелет, мельница вращается.

Раньше он часто мне это говорил.

Когда-то АЮВ шла на Хэйвен, потому что ферма была оснащена готовыми источниками водоснабжения — ветряными водными насосами. И Мэтью по-своему предупреждал меня о приближении Любовников.

Теперь же я насторожилась, вспомнив слова Винсента:

— Миловнички не было дела до водных запасов Хэйвена. Им нужна была только я.

— Правда.

— Итак, почему ты упомянул ветряные мельницы?

— Они вертятся на запах роз.

Подавив раздражение, я присела на бревно, чтобы натянуть ботинки.

— Не хочешь рассказать мою историю с близнецами?

Раньше я боялась, что жестокость Смерти большей частью была вызвана поступками моих прошлых воплощений. Неужели с Любовниками то же самое?

— Я дал тебе историю. Теперь дело за тобой.

— Я должна воспроизвести воспоминания? А ты не мог бы просто рассказать? Они сказали, что прибегают к пыткам... из-за меня.

Он посмотрел на свою руку. Тема закрыта.

— Хорошо, тогда может поговорим о Жрице? Можем ли мы заполучить ее в союзники?

— Снег падает на могилы, — он обхватил себя руками.

— Какие могилы, дорогой? Ты замёрз?

Хотя огонь до сих пор потрескивал, я огляделась вокруг в поисках ещё одного полена. Не нашла.

Ещё бы. Здешние запасы были на исходе. Сколько бесценной древесины истратил Джек, чтобы обогреть меня в свое отсутствие?

— Тредичи близко, — сказал Мэтью.

— Что такое Тредичи? — это было слишком для раннего утра, или дня, или для любого

другого времени. — Ты объяснишь?

Он подмигнул, как будто я задала ему смешной вопрос.

Набравшись терпения, я сказала:

— Итак. Сегодня важный для меня день. Ты дашь какой-нибудь совет, от которого моя голова не разболится ещё больше?

— Что бы я не сказал, это принесёт боль. Сила — твоё бремя. Знание — моё. Но прежде чем потерять голову, я расскажу тебе всё.

— Что ты имеешь в виду? — я подошла к нему и приложила руку к болезненно-бледной щеке, но жара не почувствовала. — Может, попробуешь отдохнуть?

— Слишком много нужно сделать.

Он говорил мне это раньше.

— Что именно? Ты хочешь, чтобы я помогла тебе с чем...

Он встал, повернулся к выходу и покинул меня.

— Хорошо поговорили, приятель, — сказала я себе. Схватив свой рюкзак, я отправилась на поиски места, где смогла бы привести себя в порядок.

В общей ванной я помылась холодной водой, почистила зубы и переоделась в чистую одежду — джинсы, майку на бретельках и толстовку с капюшоном. Я почувствовала себя лучше, но не смогла избавиться от ноющей головной боли.

Я провела Тесс. Она дремала. *Реактивировалась*, я так понимаю. Трети выращенных мною фруктов уже не было, и она уверенно набирала вес. Кто-то прикрыл бейсболкой оставшиеся у нее волосы.

Когда я вернулась в палатку, растирая от холода руки, я услышала скрип открывающихся ворот. Джек.

Он въехал во внутренний двор на великолепной серой лошади. Я держалась в тени, не привлекая к себе внимания, и просто наблюдала за ним.

Отёки на лице немного спали. Из-под воротника фланелевой рубашки, надетой под камуфляжную куртку, выглядывал край бинтовой повязки. На другом плече висел арбалет.

Следом в ворота въехал Джоуль, Габриэль приземлился рядом. Все люди в форте приветствовали возвращающихся героев.

Когда вкатился фургон с продовольствием, Джек отдал распоряжения солдатам. Несколько человек принялись выгружать паллеты с консервами. Остальные обошли фургон и начали поднимать большую пушку, прикрепленную сзади.

Джек осторожно спешил. Он отстегнул громоздкую камуфляжную сумку и закинул на плечо. Вокруг сразу же собралась толпа и стала засыпать его вопросами. Несмотря на то, что он был очень молод, слушались его беспрекословно.

Тяготы жизни закалили его, наделили тяжело заработанными навыками, но у него никогда не было бы шанса их применить. Апокалипсис дал Джеку возможность проявить себя как лидера.

Он остановился на полуслове, повернулся и посмотрел в мою сторону, словно почувствовал присутствие.

Я вышла из тени и встретилась взглядом с его серыми горящими глазами. Он рассматривал меня с головы до ног, как в тот первый день в школе, словно годами не видел девушки.

Не отрывая от меня сосредоточенного взгляда, он что-то сказал мужчинам, они кивнули и он отошел; затем пересек разделявшее нас расстояние.

Не говоря ни слова, он взял меня за руку и повёл в свою палатку. Как же начать этот разговор? Я хотела рассказать ему про Арика, но сейчас было не самое подходящее время.

Когда он вошел, палатка словно уменьшилась в размерах. Казалось, его жизненная сила заполняет всё пространство... Он снял сумку, отложил в сторону арбалет.

Мы стояли и смотрели друг на друга в полной тишине. Наконец он подошёл ближе.

— Не думал, что ты можешь быть ещё красивее.

Приподняв пальцами мой подбородок, он наклонился, чтобы меня поцеловать.

Я застыла. Я не раз представляла себе нашу встречу, но не думала, что он вот так просто подойдёт и поцелует меня. По телу пробежала дрожь. Боже, как же я скучала по его губам. Я задыхалась от восхищения.

Но как только мои руки решили к нему потянуться, ноги переместили меня назад.

— Ммм, как ты себя чувствуешь?

Он был явно разочарован моей реакцией. А чего он ожидал? Наши разногласия не разрешатся сами собой.

— Ты же знаешь, я *tête dure*, — упрям, — я больше волновался о тебе.

— Я в порядке. Ты же знаешь: регенерация.

По тому как он снял куртку, едва ли можно было догадаться, насколько он изранен. Но дергающаяся мышца на челюсти, его выдавала. Затем он принялся отстёгивать наплечную кобуру с двумя пистолетами.

— С каких это пор ты носишь оружие?

— С тех пор, как испытал на себе его боевую мощь...

Он достал из кармана флягу и сделал глоток.

Я присела на койку Мэтью с тем же напряжением, что и он ранее.

— Значит, ты, Джоуль и Габриэль возглавили армию?

— *Ouais*. (Да). Я хотел позвать и вас с Селеной, но она куда-то запропастилась, а ты отогнала меня после попытки тебя разбудить, — правда? — я не хотел уходить, но должен был убедиться, что к этим *filles* (женщинам) относятся должным образом.

Конечно, он должен был. Я не знала другого человека, который бы так ненавидел насилие над женщинами.

— Когда люди видят Арканов, подобных Джоулю и Габриэлю, ими становится легче управлять, — он разжег огонь, — мне не претит использовать это, чтобы добиться результата.

С флягой в руке он сел напротив меня, облокотившись о колени. Густые чёрные волосы разметались по лбу и спадали на уши.

Когда-то я, запутавшись пальцами в этих волосах, притягивала его к себе.

— Когда ты решил обнародовать наше существование?

Теперь нас здесь было семеро — Лига Справедливости^[19] Аркан.

Он сделал ещё глоток.

— Помню, в Бэйсене все любили рассказывать истории. Мы говорили себе, что с такой жизнью можно мириться, если рядом родные и друзья. Что мы исторически привязаны к этим местам. И я подумал, что сейчас людям нужны новые истории, и тут как нельзя кстати пришелся парень, умеющий создавать иллюзии и девчонка со светящейся кожей, — он пожал плечами, казалось, пожалев об этом движении, — мы дали людям новую историю.

Несмотря на его энтузиазм, я всё ещё была удивлена, что он за это взялся.

— Раньше, тебе не было дела до остальных. Ты считал помощь ближнему ерундой.

Говорил, что *люди* — худшее творение природы.

— К тому времени я ещё не встретил столько сильных личностей, как за последние три месяца.

— Ты никогда не искал проблем, сам говорил. Помнишь? А тут ну сплошные неприятности.

— *Dis-moi quelque chose que j'connais pas*, — как будто я не знаю, — но я кое-что понял.

— Что именно?

— Весь род человеческий мог просто исчезнуть, Эви. И только Миловничи собрали армию. Кто-то должен был остановить их. По какой-то причине, это упало на мои плечи. —
Еще глоток.

— Ты снова пьешь. Я думала, ты бросил.

Он начал пить в юном возрасте.

— Я должен был мыслить трезво, чтобы добраться до тебя, победить твоих врагов, — он помрачнел, — но, спустя некоторое время ты уже не ждала меня.

Я не могла отрицать этого.

— А теперь?

Понизив голос, он сказал:

— Алкоголь помогает справиться с болью, — я знала, что он говорит о *душевной* боли, потому что его терпимость к физической боли была невероятной, — я не рассчитывал, что ты придешь, Эви.

— Я не могла не прийти, — произнесла я уже мягче, — расскажешь, что произошло с тобой? С Клотиль?

На его лице отразилось такое страдание, что я вздрогнула.

— Я *никогда* не расскажу тебе. *Jamais*. (Никогда).

— Джек, я должна знать.

— Я тоже так думал. А сейчас? Всё бы отдал, лишь бы не знать, — фляга в его руке дрожала, — жаль, что я не смог собственноручно прикончить этих двоих.

— Друг, который был с тобой... Мне так жаль.

Он свел брови.

— Ты когда-нибудь пыталась заставить себя не думать о чём-то? С моим *rodna* (фр. кж. друг)... — его дыхание стало настолько тяжелым, казалось, что на его грудь опустился неподъемный груз, — я вишу на волоске, Эванджелин.

Ох, Джек. Мой взгляд упал на край повязки. Я не могу рассказать ему об Арике. Не сейчас. Не позволю себе разорвать этот волосок.

Джек повыше натянул рубашку, чтобы прикрыть повязку. Стесняется? Меня?

— Это останется на всю жизнь, *поп*? — он вздернул подбородок. — Так сказал доктор.

— Ты выжил после встречи с Винсентом и Вайолет. Это все, что имеет значение.

— Зато ты чуть не погибла. Селена рассказала мне о схватке с Верховной Жрицей.

Я кивнула.

— И о том, что ты ради меня чуть не убила Тесс. Заставила её... повернуть время вспять, чтобы спасти моё зрение. Что там, чёрт возьми, произошло? От Джоуля с Гэйбом многого не добьешься.

Я решила быть предельно честной.

— Близнецы выжгли твои глаза раскалённой ложкой.

— Даже не знаю, как на это реагировать, — он сделал очередной глоток, — я видел

Тесс с утра.

Maigre, — тощая, — но не обозленная. Не совсем плохо о тебе отзывается.

Тогда она видимо не помнит всего, что произошло.

— Я слышала твои крики. И слетела с катушек.

Надежда вспыхнула в его серых глазах.

— Если ты так сильно обо мне беспокоишься, значит, ты пришла, чтобы мы снова были вместе? Как раньше? Или так могло бы быть со временем?

— Сейчас многое изменилось, — я не хотела, чтобы он ожидал от меня того, что, возможно, я не смогу дать — так получилось.

— Может ты пришла из чувства вины? Потому что Арканы захватили меня?

— Я ещё до этого решила тебя найти.

— И Смерть тебя отпустил?

— Не совсем, — да ни за что в жизни, — но это не важно. Главное, я здесь.

— Очень даже важно. Как тебе удалось сбежать?

— Мэтью помог мне, — правда, но не вся.

— Но ты не убила Жнеца? — я снова чувствовала, что Джек разочарован. — Даже после того, что он сделал с нами? После того, как он обрек меня, соо-уôn, Финна и Селену на смерть? — пальцем он указал на знаки на моей руке. — Ты ведь двоих уже убила. Почему не Смерть?

— Я лучше узнала историю предыдущих игр. Узнала, почему он меня ненавидит. В прошлом я была далеко не Мисс Дружелюбие. Ты даже не представляешь, как жестоко я его предала.

Джек провёл рукой по отекающему лицу.

— Просвети меня.

— Всё сложно. Я же не требую от тебя ответов, так давай закончим этот разговор.

Но он, казалось, только начал:

— Джоуль сказал, что у него было к тебе предложение. У тебя была возможность спасти меня гораздо раньше, но ты ей не воспользовалась!

— Ты многого не знаешь о Смерти. Я тоже раньше этого не знала.

— Он придет за тобой.

Я не была в этом уверена.

— Понятия не имею, чего от него ждать.

— Ты знала, что единственная, кого он может коснуться?

Я покачала головой

— До того, как он пленил меня, не знала.

— Я и не думал, что есть так много вещей, которые еще могут меня шокировать. Пока не узнал, что этот ублюдок хотел сделать тебя своей. Не убить, а обладать. Это правда?

— Так и было. — Раньше.

— Соо-уôn рассказал о нем. Богатенький благородный рыцарь. Говорит на восьми языках и тому подобная хрень. Он дал тебе теплую комнату в замке и защитил от целого грёбаного мира, — я сама попросила Мэтью сказать Джеку, что в безопасности, но, похоже, он слегка перестарался. — Так может ты совершила глупость, сбежав от него?

Глупость?

— И у тебя хватает наглости такое мне говорить! И это после того, как сам столько мне лгал, — я с трудом сдерживалась, напоминая себе, через что ему довелось пройти.

— Смерть рассказал это тебе, чтобы вбить между нами клин.

— Если бы ты был честен со мной, правда не была бы таким ударом.

— И как, черт возьми, я должен был рассказать тебе про мать, — он опустошил флягу, — я тысячи раз представлял себе твою реакцию. Рассказать тебе все, было равносильно тому, что потерять тебя.

— Я долго была пленницей Смерти вдали от друзей и родных. И вдруг узнаю о том, что ты сделал. С легкостью, — мои слова, похоже, ранили его сильнее, чем недавние пытки, — разве ты не помнишь, как мы обещали больше не хранить секретов друг от друга? Я помню. Помню, как метался твой взгляд.

Будто это было вчера...

Ты меня не обманываешь? Джсек, сейчас нет ничего важнее доверия. Учитывая эту игру, весь этот мир, мы должны иметь возможность полагаться друг на друга.

— Я не вру. Ты можешь доверять мне Эви, — сказал он более твердо, — у меня нет секретов, реекон. За исключением того, как сильно я тебя хочу.

— Я поверила тебе, как последняя идиотка — сказала я, — вопреки здравому смыслу купилась на твое вранье. Ты так упрекал меня за мои секреты, тогда как сам скрывал от меня такое!

Он запустил пальцы в волосы.

— Я чувствовал, что между нами что-то стоит. Чувствовал, что ты в опасности. Я должен был узнать о тебе больше, чтобы суметь защитить тебя. Но мое признание ничего бы не изменило, только оттолкнуло бы нас друг от друга.

— Тогда попробуй сейчас. Расскажи мне, что произошло той ночью с моей матерью.

— Ты точно хочешь услышать это? Пройти через это? Тогда, ладно. Я расскажу.

Он подготовился к рассказу, достав из-под кровати бутылку и снова наполнив флягу.

И в этот момент я уже не была так уверена, что хочу обо всем узнать.

— Эта мысль пришла в голову твоей мёге после того выстрела из ружья.

Тогда я в первый и в последний раз нажала на курок.

— Она и по лестнице-то спуститься не могла, не то что отправиться в дорогу, но очень хотела, чтобы я увёз тебя, спас от АЮВ. Когда же я сказал, что ты её никогда не бросишь, добавила: «пока я жива».

Затаив дыхание, я наблюдала, как он держа в руке флягу, сел.

— Карен сказала: «И ты поможешь мне, сынок. Просто ещё не знаешь об этом».

Хотя я отказалась от видений о её смерти, Мэтью, видимо, посылал их мне. И с каждым словом произносимым Джеком, в сознании начинали всплывать подробности произошедшего.

Я почувствовала едва уловимый аромат гардении в маминой комнате, и запах Джека: терпкость кожи и нежность кастильского мыла, которым он в тот день умывался.

Я слышала мамино хриплое дыхание. Видела лицо, искаженное болью, которую она пыталась от меня скрыть. Видела пульсирующую жилку на шее Джека, когда он отказывался помочь ей умереть...

— Я бы ни за что в жизни этого не сделал, — он отвёл взгляд, — ни за что в этой грёбаной жизни, но у неё было такое лицо, в глазах застыла стальная решимость. Она сказала, что, если придётся, сама перережет себе горло куском стекла. И, чёрт возьми, Эви, я ей *поверил*.

Моя отчаянная мать пошла бы на это.

— Как ты это сделал? — я перешла на шёпот.

— Мы с Карен знали, где можно достать смертельную дозу таблеток. На берегу протоки когда-то жил дилер. И пока ты была без сознания, я съездил за его запасами.

— Значит, за ужином вы оба знали, что должно случиться, когда я пойду спать. А по вашему поведению я никогда бы не догадалась.

Ди-ви-о.

— Я хотел, чтобы ей было легче.

— Значит, она... наглоталась таблеток и ты, — я сглотнула, — не брался за подушку?

Джек побледнел даже сквозь синяки.

— Она просила меня это сделать. Приближался рассвет, а с ним и армия. Она так боялась, что ты проснёшься до того, как доза подействует. Я уговаривал её подождать, отвлекал расспросами о тебе.

А я в это время спокойно спала.

— Боже, я так хотел, чтобы таблетки сработали, не мог даже подумать о том, чтобы причинить ей такую боль. Но столько стояло на кону, что я полагаю... наверное, я бы решился. Она верила, что я смогу, так мне и сказала, — он опрокинул флягу и сделал глоток, — даже не знаю, как это характеризует её... и меня.

Со слезами на глазах я смотрела на Джека. Как же это его терзало! Пожертвовав всем, мама спасла меня, но какой ценой? Заставив подростка помочь ей умереть.

Я не могла ненавидеть его. Совсем наоборот.

Он спас меня и прекратил мамины страдания, в то время как я упрямо тешила себя напрасными надеждами. Он избавил ее от мучительной смерти и оставался с ней до самого

конца.

Когда-то Мэтью сказал: «Помогая, он вредит». Сейчас же *Джек*, помогая, навредил сам себе.

Из-за того, что он приложил руку к ее смерти, я долгое время не могла думать о нём без горечи. Теперь всё изменилось.

— В итоге таблетки подействовали спонтанно. Разглядывая свою общую фотографию с тобой и твоей *grand-mère*, она улыбалась сквозь слёзы, словно с радостью вспоминала ваши шестнадцать лет жизни, но боялась за твоё будущее. За себя она не боялась, нет. Я пообещал, что буду оберегать тебя до последнего. И потом она просто... закрыла глаза.

Теперь я знала. Круг замкнулся. Как однажды сказал Джек, моя мама «умерла с достоинством».

— Эви, как мне заслужить твоё прощение?

Я вытерла глаза рукавом.

— Я не держу на тебя зла. Даже не сомневаюсь, что мама всё равно сделала бы это. Благодаря тебе она хотя бы была не одна.

— Но...

— Но я не уверена, что смогу доверять тебе. Ты *умелый* обманщик. Это твоя особая способность, подобно нашим силам Арканов.

Когда после Вспышки Джек впервые появился в Хэйвене, я не доверяла ему категорически. Сейчас я чувствовала то же самое.

Он вскочил на ноги и принялся расхаживать взад-вперёд.

— Я не хотел обманывать тебя!

— Это становится закономерностью. Ты захотел посмотреть мой альбом и украл его. Захотел узнать об Арканах и прослушал запись с моей историей. Ты требуешь от меня честности и открытости, но сам ничего не даёшь взамен.

Он впился в меня лихорадочным взглядом.

— Я больше никогда тебя не обману!

— Как я могу тебе верить? — я следом за ним сорвалась с места, — между нами уже есть секреты — то, что Любовники сделали с тобой.

— Вот что я тебе скажу: у меня есть секреты. Целая туча секретов. И некоторые из них я заберу с собой в могилу. Ты просто должна с этим смириться.

Если он хочет сохранить свои тайны, почему бы и мне не сделать то же самое?

Нет. Не рассказать ему об Арике — всё равно, что соврать. Рано или поздно мне придется это сделать.

Он подошёл ближе и взглянул мне в глаза.

— Всю жизнь я разгадывал загадки, решал головоломки. Если близнецы меня чему и научили, так это тому, что есть вещи, которые лучше не знать. Раскрываясь, они оказываются только более мерзкими.

В памяти всплыли слова Жрицы. *Разгадывать загадки*. В этом плане они с Джеком были похожи.

— Ты любишь меня? — его прямой вопрос застал меня врасплох.

Быть предельно честной?

Я тяжело сглотнула:

— Да.

Он зажмурился. Я думала, что это его немного успокоит, но он стал еще более

напряженным.

— Хорошо. Значит, ты примешь меня с моими секретами. Потому что без тебя я не смогу продолжать это.

— Это?

Мы стояли лицом к лицу и тяжело дышали.

— *Это*, Эви. Жизнь после Вспышки. Борьбу за лучшее будущее, — он запустил пальцы мне в волосы, коснулся затылка, — если ты не будешь моей, все теряет смысл.

Сжав меня в объятиях, он завладел моими губами.

Привкус виски на языке, подействовал на меня как спичка, поднесенная к сухому хвосту. Распалил во мне страсть, и тело мигом отозвалось на это незабываемое ощущение.

Он притянул меня ещё ближе, побуждая ответить на поцелуй. Как же я скучала! Застонав, я обвила руками его шею. Он вздохнул от удовольствия, или это был вздох облегчения?

Я таяла от теплоты его тела, не могла им надышаться. Лишь однажды мы были вместе. И заслужили ещё один раз. Он заслужил почувствовать, наконец, умиротворение.

Что нам мешало сделать это?

Смерть. То, что я сделала с Ариком. Арику.

С усилением воли я отстранилась.

— Нам нужно поговорить.

Я всё объясню. Заставлю его понять.

Он наклонился и прижался губами к моей шее, так что у меня закружилась голова.

— Я скучал по тебе, Эванджелин. Так чертовски дико скучал. Когда ты не захотела иметь со мной ничего общего... — влажной кожей я чувствовала его судорожное дыхание, — я думал, что сойду с ума.

Еще больше поцелуев. Больше жара. Больше возбуждения.

Эти минуты с ним казались мне судьбоносными, словно я собиралась встать на путь, с которого нельзя сойти.

Путь?

— Ах, жимолость, — отняв руки от волос, он нежно положил ладони мне на шею и большими пальцами приподнял голову, чтобы встретиться со мной взглядом, — я бы снова прошёл через всё это, лишь бы вернуть тебя.

Он согласился бы на пытки и клеймение только чтобы быть со мной?

— Джек...

Он снова нашёл мои губы. Не успела я опомниться, как мы уже лежали на кровати. Было так приятно чувствовать на себе его тело, прижиматься друг у другу бедрами.

Между поцелуями он нежно шептал:

— *Douce comme du miel*, — сладкая, как мёд.

— Я... я... — я не могла сконцентрироваться на том, что собиралась сказать. Или была слишком занята, помогая ему снять мою майку?

Яркое сияние глифов освещало палатку лучше любого огня. Сквозь шелк бюстгальтера я почувствовала тепло его больших мозолистых рук и, вскрикнув, выгнулась ему навстречу. Он хрипло застонал, посылая дрожь по всему моему телу. Спустился цепочкой поцелуев вслед движению моих глифов от шеи и до груди. По груди.

— Ты моя, Эванджелин, — поцелуй, — со мной, — касание языка, — а я твой, — он взял меня за руку, сплетая наши пальцы, и посмотрел в глаза, — я так чертовски сильно

мечтал о тебе, об этом. Je t'aime. Я люблю тебя. И буду любить всегда.

Выражение его лица разрывало мне сердце, и я отвела взгляд.

— Мне нужно ещё кое-что тебе рассказать...

Я не договорила.

Необъяснимая настороженность охватила меня. Сердце и так билось, как бешеное, теперь же оно просто выскакивало из груди. Что-то было не так. Что-то приближалось.

Кто-то.

Я оттолкнула Джека и вскочила на ноги.

— В чём дело? Я слишком тороплюсь? Мы можем подождать с этим.

— Ты здесь ни при чём, — я натянула майку, — мне нужно ещё кое с чем разобраться.

— Куда ты собралась? Я иду с тобой.

— Нет! — я развернулась, выставив руку перед собой. — Подожди меня здесь.

Пожалуйста, сделай как я прошу. Хотя бы раз.

И вышла, оставив его в полной растерянности.

На улице сгустился такой туман, что даже дышать стало трудно. Выйдя из палатки, я словно воспарила в невесомости, готовясь к неминуемому падению. Я всмотрелась в туман. Мэтью ждал около ворот. Они уже были открыты? У меня внутри всё сжалось. Что он наделал?

Из тьмы показалась фигура всадника в чёрных доспехах.

Здесь был Смерть. Он прошёл через минное поле прямо за стену!

И я понятия не имела, что он собирается делать.

Мои глифы сияли теперь по совершенно другой причине, просвечиваясь даже сквозь туман. Я расцарапала ладони и посеяла защиту, но лозы вокруг меня росли медленно. *Слишком* медленно. Без солнца я не смогла перезарядиться после последней битвы!

По мере приближения, черты его внешности проявлялись всё чётче. Плотная облегающая броня обрисовывала широкие плечи, мускулистые руки и ноги. Он ехал высокий и гордый, такой благородный верхом на своём призрачном красноглазом жеребце.

Как только лозы потянулись вверх, Смерть обратил свой взгляд ко мне. Его глаза вспыхнули огнем.

Как и мои светящиеся глифы, его пылающий взгляд выражал силу его эмоций... его гнев. Яркое *свечение* было видно даже сквозь забрало его шлема.

В призрачных объятиях тумана на меня нахлынули воспоминания о нашей последней ночи...

Оказавшись у кровати, я снова попробовала отговорить его.

— *Пожалуйста, подумай о том, что ты делаешь. Ты же принуждаешь меня спать с тобой. Разве ты считаешь это нормальным?*

Он обхватил меня за талию и легким движением опустил на свою кровать. И хотя его ладони огрубели от меча, пальцы были изящными и нежными.

— *Я не просто укладываю тебя в постель. Уступи и станешь только моей. Моей истиной женой. Ради этого я готов на всё. На всё ради тебя. Он склонился надо мной, и мои руки уперлись в его обнажённую грудь, покрытую татуировками. Эти чёрные витиеватые символы рассказывали нашу историю, постоянно напоминали ему, что мне доверять нельзя. Тем не менее я заслужила доверие.*

Была ли я готова снова его потерять?

— *Отпусти меня Арик. Позволь уйти отсюда. Я вернусь, обещаю.*

— Никогда, моя маленькая жена. Я никогда тебя не отпущу.

Ощувив ладонями движения его мышц, я медленно закрыла глаза от удовольствия. Терпкий запах сандала, хвои и мужского тела подчинил меня, как наркотик, полностью усмирив сопротивление. Но я всё же нашла в себе силы сказать: «По-твоему не будет».

— Не будет? — он заправил прядь волос мне за ухо. — Потерять единственную женщину, с которой я могу быть, ту, которую теперь люблю — вот что не по-моему. Это действительно хуже всего.

Любит.

— Никто не говорит, что ты меня потеряешь. Но если ты сделаешь это со мной, то так оно и будет.

Его губы изогнулись в улыбке. Такой чувственной, такой прекрасной. Он знал, какую власть имеет надо мной.

— Дай мне время, и я усмирю твой гнев. Один раз мне это уже удалось.

Он медленно наклонился, впившись в меня янтарными глазами.

Сопrotивляйся ему, сопротивляйся...

Накрыв губы поцелуем, он спутал мои мысли, заставил забыть о том, что я должна была бы помнить. Затем углубил поцелуй, касаясь своим языком моего. А я извивалась в ответ на каждую ласку, словно моё тело подчинялось только ему.

Он не проронил ни слова, но говорил со мной через поцелуи. Напоминал, что не отпустит меня. Уговаривал уступить.

Сдаться.

Я могла бы раствориться в этом мужчине. И когда я застонала, он запрокинул голову и закрыл глаза.

— Ну вот. Так лучше, — он принялся со сверхъестественной скоростью снимать с меня одежду, — позволь мне взглянуть на тебя... прикоснуться к тебе.

Когда я осталась в одних трусиках, он впился в меня жадным взглядом. В каждой напряжённой линии его тела читалось вожделение.

— Императрица...

Тяжело дыша, он ласкал меня утонченными пальцами, осыпал мою грудь поцелуями. Его губы сомкнулись на затвердевшей вершине, и я закатила глаза от наслаждения. Когда он переместился к другой груди, только собственный крик вывел меня из забытья.

Сопrotивляйся, Эви!

Если я потеряю контроль, я могу потерять... себя. Когда эта мысль прорвалась сквозь пелену желания, на губах выделился яд. Если он не отпустит меня, я отберу свою свободу сама.

Я обхватила ладонями лицо Арика, побуждая его меня поцеловать, и он охотно это сделал. А потом ещё и ещё.

Наконец он отодвинулся, чтобы стянуть с меня трусики.

— Я снова хочу вкусить тебя. Думаю об этом постоянно, — с его сверхъестественной силой, наверное, трудно было не порвать моё кружевное бельё, — ах, ты тоже меня хочешь.

Я лежала обнажённая под взглядом янтарных глаз, переливающихся звёздным сиянием.

— Как хорошо, sievā. О боги, я у твоих ног — он одарил меня одной из своих редких беззаботных улыбок — это ли не счастье?

Я почувствовала, что сейчас расплачусь.

Его пальцы опускались всё ниже, изучая меня трепетными прикосновениями.

— Сегодня я буду в тебе, — прохрипел он, — ты станешь только моей.

Вдруг он прищурился.

— Розы?

И отстранился.

Мой запах изменился. Теперь засыпай, Смерть.

— Что ты сделала, тварь?

Выбравшись из-под него, я схватила свою рубашку, брошенную у изголовья кровати.

— Я обратилась за помощью. Ты же предложил мне принуждение.

Он пробовал сопротивляться, но уже еле двигался — яд успел подействовать.

Опустившись на колени, он потянулся через кровать в попытке что-то достать.

Он же не меч с рядом стоящей подставки собирался схватить?

Не успел. Ноги подкосились, и он повалился на матрас. Последним усилием повернул голову ко мне и сжал руки в кулаки.

— Всё-таки... этого следовало ожидать. Отравленный поцелуй. Снова, — он выглядел опустошенным, — ты убьешь меня прежде, чем когда-либо подпустишь к себе.

— Убью? Да ты просто уснешь! — я расправила плечи. — После всего, что между нами было, убийство — первое, что пришло тебе в голову? А первой реакцией было нанести удар?

С болью в сердце я кивнула на меч.

Очевидно, ничего между нами не изменилось, как я себе придумала.

— Я поклялась, что никогда не причиню тебе вреда, Арик. Другие Арканы обещали спасти Джека, если я лишу тебя жизни, но я отказалась.

Судя по движению мышц, он снова пытался дотянуться до оружия. Неужели он бы и сейчас отрубил мне голову, если бы имел такую возможность? Два раза он уже это сделал.

— Да помогут мне боги, sievā, ты... за это... заплатишь...

Его веки опустились, скрывая полные страдания глаза. Прекрасное лицо расслабилось, тело обмякло.

Я не могла поверить собственным глазам. Мы ведь только что лежали в одной кровати. Он не мог тянуться за мечом. Он никогда бы мне не навредил. Но и я не могла оставить его в таком уязвимом положении, если бы кто-то добрался до него, это было бы на моей совести. Его сторожевой пёс мертв. Волки остались с Ларк. Кто угодно мог пробраться в замок.

Я почувствовала, что должна его защитить. Оделась и забаррикадировала дверь в спальню, а сама собралась вылезти в окно второго этажа.

Я продумала каждый свой шаг.

Он всегда был мишенью для других Арканов.

Я притащила тренировочные мечи.

Он бы не причинил мне вреда. Не смог бы!

Положила возле него доспехи.

Он тянулся за чем-то другим.

Подперла щитом ручку двери.

Он любит меня.

Так почему же он принуждал меня? Почему он поклялся заставить меня заплатить?

Под влиянием красной ведьмы, у меня пропало всякое желание его защищать.

«Вот тебе и глубокая духовная связь, — шептала она, — он стоит ПЯТИ символов».

Железное правило: если тот, кто убивал тебя больше одного раза, тянется за мечом...

Теперь он пришёл за мной, чтобы отомстить. Мрачный Жнец в рыцарских доспехах.

С трепетом глядя на него, я недоумевала, откуда у меня взялись силы покинуть его, отравить его. Я несколько дней его не слышала, и уже начинала волноваться, что дала ему слишком много яда, что причинила ему боль. Зря беспокоилась.

Солдаты замерли в немом изумлении. За последние два часа в эти ворота въехали Джек и Арик, и если Джек внушал уважение, то Смерть — чистейший ужас.

Рядом с конем Смерти, закованным в броню, я заметила силуэт громадного волка. Циклоп выступил вперед, из его пасти торчали человеческие конечности из каменного леса.

Это зверь провел его через минное поле! Или Ларк. Она послала со мной дополнительную защиту не потому, что заботилась обо мне. Она послала шпиона.

Не сводя с меня глаз, Смерть вытащил один из своих мечей. *Нем!*

Мои лозы вытянулись и уплотнились, и воздух сразу наполнился ароматом роз. Когти начали сочиться ядом, в воздух взметнулись шипы.

Но сквозь мои лозы он мог прорваться, а его броня — нейтрализовать большинство моих сил. Пожелай он моей смерти, так оно и будет. Если только...

Еще три Аркана ворвались в затуманенный двор.

— Кровавый Жнец! — крикнул Джоуль.

В тот же миг Джек за моей спиной взревел:

— *Эви!*

И началось...

— Я поджарю тебя! — завопил Джоуль.

Габриэль рванул куда-то мимо меня. Увидел Джека? Перед Ариком выскочил Циклоп и припал к земле, готовясь к нападению. Мертвенно-бледный Мэтью, дрожа всем телом, безостановочно бормотал себе под нос: «Тредичи». Тесс спряталась за его спиной и начала плакать. Солдаты бросились врассыпную от места столкновения.

Кожа Джоуля заискрилась в тумане, и он занёс одно из своих копий. Мой взгляд метнулся назад к Смерти. Его плечи под рыцарской броней поднялись и опустились в усталом вздохе. Для него это был просто очередной день, очередной символ, который можно забрать у Аркана. Или у нескольких из нас.

Арик отвернулся от меня, только когда Башня метнул копьё. Его меч оказался быстрее. Металл лязгнул о металл, и копьё улетело за стену форта. Вдалеке раздался грохот разорвавшейся молнии. Джоуль разочарованно взревел.

— Кто его на хрен впустил? — зарычал Джек, которого удерживал, спасая от верной смерти, Габриэль. — Эви, мать твою, уходи оттуда!

— Зачем ты пришёл, Арик?

Смерть снова повернулся ко мне.

— Чтобы сделать то, что в итоге я делаю всегда.

В итоге он всегда... убивал меня.

Он снял устрашающий шлем. Рыцарь Бесконечности как всегда был гипнотически красив. Светлые волосы обрамляли идеальное лицо с тонкими чертами, янтарные глаза сияли.

Глубоким хриплым голосом он произнес:

— В итоге я всегда тебя *прощаю*.

Я раскрыла рот от удивления. *Что?*

— Подавись, Жнец! — Джоуль метнул ещё одно копьё.

В этот раз Арик отразил удар, не отводя от меня жадного взгляда звездных глаз.

— Прощаешь? — я наконец обрела дар речи. — Ты пообещал заставить меня *заплатить!*

— Это я и собираюсь сделать, Императрица, но не так, как ты думаешь, — в его словах звучал неприкрытый намёк.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду? Перед тем, как потерять сознание, ты тянулся за мечом!

Он сдвинул светлые брови.

— Я тянулся за пузырьком с противоядием, которое создал ещё до Вспышки, в надежде нейтрализовать твой яд. Всегда хотел проверить, подействует ли оно.

Противоядие? Я оторопела.

— Н-но в каждой нашей схватке... ты меня убивал.

Ещё одно копьё; опять отбито мечом.

— Эви, да беги же ты от него! — прокричал Джек.

— Ты прекрасно знаешь, что я никогда не смогу навредить тебе, — произнес укоризненно Арик, — хотя и должен бы этого хотеть. Так же, как и ты отказываешься причинять боль мне. Дважды ты могла убить меня. Но в последний раз сделала все, чтобы

защитить.

— Но ты... а как же... твой меч?

С невозмутимым терпением он ответил:

— Больше никогда, *sievā*.

Я посмотрела ему в глаза и почувствовала ту самую глубокую духовную связь. О, боги милостивые... я ему поверила.

Я должна была что-то сделать, пока никто не пострадал. Соглашение! Но Мэтью не мог нанести свою кровь на кожу Арика из-за его смертоносного прикосновения. Может, и я смогла бы использовать кровь Хранителя Игр? Я рванула к Мэтью.

Он уже порезал руку.

— Открытые карты, — шептал он, — пока.

Я приложила палец к ране и кинулась к Арику.

— Какого хрена, Императрица? — прежде чем я подбежала к Смерти, Джоуль метнул еще одно копьё.

Арик увернулся, в ночи прогремел его голос:

— Мне начинает надоедать это, Башня.

— Арик, дай мне руку!

Он вложил меч в ножны и спешил со сверхъестественным изяществом. Гремя шпорами, подошёл ко мне и снял шипованную перчатку.

— *He-e-et!* — Закричал Джоуль.

Я провела по символам Арика красную линию.

Почувствовав моё прикосновение, он вздрогнул от наслаждения и прикрыл горящие глаза.

— Убирайся отсюда! — Джек вырвался из хватки Габриэля и бесстрашно бросился на Арика. Бесстрашие Джека, словно живое существо внутри него, всегда рвалось наружу.

— Остановись, — я ринулась ему наперехват, но он оттащил меня за спину и остановился напротив Арика. Эти двое были приблизительно одного роста и смотрели друг другу прямо в глаза.

— Ты не можешь драться со Смертью, — крикнула я, — он принят в соглашение.

— Я не Аркан, — процедил Джек.

— Пьяный и безоружный? — высмеял его Арик. — Это даже не спортивно.

На теле Джека напрягся каждый мускул. Он собирался напасть. На его лице заиграла жуткая ухмылка. Я уже видела такую. *Животный оскал*. Сжав кулаки, он собрался наброситься на Смерть.

— Джек, тебе нельзя с ним биться. Ты же не выживешь после его прикосновения! Он вышел тебе навстречу без шлема, только чтобы заманить, — я повернулась к Арику, — только тронь его, и *ты* за это заплатишься.

Он натянул перчатку.

— Я не собираюсь затевать драку, любовь моя. Теперь, когда ты осуществила свои намерения, я пришел осуществить свои.

— Намерения?

Как ни в чём ни бывало он продолжил:

— Я пришел забрать домой свою жену.

Джек дернулся, словно от удара. Издав гортанный рёв, он замахнулся на Смерть. Я закричала, но Арик блокировал удар бронированной перчаткой.

Рыцарь взглянул Джеку в глаза.

— Жажду смерти я чувствую всегда. Ты хочешь умереть, человек? Могу сделать одолжение.

Жажду смерти?

— Прекратите это немедленно! — я попыталась вклинить между ними. — Не вздумай к нему прикасаться!

Лицо Джека, покрытое синяками, побагровело от ярости.

— Как же мне хочется сбить с твоей рожи это наглое выражение!

— Императрица права. Достаточно одного прикосновения. Во всяком случае, для всех, кроме неё, — он обратил взгляд ко мне, — как и было суждено, *sievā*.

Казалось, его всё это забавляло, будто он попал на праздник. Джек в мгновение ока занес руку и приставил к голове Арика пистолет.

В груди всё сжалось, будто мне перекрыли воздух.

Арик исцелялся быстро, но даже он не выжил бы с пулей в голове. Если что-нибудь с ним случится... Теперь, когда я знала, что у него нет плохих намерений, меня переполняли смешанные чувства. Страх, стремление его защитить, душевная боль...

Прижимая дуло пистолета ко лбу Арика, Джек взвёл курок.

— Одна причина.

Я жадно ловила ртом воздух. Арик неохотно перевёл взгляд с меня на Джека. Он по-прежнему улыбался.

— Потому что она никогда тебе этого не простит.

— Прикончи его, охотник! — крикнул Джоуль. — Спусти грёбаный курок!

Я положила руку Джеку на плечо.

— Опустит пистолет, — ноль реакции, — если ты сделаешь это, между все будет кончено.

Он повернулся ко мне, каждое движение несло в себе риск.

— Что за хрень он несёт? Жена? *ЖЕНА*?

— Это сложно, — сказала я.

Он стиснул зубы.

— Черт возьми, Эванджелин, я сделаю это!

— Я всё объясню, как только мы вернемся в палатку, — если Джек выстрелит в Арика, то для меня умрут они оба; на глаза навернулись слёзы, — П-пожалуйста, сделай это ради меня.

— Ты хочешь, чтобы я позволил ему свободно разгуливать по моему форту? Тебе плевать, что он хочет меня убить?

— Он этого не сделает.

— Ты так в этом уверена?

Я выразительно посмотрела на Арика.

— Если он тебя хоть пальцем тронет, я возненавижу его до *конца* жизни, — я снова повернулась к Джеку, — пожалуйста, давай уйдём отсюда и поговорим.

Должно быть, он услышал отчаяние в моем голосе и, наконец, поставив пистолет на предохранитель, его опустил. Смерил Арика уничижительным взглядом и ушел прочь. Я последовала за ним, оглянувшись на рыцаря через плечо.

Самодовольно улыбаясь, тот склонился в галантном поклоне. Он знал, что удар достиг своей цели.

— Что за херня? — Джек не сдерживался в выражениях. Он метался по палатке, не отрываясь от фляги. И едва мог на меня смотреть.

— Я говорила тебе, что у нас со Смертью есть история.

Дрожащими руками я отодвинула створку палатки и выглянула наружу.

Арик обтирал Танатоса — своего жуткого белого жеребца. Красноглазый зверь выглядел как помесь аравийца... и танка. У него даже была собственная черная броня.

Рядом обгладывал кости Циклоп. *Хрум. Хрум.*

Остальные Арканы издалека пялились на Смерть. Тесс казалась особенно очарованной его неземной красотой. Но такое внимание, похоже, нисколько его не смущало.

Когда к Арику подошёл Мэтью, я не на шутку встревожилась. В последний раз я слышала, что Мэтью нарушил какую-то договорённость, заключенную между ними. Но они со Смертью говорили спокойно. Что они могли обсуждать?

— Боже, Эви, что ж ты глаз-то от него не можешь оторвать?

Я опустила створку палатки и направилась к раскладушке Мэтью.

— Какая история может быть у вас со Жнецом? Вы ведь впервые встретились три месяца назад.

Я присела, скрестив руки. Они так и не перестали дрожать. Страх за Арика выбил меня из колеи.

— Мы были вместе в прошлой жизни.

— *Dis-moi la vérité!* Скажи мне правду!

— Я и говорю. Арканы перерождаются.

Он ошеломлённо разинул рот.

— Победитель становится бессмертным. Остальные перерождаются для каждой новой игры. Смерть победил в последних трёх и поэтому жил все это время. И у меня есть воспоминания о времени, проведённом с ним.

Взад-вперед.

— А этот ублюдок, кажется, не считает, что всё в прошлом! Ты спишь с ним?

— Ты должен понять: я думала, что между нами всё кончено.

Взгляд Джека загорелся *безумием*.

— Ты... спишь... с ним?

— Нет, но я была... с ним.

В ночь, когда Арик спас меня от Огена, я решила заняться с ним сексом. Но мы не дошли до конца.

— Я не собираюсь это выслушивать! — Джек дышал часто и тяжело, словно ему не хватало воздуха.

— Я думала, что никогда больше тебя не увижу. Но не могла забыть об обещании дать тебе шанс добраться до меня. Поэтому мы не зашли настолько далеко. Я сказала ему, что собираюсь выслушать твою версию событий.

Джек опрокинул флягу и обтёрся рукавом.

— Я тут из кожи вон лезу, чтобы найти тебя, спасти, а ты чуть не трахаешься с

человеком, который едва меня не убил!

— Ты даже не представляешь, каково мне было узнать о твоей лжи. Во мне словно что-то сломалось, — я ударила себя в грудь, — умерло. Я чувствовала себя преданной. Тобой. Мэтью. А потом я узнала, что в одной из прошлых игр вышла замуж за Смерть. И пыталась его отравить в нашу брачную ночь. В другой игре я снова втерлась ему в доверие и опять предала.

Джек приостановился:

— Значит, в этот раз ты была с ним из-за чувства вины?

С одной стороны, я считала это *искуплением*, но с другой — была потрясена нашей связью.

— Я не знаю.

— Ты вернулась, пришла за мной. Сказала, что любишь! Это что, всё чушь собачья?

— Нет! — я потеряла виски. Ноющая головная боль переросла в пульсирующую мигрень.

— Ты любишь этого ублюдка?

— Он мне безразличен. Если бы не ты, возможно любила бы. И если бы не его поступок.

— Тебе всегда нравились богатенькие, — Джек пил на ходу, ни на секунду не останавливаясь, — особы голубых кровей. Конечно, рыцарь тебе как раз под стать.

— Ты несправедлив!

— Это не укладывается в голове! Он же похитил тебя. Думаешь, он не сделает этого снова? А, может, ты сама этого хочешь?

— Он не сможет этого сделать. Я вернула свои силы

— Вот именно, он на несколько месяцев лишил тебя сил, а ты его за это вознаградила. Он пытался убить меня и твоих друзей, а ты его за это вознаградила. Черт, Эви, неужели ты забыла о верности?

— А как же насчет Селены? Забыл, что она собиралась напасть на меня в ночь, когда мы встретились? Если бы не ты, я была бы мертва. Обезглавлена.

Я уже почти забыла об этом.

— Все меняется, Джек. В определенный момент эта игра всех нас делает злодеями. Кроме того, Арик не пытался убить вас. Это Оген обрушил гору. Если бы Смерть захотел устроить нам засаду, он поступил бы так уже давно.

— Почему же он этого не сделал?

— Думаю, в глубине души он надеялся, что я не была злом. Он знал, что я бы никогда не простила смерть кого-либо из вас. Он же мог убить вас в той пещере, но не сделал этого.

— Уверена? Ты слишком доверяешь его словам.

— Он *Смерть*. Убийство — его вторая натура, — а кто-то скажет, что первая, — я использовала против него весь свой арсенал, боролась как могла. Но так и не смогла победить.

— И всё равно позволила ему целовать тебя? Касаться тебя? — его голос огрубел от виски, акцент усилился. — Даже когда я решил, что потерял тебя, все равно не упал в объятия другой.

Другой. Селены. Джек говорил, что никогда не был с ней. Тем не менее, Селена призналась, что между ними «все изменилось».

— В жизни у меня было много причин для ненависти, но такой ненависти, как к

Смерти, я не испытывал ни к кому, — Арик говорил о Джеке то же самое, — как мне удержаться и не убить его?

Джек был на пределе.

Я тоже. Всего неделю назад меня душил Дьявол. «Хорошее мясо», скалился он, брызгая слюной мне в лицо. Я обхватила голову руками.

— Мне нужно немного притормозить, чтобы всё обдумать.

Хотела бы я, чтобы Тесс могла остановить время.

— Мы не можем позволить себе такую роскошь. Особенно теперь, когда сюда появился этот ублюдок. К нам в лагерь залетела граната с выдернутой чекой.

В пути Джек рассказывал мне о гранатах: *как только выдернешь чеку — граната тебе больше не друг.*

— Что ты хочешь от меня, Эви?

— Я хочу, чтобы вы перестали враждовать. Дали мне время собраться с мыслями, — я посмотрела ему в глаза, — я прошу тебя не причинять ему вреда.

— Я не могу... не могу так, нет. Ты мне сердце на хрен вырвала! — он потер повязку. — Лишь надежда снова быть с тобой держала меня на плаву, но сейчас я даже взглянуть на тебя не могу.

— Пожалуйста, попробуй понять это...

По лагерю прокатился крик.

Замечательно. И что же Смерть натворил на этот раз?

Мы с Джеком выскочили на улицу и застали Арика рядом с жеребцом. Мэтью возле него не было. Джек окинул рыцаря взглядом, полным испепеляющей ненависти, но Арик смотрел только на меня, не обращая на него никакого внимания.

— *Она пропала! Её похитили!*

— Это Финн кричал? — спросила я.

Джек бросился к палатке Мага, я устремилась за ним.

Финн сидел на своей койке, а рядом с ним и Мэтью. В тусклом свете трудно было сказать, кто из них выглядел хуже. Сразу после нас прибежали Габриэль, Джоуль и Тесс.

— Что произошло, родна? — спросил у Финна Джек. — Объясни толком.

— Селену похитили! Двое солдат. Когда я вошел, один из них что-то ей вколол. Другой подкрался сзади и вырубил меня. Я только пришёл в себя.

Габриэль расправил крылья.

— Но как они выбрались из форта?

— Вот именно, — произнёс озадаченно Финн.

— Мы подозревали, что в лагере есть предатели, — Джек грязно выругался на французском, — как давно это случилось?

— Часов пять или шесть назад? — Финн повернулся ко мне. — Перед тем, как отключиться, я услышал обрывок фразы про волка, охраняющего тебя. Думаю, ты тоже была мишенью.

— *Чьей* мишенью? — спросил Джек

Я боялась, что уже знала ответ.

— Вероятно, генерала Миловничи. Любовники собирались забрать нас с Селеной на север к кому-то, кого они называли Первым. Может, они имели в виду своего отца?

Вспомнив о близнецах, я почувствовала тошноту.

— Я мог бы подняться в воздух и догнать их, — сказал Габриэль, — пока они не присоединились к остальной армии.

Джек покачал головой.

— Они осветят все небо, чтобы засечь тебя. Их передвижные пулеметы просто разорвут тебя на части.

Габриэль повернулся к Мэтью.

— Ты должен был предвидеть это, Дурак!

Финн поднял костыль, чтобы защитить Мэтью, но на пути у архангела стал Джек.

— Оставь его в покое, Гейб! Мы вернём Селену.

И тут в моей голове сдавленно прозвучал позывной:

— *Мы будем любить тебя. По-своему...*

Все Арканы застыли в оцепенении.

— Э-это же был не позывной Любовников? — Тесс поправила бейсболку, дрожа всем телом.

— Это невозможно, — прошептала я, хотя только что именно его и слышала.

— Ребят, а вы точно их прикончили? — Финн по очереди обвёл нас взглядом. — Если да, то, похоже, их сила Арканов — гребаное самовоскрешение.

Мэтью издал тихий стон.

— Их зов, — он напрягся и изменившимся дрожащим голосом озвучил послание:

— Императрица, мы хотели сделать тебя узницей нашей любви, но это нам не удалось.

К счастью, компанию нам составит Селена. Неужели ты позволишь ей расплачиваться за твои злодеяния? —

— Какие ещё злодеяния? — спросил Джоуль, но остальные дружно на него зашикали.

Мэтью продолжал:

— Если ты и правда так изменилась, как утверждаешь, то придешь за своей союзницей. Мы освободим ее в обмен на тебя... и охотника. Наш лагерь разбит у Соляных Шахт Долор. Будьте там через четыре дня. Других Арканов с вами быть не должно. Если мы услышим чей-то позывной, например Архангела, то отдадим Селену нашим солдатам. Твой выбор покажет, насколько прочен ваш «альянс». Когда вступать, когда нарушать обязательства... Четыре дня, Императрица. Мы будем любить тебя очень, очень сильно. —

Передав послание, Мэтью обмяк.

— Винсент и Вайолет живы? Это они ее похитили! — Габриэль рванул к выходу.

Я преградила ему путь.

— Подожди! Нельзя так рисковать. Мы найдём другой способ её освободить. Возможно, Мэтью сможет заблокировать наши позывные, — когда я повернулась, он, прерывисто дыша, шмыгал носом, из которого шла кровь, — дорогой, что с тобой?

Я наклонилась к нему. Рядом оказался Джек.

— Соо-уôn?

Мэтью раскачивался взад-вперед, кровь насквозь пропитала спереди его рубашку.

— Остерегайся приманок... ударь первой... или получи удар.

Я вытащила из кармана платок и прижала к его носу. Глазами он будто умолял о чём-то, но о чём? Ну почему я не могла понять, как ему помочь?

Когда кровь полностью пропитала ткань, я, не задумываясь, выкрикнула:

— Арик!

— Зачем ты его зовёшь? — Джек сказал это так, словно готов был его убить, — это я три месяца заботился о соо-уôn!

Я присела рядом с Мэтью.

— Арику многое известно. Об Арканах.

Мгновение спустя молча вошел Смерть. Джоуль, бросив на него хмурый взгляд, создал копьё. Габриэль снова взмахнул крыльями. Тесс забилась в угол палатки.

Над Финном замелькали его последние иллюзии.

— Какого хрена, народ?

Он долгое время был без сознания и не знал, что Арик здесь. Маг снова занёс костыль.

— Смерть в соглашении, — сказала я.

Джек сжал челюсти с такой силой, что, казалось, сотрет зубы в порошок.

— Я смотрю, ты любишь заявляться туда, где тебе не рады, Жнец?

— Случается.

Пламя костра отбрасывало мягкий свет на его прекрасное лицо и блестящие светлые волосы.

Джоуль негодовал:

— Не могу поверить, что это происходит на самом деле. Мы в одной палатке с этим гнусным кровавым ублюдком, — он обратился к остальным, — вы ведь понимаете, что в прошлых играх он убивал каждого из вас?

Смерть изогнул уголки губ.

— А некоторых и не раз.

Как и меня.

— К черту всё. Я не могу здесь больше находиться, — Джоуль бросил на Арика взгляд, обжигающий ненавистью, — этот подонок убил мою Каланте.

Смерть сузил янтарные глаза.

— *Твой* альянс напал первым.

Габриэль положил руку Джоулю на плечо и тихо произнёс:

— Останься. Знай своего врага.

Кожа Башни заискрилась, и он отдернул руку.

— Долбаный Жнец, — Джоуль все-таки задержался, свой гнев он направил на Джека, — нужно было размозжить ему череп, когда была такая возможность.

— Думаешь, я об этом не жалею?

Я посмотрела на Арика

— Ты знаешь, что происходит с Мэтью?

— В прошлых играх Дурак иногда вёл себя так... когда кто-то должен был умереть. Тот, чьей смерти он не хотел.

Все взгляды приковались ко мне. Моя жизнь под угрозой? Или жизнь Селены?

— К тому же он, наверное, перегружен, — сказал Арик, — игра в самом разгаре. Его разум просто-напросто *переполнен*.

— Что это значит? — я убрала волосы Мэтью с его влажного лба.

— Обычно Арканы не проводят вместе так много времени. Наши позывные непрерывно режут в его голове, словно через громкоговоритель.

Коммутатор Арканов.

— Не говоря уже о том, что он видит будущее каждого из нас, обрабатывает и постоянно получает новую информацию.

Мэтью пытался сказать мне, что нуждается в отдыхе. Он знал, что всё это может повредить его разум?

— Безумие и поражение, — из его рта капала слюна, — схема игры. Круговорот, круговорот. Теперь мой ум помутился, собаки по пятам.

Джек обхватил его за плечи и усадил прямо.

— Соо-уôn, тебе нужно отдохнуть. *Prend-lé aisé. Comprends?* — Отключиться от всего. Понимаешь? — На, приложи к носу.

Он протянул Мэтью новый платок.

Парень сразу посмирнел.

— *Comprends.*

Я и раньше видела, как Джек его успокаивал, но совсем по-другому. Сейчас же Мэтью вел себя как солдат, выполняющий приказ офицера.

— Но Любовники? Как это возможно? — Джоуль не обращался ни к кому конкретно. — Я же сам сбросил в реку их останки!

У Смерти вырвался смешок.

— Чего, мать твою, ржешь?

— То, что вы уничтожили ту пару, ещё не значит, что они мертвы.

Теперь он привлек всеобщее внимание.

До каждого Аркана, видимо, дошло, что с ними разговаривает живой дышащий

двухтысячелетний источник информации. У них у всех были вопросы. У него могли быть ответы.

И Арик прекрасно это понимал.

— Оу, неужели я только что стал самым популярным человеком в палатке?

Хотя удивляться было нечему. Присущая ему манера *я-властен-надо-всем-вокруг* производила сильное впечатление.

У меня возникло ощущение, что он двигал фигуры на шахматной доске, а мы все были незадачливыми пешками.

— Пожалуйста, объясни, как могли они остаться в живых, если мы их уничтожили?

Я снова прижала платок Мэтью к носу. Кровотечение останавливалось?

— Неужели никто из вас не разглядывал внимательно их карту? — Арик поочередно окинул нас взглядом. — Как она изображает многогранных Gemini^[20]? Чем напоминает карту Дьявола?

Пустые взгляды.

— О, всё ясно. И с чего бы мне выдавать тайну их силы? В честь нашей нежной дружбы? — Смерть умел пользоваться своей осведомлённостью. — Любовники, вероятней всего, кого-то из вас уничтожат. Помогать вам в борьбе с ними было бы безрассудно.

— Ты согласишься, если я скажу, что мы не будем сражаться с тобой? — спросила его я.

Джоуль вскинулся:

— Говори за себя, Императрица.

И в тот же момент Джек произнес:

— Не рассчитывай на это.

Его рука потянулась к кобуре?

Не обращая на них никакого внимания, Арик обратился ко мне:

— Трудно игнорировать опыт двадцати предыдущих веков.

— Но именно оглядка на наше прошлое сыграла с тобой злую шутку.

Я уже говорила, что, если бы он с самого начала пришел в Хэйвен как друг, вместо того чтобы месяцами мучить меня, возможно, я бы полюбила его ещё до появления Джека.

— Пожалуй, некоторыми сведениями я и мог бы поделиться.

Когда-то Арик корил меня за коварную искорку в глазах; теперь же в его глазах я заметила расчётливый блеск.

Он повернулся к остальным.

— Я расскажу вам о Любовниках, но при одном условии. Я хочу, чтобы каждый Аркан поклялся никогда не вовлекать Императрицу в сражения. Вечное *соглашение*.

Защищает меня? Из всего, что Смерть мог потребовать...

Даже Джек, казалось, чуточку засомневался в своём намерении стрелять в Арика.

— Какая разительная перемена, Жнец, — отметил Джоуль, — несколько месяцев назад ты не позволил нам убить ее только потому, что собирался сделать это сам.

— Удивительный поворот событий, — признал Смерть с обычной своей прямоотой.

— Мой союз уже поклялся никогда не охотиться на нее, — сказал Джоуль.

— Это очень мило, но *охотиться* и не придётся. Игра сама столкнёт вас, и не раз.

— Я бы и так никогда не навредил блондиночке, — сказал Финн, отойдя от шока, — поэтому, вот моё слово.

— Я тоже обещаю, — отозвалась Тесс.

— Клятва. Жнецу? — Габриэль разрывался между преданностью Башне и желанием

узнать своего врага, — Джоуль, нам нужна эта информация для спасения Селены, — он повернулся к Арику, — я клянусь.

— Да ну на хер! — кожа Джоуля снова заискрилась. — Хорошо, я тоже клянусь, но только потому, что это и так входило в мои планы.

— Замечательно, — Арик выдержал драматическую паузу, — Любовники умеют клонировать себя.

— Боже мой.

На меня нахлынуло отчётливое воспоминание о пикнике с бабушкой. Мне было около семи лет. Мы расстелили под дубом покрывало. И пока она чистила орехи пекан, я вырезала из бумаги мальчика и девочку.

— Эви, что там у тебя?

— Близнецы, — гордо ответила я, — много.

Я развернула сложенную гармошкой бумагу и растянула ряд одинаковых мальчиков и девочек, держащихся за руки.

— Хорошо, — она взяла острый кусок скорлупы и порезала себе большой палец.

— Бабушка!

— Тсс, — прищурившись, она мазнула кровью самых первых мальчика и девочку, — им нужно смешать свою кровь, чтобы создать копии самих себя.

Я нахмурилась. Иногда бабушка говорила странные вещи.

— А если захочешь убить их всех? Что нужно сделать?

Закусив губу, я на мгновение задумалась. Затем сложила бумагу исходной парой вверх.

— Убить этих двоих?

В тёмных бабушкиных глазах промелькнул довольный блеск.

— Какая умница.

Она рассказывала мне об Арканах, даже не упоминая о картах! Сколько ещё скрытых уроков я позабыла?

*— Исходных близнецов называют «Первыми» или «сердцем», — сказал Арик, — их клоны составляют «плоть». И называют их *carnates* или воплощениями. Такую пару вы и уничтожили.*

Кусочки пазла встали на свои места.

— Клон Винсента сказал мне: «Что мы слышим, да будет услышано. Что мы видим, да будет увидено. Что мы познаем, да будет познано». Исходные близнецы видят и слышат через свои воплощения.

Как Ларк через своих животных.

Со всех сторон посыпались вопросы:

— А если устранить одну пару, смогут ли они сразу создать другую?

— Сколько времени занимает клонирование?

— Есть ли у них тайная армия клонов?

И Селену сейчас везут Первым на растерзание?

— Любовники создают клонов, смешивая свою кровь. В крови их сила. Как и у некоторых, — Арик кивнул на меня, — но они не обладают ускоренным заживлением. Поэтому количество воплощений ограничено.

— А как насчет остальных сил, о которых мы слышали? — спросила я. — Гипноз? Раскачивание рук, или нашептывание в уши жертве?

Продельывали ли они всё это с Джеком? Я бросила на него вопросительный взгляд. Он

резко отвернулся.

— Раскачивание рук? — спросил Финн, сдирая с костыля наклейку с котом, — Прямо арканская версия Чудо-Близнецов^[21].

Арик вздёрнул светлые брови.

— Первые обладают этими силами, воплощения — нет, — он повернулся ко мне, — в любом случае, ты невосприимчива к ним с тех пор, как избавилась от ментального контроля Жреца.

Только благодаря помощи Арика.

— Значит, я готова с ними встретиться.

Я доберусь до исходных близнецов и уничтожу их. Осталось только выяснить, где находятся эти долбаные Шахты Долор.

— Ты уже сражалась с Любовниками? — спросил Габриэль. — О каких злодеяниях они говорили?

Оглядевшись вокруг, я уже готова была признаться, как предала наш с ними союз в прошлой игре, но только раскрыла рот...

— В последней игре ей удалось застигнуть их врасплох, — быстро проговорил Арик, — и расправиться с ними.

Он, несомненно, знал, что я сделала на самом деле. Но взглядом призывал меня к молчанию. *Поднимите руку хоть кто-нибудь, кого я не предавала.*

— Увы, они извлекли уроки из прошлого. И теперь будут готовы противостоять силам Императрицы.

— А кто победил их до этого? — Габриэль перевёл взгляд с меня на Арика.

— Жрец, — сказал Арик, — он внушил воплощениям убить свои источники.

Чёрт. Я взглянула на его знак на моей руке.

— Этот вариант отпадает.

— До этого с Любовниками разделался Император, с помощью огненной бури испепелив их вместе со всеми копиями.

Арик сжал покрытую символами руку в кулак, выдавая скрытые эмоции. Какова была история Смерти с той картой?

— Возможно, Эви удастся привлечь этого чувака в наш альянс? — спросил Финн. — Император и Императрица. Звучит как пара.

Янтарные глаза Арика потемнели.

— Их называют так потому, что оба они правили воюющими империями, — я? Вот это да... — когда Император напал на Любовников, он не щадил попавших под руку смертных.

Значит Рихрер, действительно, такой беспощадный, как и говорила Жрица. Минуточку... Она же сказала мне, что символ Любовников «там, где и должен быть». Она знала, что мы не убили настоящих близнецов! Ну надо же, Цирцея. Спасибо за предупреждение.

— Устранить источник, — пробормотал Мэтью. — Луна садится. Луна восходит.

— Нельзя же отправлять к ним Джека с Императрицей одних, — сказал Габриэль, — но чем мы можем помочь? Что я могу сделать?

— Любовники правы, — сказала я, — я не позволю Селене расплачиваться за мои грехи. Можно взять с собой волка и спланировать внезапное нападение.

— Я пойду за Селеной, — прежде, чем я успела возразить, Джек рванул к выходу, задев плечом броню Арика.

Когда-то в школе он и с Брэндоном повёл себя точно так же. Всё потому что Джек не желал отступать, если кто-то стоял у него на пути.

Я вскочила на ноги и бросилась вслед за ним.

— Финн, присмотри за Мэтью.

— Будет сделано, блондиночка.

Мэтью смотрел мне вслед. По его окровавленному лицу катилась слеза.

— Джек, подожди!

Когда я его догнала, он уже схватил рюкзак, арбалет и ту загадочную камуфляжную сумку.

— Куда ты собрался?

— Прикончить близнецов, — он остановил проходящего мимо солдата, распорядился насчёт командования и направился в конюшню.

Мне приходилось бежать, чтобы поспевать за его широким шагом.

— Неужели ты думаешь, что справишься с ними в одиночку?

— Напекаешь на то, что я простой смертный? Миловничи проникли в мой форт, а я смогу проникнуть в их лагерь. У меня есть друзья в их рядах. Они помогут.

— Это слишком опасно! К тому же доктор сказал, что ты должен оправляться от травм, у тебя же сотрясение. Это должна сделать я. Я нужна им в первую очередь.

— Селена месяцами поддерживала меня. И прошлой ночью тоже. Думаешь, я брошу её на произвол судьбы? Я выезжаю, немедленно.

— Выезжаешь? Ты собираешься перебраться через реку и взять у них грузовик, да?

Он покачал головой.

— Северная АЮВ контролирует все расчищенные дороги, ведущие к шахтам Долор Там они и будут меня поджидать. Я поеду по пути работорговцев.

— А что это за путь?

— По нему черные шляпы ^[22] возят свой товар на продажу.

Войдя в конюшню, он направился к серому коню, на котором приехал, и повёл его седлать.

— А ты? Ты остаешься здесь.

Пропустив его слова мимо ушей, я вывела свою кобылу. Она смотрела на меня с недовольством. Хорошо бы дать ей больше отдыха, но даже полностью не восстановившись, она всё равно будет посильнее любой другой из здешних лошадей.

— Чёрт возьми, Эви, ты никуда не поедешь! Ты хоть понимаешь, как опасен этот путь? Сплошные непроходимые тропы, что тянутся через крутые овраги. Полные трудностей, ловушек и преград, пройти через которые можно только за определенную плату. Но даже если этого удастся избежать, придется проскользнуть между шахтами каннибалов и обойти колонии заражённых чумой. Повсюду Бэгмены. Угрозы на каждом шагу.

— Тогда зачем же ты туда едешь?

Джек обратил ко мне суровый взгляд серых глаз.

— Потому что этого они от меня не ждут.

— Ты не пойдешь один. Ты знаешь, что я могу постоять за себя.

— Ты только удержишь меня.

— Я езжу верхом не хуже остальных, — не считая Смерти; у меня округлились глаза, — Арик! Он может контролировать свой позывной (если он вообще у него есть). Его они точно не услышат!

— Как бы не так! Пусть я и не прострелил ему башку, но это еще не значит, что он ринется на помощь Селене. Он обрёл её на смерть. Забыла?

Джек был прав. Я присваивала Арику черты, ему не свойственные. С чего бы грозному

победителю трех игр рисковать собственной жизнью ради спасения другой карты, тем более из вражеского альянса?

Как по сигналу в конюшню вошёл Арик.

— Императрица, твои друзья восхитительны. Вопиюще невежественны в вопросах игры, но такими я бы и предпочёл видеть остальных Арканов.

Джек напрягся всем телом.

— Сейчас у меня нет на тебя времени, но ты получишь то, чего заслуживаешь. Клянусь.

— Я слушаю эти угрозы вот уже две тысячи лет, смертный, — Арик повернулся ко мне, сверкая глазами, — но до сих пор так и не получил, то чего заслуживаю...

Я смутилась и отвела взгляд.

Он оперся плечом о стойку кровли.

— *Я скучал по тебе всё это время.* —

Я так долго не слышала его в своей голове, что вздрогнула от неожиданности. Если Мэтью был коммутатором, то Смерть был королем радиоэфира, он всю жизнь учился мысленно общаться с Арканами.

— *Смертный едва может на тебя взглянуть. Вижу, ты уже рассказала ему, что побывала в моей постели.* —

Прикусив щеку, я ответила:

— *Такое общение напоминает мне о твоих телепатических угрозах. Когда ты говорил, что в течении недели я окажусь под твоим мечом.* —

— *Окажись ты такой же, как в прошлом, я бы выполнил обещание* —

Порой я поражалась его прямоте.

— *Зачем ты вообще пришёл? Ты так долго отсутствовал, я уже и не ожидала, что ты появишься.* —

— *Ты скучала за мной, а теперь обижена. Но знай, всё это время я искал то, что поможет мне тебя завоевать.* —

— *Снова принуждение?* —

— *Подарок. Поэтому я дал поблажку смертному и не стал его убивать. Потому, что ты и так уже моя.* —

Меня раздражала его самоуверенность.

— *Хорошо же ты заботишься о своей жене. Мало того, что отпустил одну в дорогу, так ещё и позволил встретиться лицом к лицу с близнецами! Хотя знал, как сильно они меня ненавидят* —

— *Я не сомневался, что с шестью Арканами одного из крупнейших альянсов вы справитесь с парой ничтожных воплощений. А чтобы защитить тебя в дороге, я поручил Ларк отправить с тобой волка.* —

— *И чтобы шпионить за мной. Циклоп ведь провел тебя по минному полю.* —

Вслух Арик сказал:

— Ларк передает привет, спрашивает, когда ты вернешься домой. Между прочим, ей уже лучше.

— Я бы и сама спросила, но мысли заняты другим. Кто знает, что сейчас происходит с Селеной?

Кто знает, что сейчас происходит в голове Джека?

— Ты решила пойти за ней? — спросил Арик.

— Естественно. Она моя подруга.

— И даже не попросишь помощи?

Я, не отвлекаясь, седлала кобылу.

— А смысл?

Он задумчиво произнёс:

— Возможно, я с тобой просчитался, — он даже сейчас всё просчитывал! — возможно, тобой будет двигать благодарность.

— И больше никаких *сделок*?

— Именно. Я недооценил глубину твоей привязанности, Императрица. Когда я валялся без сознания после твоего *поцелуя*, — ухмылка, адресованная Джеку, — ты приложила все усилия, чтобы защитить меня. Забаррикадировать дверь нашей спальни — это было так трогательно, так обнадеживающе. Доспехи, мечи, щиты — словно птичка, выющая гнездо.

Джек застыл на месте и с силой стиснул зубы, от чего его скулы резко заострились.

— Он дразнит тебя, Джек. Он будет продолжать это, пока тебе не захочется, — я повернулась к Арику, — задушить его лозами!

Невозмутимый Арик едва повёл бровью:

— Ну и?

Я старалась сохранить самообладание. Он ведь действительно был нам нужен. И если была хоть малейшая надежда, что он согласится...

— Ты поможешь нам?

— *На двух условиях. Пока всё не закончится, ты не примешь решения относительно своего будущего со мной, или со смертным. И будешь отвергать все его ухаживания.* —

— *Это уже граничит с принуждением, Арик.* —

— *Таковы мои требования.* —

— *Хорошо. Но у меня тоже есть условия. Ты не причинишь вреда Джеку, и не станешь намеренно подвергать его риску.* —

Арик склонился передо мной и вслух произнёс:

— Я клянусь тебе на своем мече. На моём знамени не просто так изображена роза.

Он обращался ко мне, как рыцарь к своей королеве.

Или к своей императрице.

Джек закончил седлать серого коня.

— Черта с два я с ним поеду.

— Замечательно, — сказал Смерть, — значит, ты езжай один, а её буду сопровождать я.

Я обратилась к Джеку:

— При данных обстоятельствах, чем нас больше, тем лучше. Особенно, если путь так опасен, как ты говоришь.

— Нет! Ему нельзя доверять. А в такой путь отправляться нужно с людьми, которым доверяешь.

Арик расправил плечи.

— Я дал ей слово, что не обижу тебя.

— Только. Попробуй. — процедил сквозь зубы Джек.

— Джек...

— Как же так, Эванджелин? Ты ведь сама вырастила лозы, когда он заявился, потому что допускала, что придётся защищаться.

Смерть возразил:

— От старых привычек трудно избавиться. Но в глубине души она знала, что я не

причину ей вреда, — он кивнул Джеку, — странно, что ты отвергаешь дополнительный меч для защиты Императрицы, женщины, которую ты, по твоему утверждению, любишь.

— Я никуда с тобой не поеду, Жнец. И Эви не поедет.

— Этим ты, по сути, выносишь Лучнице приговор. Постыдись. Ты ведь знаешь, как жестко играют Любовники. И физическое насилие — лишь малая часть того, на что они способны. По слухам. Неужели ты желаешь этого бедной Селене?

В конюшню ворвался Джоуль. Окинув Смерть испепеляющим взглядом, он сказал:

— Помимо пускания слюней, безумных взглядов и всего прочего, Мэтью сказал нечто вразумительное. Сказал, что, либо вы вместе уедете отсюда, либо к концу недели она умрет.

— Тогда у нас нет выбора, — сказала я Джеку и Арику, — вы двое отправляетесь со мной, чтобы *спасти* Селену.

Джоуль тихо произнес:

— Нет, девочка. Либо вы втроём уезжаете отсюда... либо *ты* умрешь.

Следуя за Джеком по минному полю, я рискнула оглянуться на форт.

Мэтью больше ничего не сказал о том, как я могу умереть к концу недели.

— Судьба отметила тебя, — шептал он, раскачиваясь на койке, — далеко от безопасности, Императрица. Судьба требует своё.

После этого заявления, Арик и Джек молча собрались в дорогу. Сейчас я ехала между ними.

Закономерно.

Я успела запасть повязками для Джека и по-быстрому извиниться перед Тэсс. И пообещала Габриэлю, что назад мы вернемся с Селеной. В пылу надежды, я даже прихватила ее лук на обратную дорогу. И чуть не задушила в объятиях безучастного Мэтью.

Финн поклялся, что позаботится о Мэтью, им в защиту мы оставили волка. Кто знал, сколько ещё предателей внедрилось в форт?

Джек считал, что добраться до шахт Долор можно за три дня. Семьдесят два часа отделяли нас от Селены. Дождутся ли близнецы полного исцеления её руки, прежде чем начнут пытки?

Воплощения успели зверски истерзать Джека даже за короткое время. Его взгляд никогда не был таким мрачным. Его изводили страшные тайны, которыми он не собирался ни с кем делиться. Что же они с ним сделали? Я задавалась этим вопросом снова и снова.

В голове всё перемешалось, мой мозг был перегружен произошедшими событиями. Ещё не так давно я совершила долбаное путешествие во времени.

Хотя, наверное, всё это было лишь крупницей того, что чувствовал Мэтью?

Приезд Арика внёс ещё больше смуты. Как только мы выехали за ворота, он мысленно сказал:

— Я хотел лишь одного — вернуть тебя домой, а на деле помогаю своему злейшему врагу спасти другую карту. В приятное же путешествие ты вовлекаешь меня, маленькая жена. —

Я оглянулась через плечо. Он не сводил с меня глаз.

Я отвернулась с твёрдым намерением его игнорировать. То, что у него не было злого умысла относительно меня, еще не значило, что я его простила.

К тому времени, как мы втроем преодолели минное поле и каменный лес, начался проливной дождь. Джек натянул капюшон своей куртки. Не оглядываясь на меня, он прищипнул лошадь, задавая быстрый темп движения.

Следуя за ним, я думала о том, с чем мы столкнемся в дороге. Когда мы встретимся с близнецами?

И как я собираюсь удержать Арика и Джека от убийства друг друга?

Джек был моим парнем... наверное. Если он не отказался от меня из-за моей привязанности к Смерти, и, если я научусь ему доверять.

Арик был моим смертоносным «мужем» — мастером манипулирования, единственным, кто имел туза в рукаве.

У меня Джека и Арика одна цель.

Что могло пойти не так?

Первая трудность нашего путешествия по пути работорговцев являла собой ужасающую головоломку.

Во-первых, узкая грунтовая дорога была завалена раздувшимися трупами. Во-вторых, причиной их смерти было утопление. В-третьих, поблизости не было ни рек, ни озер.

После нескольких часов тряски в седле, мы остановились перед этим наслоением тел. Дождь сменился моросью, температура постоянно понижалась. Аномально густой постапокалиптический туман окутывал нас, искажая окружающие звуки и скрывая дорогу.

— Что здесь произошло?

Наверное, я просто была рада любой возможности передохнуть. Мигрень усиливалась с каждой милей, и я уже не чувствовала ни рук, ни ног.

— Плотина не устояла, — сказал Джек, даже не взглянув в мою сторону, — трупы растащило по оврагу на многие мили.

Жертвами в основном были мужчины постарше. Очевидно, сумев уберечься от работорговцев и чумы, они погибли от того, что не могли предвидеть, с чем не могли бороться.

Весь род человеческий мог просто исчезнуть.

Арик поднял забрало, открыв своё прекрасное лицо.

— Я уже видел такое. Катастрофические последствия прорыва плотины. Во время засухи она пошла трещинами, а теперь начались непрерывные дожди. Некому было следить за растениями, чистить водостоки.

— Значит, подобное будет случаться, — новая постапокалиптическая реальность, — но почему тела лежат именно так?

Они словно образовывали ступеньку нескольких футов в высоту и сотню футов в длину, заполняя овраг от края до края.

— Похоже, они покрывают большую часть этого отрезка пути, — Арик провёл рукой по холке Танатоса, — думаю, трупы неделями лежали здесь, увязнув в иле, пока дожди не начали его размывать. Но они скреплены грязью, и мы вполне могли бы проехать.

Жуть.

— Нам придётся ехать прямо по ним?

Я не видела обходного пути.

Он кивнул.

— И это сложнее, чем может показаться. Трупы могут неожиданно смещаться. Их кожа разлагающаяся и скользкая. Иногда за мертвецов цепляются их вещи, оружие. Так что следуй за мной, Танатос проложит путь.

У его массивного боевого жеребца были мощные копыта. Это будет *занятно*. И под «занятно» я подразумевала «*отвратительно*».

Джек был недоволен, несомненно он хотел, чтобы я осталась в форте. Однажды он сказал, что постоянно наблюдает за мной, следит за моим состоянием, так как сама я никогда не жалуюсь. Но Арик правильно подметил. Сейчас Джек едва мог смотреть в мою сторону.

Зато взгляд Арика я ловила на себе постоянно. Наблюдая за мной, он так же поглядывал и на Джека.

Когда нам пришлось замедлить ход на размытом горном перевале, Джек не выдержал:

— Какого чёрта ты на меня уставился?

— Что-то в тебе не так.

— И это говорит мне Мрачный Жнец?

Между этими двумя возникало еще несколько словесных перепалок, но в основном они старались держать себя в руках.

Джек прищипил коня и пустил его быстрым шагом прямо по трупам. Из-под копыт, дробящих скелеты, взметались склизкие останки. Ломались кости.

Хруст, брызги, хруст.

— Просто следуй за мной, Императрица, — Арик двинулся вперед. Своим весом Танатос утрамбовывал тела, проламывая копытами ребра и черепа.

Хруст, брызги, Хруст.

Одно дело ехать по трупам машиной, но это...

Оглядевшись по сторонам, я погнала свою кобылу по мерзкому месиву вслед за Танатосом. Пора бы уже дать имя этой бедной лошади, честное слово. Словно высказывая своё «фе», она высоко поднимала копыта на каждом шагу.

Вдруг Смерть схватился за рукоять меча. Танатос встревожено хлестнул хвостом.

— Что там? — окликнула я его. — Услышал что-то?

Помимо звуков нашего передвижения?

Джек натянул поводья и развернулся. *Хруст, брызги, Хруст.*

— Почему ты остановился, Жнец?

— Я чувствую угрозу.

— Откуда? — Джек сосредоточенно оглядывался, держа наготове арбалет.

— Даже со сверхчувствами, я не могу точно определить, — Смерть окинул местность хладнокровным взглядом, — сомневаюсь, что при таком тумане это вообще возможно.

— Наверно, это просто Бэгмены, — Джек закинул арбалет обратно за плечо, — черт, может быть, там и нет ничего, а ты намеренно нас задерживаешь.

— Скатертью дорога, тебя никто не держит.

— Откуда мне знать, что ты не заодно с Любовниками? Остальные Арканы объединились против них, ты же явился днём позже.

Джек рванул вперед.

Арик поравнялся с ним. *Хруст, брызги, Хруст.* Эти отвратительные звуки, казалось, ещё больше накаляли обстановку.

— А, может, я просто проявляю бдительность, ведя Императрицу по трупам в непроглядный туман. Разве боевое чутьё ничего тебе не подсказывает?

— У нас мало времени.

— Вот как. Значит, ради спасения девушки, которая тебе нравится теперь, ты готов подвергнуть риску ту, которая нравилась тебе раньше. Может, у тебя в запасе и есть другая женщина, но свою единственную я намерен уберечь.

— Решил настроить нас друг против друга? Не выйдет.

— Ради спасения своей драгоценной Лучницы ты ведешь Императрицу всех Арканов по опасному пути прямо к Любовникам, несмотря на то, что судьба отметила ее. Но это тебя не останавливает.

— Потому что соо-уôn сказал нам ехать вместе. И как раз ради спасения Эви!

— Но Дурак не сказал, что мы должны действовать неосмотрительно. Он не сказал, что

нужно пожертвовать одной женщиной ради другой. Для меня Императрица важнее всего. Как и Лучница для тебя.

Хруст, брызги, Хруст.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

Я проворчала:

— Да подождите вы, ребята. Я за вами не успеваю.

Еще и полпути не пройдено. Стоп... Тела подо мной зашевелились?

Нет, нет. Конечно, нет.

Арик не унимался:

— Вы с Селеной жили под одной крышей, делились куском хлеба, решали общие задачи, вместе радовались успехам. Король и королева Форты Арканов, охотник и его охотница.

— И этим бредом ты месяцами пичкал Эванджелин? Задурил ей голову, заставив усомниться во мне?

Преодолев нагромождение тел, он остановился.

— Я говорил правду, — подчеркнул Арик и тоже остановился. Они вдвоём повернулись, ожидая меня.

— Значит, ты почти год мысленно её мучил, затем похитил. Потом, готов поспорить, снова мучил.

Последние несколько месяцев притупили воспоминания о том, каким болезненным было моё похищение. Я стиснула руками поводья. По крайней мере собиралась — сейчас они закоченели. Да, я обошлась с Ариком ужасно. Но ведь то была другая я. А значит, и мучений этих я не заслужила.

Джек перевел взгляд с Арика на меня и обратно.

— И после всего этого ты забиваешь ей голову своей *правдой*? — он снова задержал взгляд на мне, сдвинув брови, будто что-то осознал, — теперь я понял. То, чего раньше понять никак не мог.

Мне показалось, что на его лице промелькнула *жалость*... а затем боль и гнев.

— Посвяти и нас, смертный.

Не обращая на него внимания, Джек повернулся ко мне:

— Я поищу место для привала, bébé. Мы не будем так спешить. Продержись ещё немного.

Что? Джек полностью пересмотрел свою позицию? Не будь я такой измученной и замёрзшей, хорошенько бы над этим задумалась.

Тела сдвинулись. И теперь мне точно не показалось.

— Ой, подо мной что-то зашевелилось, — крикнула я, — и кажется в этом месте... не знаю, как сказать... слой толще.

Словно я стояла на *груде* тел.

— Ты, видимо, стоишь на каком-то забитом водоотводном канале, — сказал Арик, — куда и затягивает трупы. Продолжай движение, Императрица.

— Хорошо. Поняла.

Груда подо мной начала вздыматься, поднимая меня и мою лошадь.

— Что происходит?

Толчки стали ещё сильнее. Кобыла, испугавшись, встала на дыбы; руки, ноги — всё онемело... я не смогла удержаться!

Я вывалилась из седла и приземлилась на спину. Прямо на гниющие трупы. Боже мой. Боже мой.

Кобыла ускакала, оставив меня среди останков разлагающихся мертвецов. *Не будет тебе никакого имени!*

Настил из тел продолжал дрожать, как надувной замок.

— Я знаю, откуда исходит угроза, — крикнул Арик, — Императрица, она под тобой.

— *Что?*

Вдруг откуда-то потянулась рука и ухватила меня за волосы.

Рядом с моими ногами показались две головы Бэгменов.

— Бэгмены! — закричала я.

На что Арик преспокойно ответил:

— Используй свои силы.

Я же ещё не восстановилась! Ухватившись за волосы, связанные в хвост, я попыталась выдернуть их из державшей руки. Но хватка оказалась слишком сильной.

— Может уже найдутся желающие мне помочь?

— Что ты на хрен творишь, Жнец?

Арик выехал перед Джеком, преграждая ему путь.

— Когда ей понадобится помощь, я первым за нее вступлюсь.

Двое Бэгменов, отталкиваясь руками, пытались протиснуться на поверхность. Мне в горло впился взгляд мутных белесых глаз. По пояс вытащив покрытые слизью тела, они копошились, словно черви в гнилом яблоке.

Сколько времени им понадобится, чтобы выбраться полностью?

В этот самый миг небо прорвало, и как из ведра хлынул дождь. Смаргивая капли и отплёвываясь, я закричала:

— Вы что издеваетесь?

Застрявшие Бэгмены резко рванули на меня, но их затыгивало назад. Следующий выпад освободил их по бедра, расширяя пределы досягаемости, в то время как очередной толчок груди швырнул меня прямо на них.

Один из них ухватился за мой ботинок!

— Твои силы, — крикнул Арик.

— Я не могу... вырастить ничего среди трупов! — я пыталась высвободиться из хватки тварей. — А яд на Бэгменов... не действует!

Но мои когти были остры, как бритвы.

Я потянулась назад и отсекала кончики собранных в хвост волос. В зажатой руке в качестве трофея остался лишь мой локон.

Когда я обрела свободу движений, то нацелилась когтями в горло Бэгмену, ухватившемуся за мой ботинок. Лязгнув зубами, он чуть не откусил мне пальцы.

— Черт!

— Давай же, *sievā*, сейчас *не* время для когтей.

— Ах ты гад!

— Лучше используй лозы.

Вдруг в череп одному из Бэгменов вонзилась стрела. Затем другому. Оба тут же рухнули вниз. Видимо, из-за спины Смерти выстрелил Джек!

С трудом поднявшись на ноги, я поспешила покинуть вздрагивающую грудку — гнойник, который вот-вот прорвёт.

Арик наконец уступил дорогу Джеку, пропуская его ко мне.

— Шевели задницей, *bébé*!

Он протянул мне руку, а когда я за неё ухватилась, затащил меня в седло и пришпорил лошадь.

На ухо тихо мне шепнул:

— Ну и парня ты себе нашла, просто золото.

Когда мы оказались вне опасности, Арик окинул меня разочарованным взглядом. Как же мне осточертело, что парни так на меня смотрят!

Он повернулся к Джеку:

— Ты воспринимаешь её, как обычную девушку, я же на себе ощутил её силу. Я видел, как от её гнева содрогалась земля, уничтожались народы. Я вижу в ней богиню, каковой она и является, — затем он обратился ко мне, — пойду разберусь с переполохом, который ты учинила.

— К-каким переполохом?

И тут гнойник прорвало.

Бэгмены с рёвом выбирались на поверхность, отбрасывая с пути части тел. Учуяв живую кровь, они повернулись к нам и зарычали, мутные глаза не моргали даже под дождем.

Отпустив поводья, Смерть выхватил оба меча и бросился в самую гущу.

Хотя мне приходилось наблюдать за его напряженными тренировками, но холодная смертоносность в действии поразила даже меня. Он двигался так быстро, что я почти не видела взмахов мечей.

Только последствия. Летящие с плеч головы, заваливающиеся друг на друга тела, разлетающиеся вокруг внутренности и обломки костей. Тех, что не успели выбраться полностью, затапывал Танатос. Схватка длилась считанные минуты.

Когда Смерть вернулся, такой великолепный в омытой дождем броне, он поднял забрало и покосился на Джека. Напряжение между ними нарастало.

— Гордишься, что спас ее, да? А теперь представь, как она гордится собой каждый раз, когда побеждает своих врагов... *самостоятельно*.

— *За мной, как тень*, Эви, — прошептал Джек, приближаясь к возможному месту привала. Пришедший на смену дождю туман зловещей дымкой окутал небольшой кирпичный домик.

Джек был настороже и держал арбалет перед собой — там могло оказаться логово работорговцев.

Но после трёхчасового скитания от одного сожжённого здания к другому, я готова была даже столкнуться с работорговцами, лишь бы больше никуда не ехать. Недавний ливень промочил меня до нитки, и теперь стук моих зубов был слышен на всю округу. Во всяком случае, дождь, как в автомойке, смыл с меня вонь Бэгменов и запекшуюся кровь трупов.

Джек предложил мне ехать с ним, но я отказалась. Я сомневалась, что Смерти это понравится. К тому же поведение Джека сбивало меня с толку. Почему его отношение ко мне менялось со скоростью бумеранга?

По ступенькам мы поднялись на крыльцо, Арик шёл последним.

— Я удивлен, что ты согласился на остановку, смертный. Несмотря на спешку и всё такое. Если бы Императрица ехала со мной, мы могли бы продолжить путь к Селене.

— Даже если на секунду представить, что я позволю Эви ехать с тобой на этом, с позволения сказать, коне, — сказал Джек, — мы въезжаем на опасные земли чёрных шляп, поэтому лошадей нельзя переутомлять.

Мы гнали их весь день. Но не сказала бы, что Танатосу особо требовался отдых... Он бы ещё и штангу выжал на три блина по восемьдесят и кирпичом шутки ради закусил.

— Здесь недавно кто-то был, — Арик вытянул один из мечей, — с чего ты взял, что они не вернуться.

— Колеи от колес ведут от дома. И колеи глубокие. Фургон был забит пленниками,

которых работорговцы повезли на север, чтобы продать их серьезным черным шляпам, о которых я говорил, — Джек несомненно ориентировался в этих местах, — они отправились сразу после дождя. А если они вернутся, мы их уьём. Или Жнец испугался смертных работорговцев?

— На своем веку я повидал работорговцев в разных проявлениях, но никогда их не боялся.

Джек подёргал ручку. Заперто. Тогда он вышиб дверь, и мы переступили порог в прихожую. Внутри стояла жуткая вонь, будто забыли вынести мусор (да и мусоровоз сюда больше никогда и не приедет). Почти вся мебель была изрублена, вероятно, на дрова. К стене в ряд были привинчены кандалы. Точно, логово.

— Грёбанные работорговцы, — вскипел Джек, — хуже Бэгменов.

Я уставилась на эти кандалы.

— При нехватке воды рабы копали скважины. Чем они занимаются сейчас?

— Команды собирателей, — Джек осторожно проверил кладовую, — в мире ещё есть запасы продовольствия, если знать, где искать: бункеры для выживания, правительственные убежища, выброшенные на берег грузовые суда, зернохранилища, товарные вагоны. Но иногда боссы просто обменивают рабов на другие товары.

Мы вошли в гостиную, где запах был уже получше. Здесь был камин, стоял пластиковый стол и пара садовых стульев.

С язвительным блеском в глазах Джек повернулся к Арику:

— Наверное, Эви тебя следовало бы расспрашивать о работорговцах, учитывая то, что ты ее похитил. Ведь это почти то же самое, верно? Вот интересно, как ты ее удерживал? Заковал в наручники? Шестнадцатилетнюю девочку?

Вместо того, чтобы что-либо отрицать, или попытаться смягчить обвинение, Арик сказал:

— Именно так, — снова его поразительная честность, — а когда она, отрезав себе большой палец, освободилась от оков, то призвала свою зеленую армию и чуть не уничтожила всех нас.

От одного только воспоминания о том дне, меня бросило в дрожь.

— Может, просто помолчим?

— Пойдём, Эви, — таская меня за руку, Джек проверил две удалённые спальни и ванную, где мы и остановились, — почему бы тебе не переодеться? — спросил он, настраивая запасной фонарик, — я поищу сухие дрова и разведу огонь. А ты оставайся здесь, можешь не торопиться.

Видно было, что он не хотел оставлять меня с Ариком наедине.

Сухие дрова? А они вообще существовали?

— Могу помочь.

— Нет, я сам.

Я почувствовала себя виноватой.

— Ты ведь травмирован.

— К травмам мне не привыкать, bébé.

Ухажеры матери слишком рано познакомили его со своими кулаками.

Когда он помог мне снять рюкзак и плащ, я спросила:

— Почему ты стал ко мне так хорошо относиться?

Он повернулся к выходу, но в пороге задержался.

— Теперь я вижу всё намного яснее.

Чего я не могла сказать о себе.

Когда он вышел, я схватилась за полку, пытаюсь справиться с приступом головокружения. Выдержу ли я такой темп дальше? В голове пульсировала боль, руки и ноги дрожали. Я взглянула в зеркало. С бледного лица на меня смотрели несоразмерно большие глаза.

В отражении я увидела скребок для душевой кабины и почувствовала скорбь по его предыдущим владельцам.

Но слезами горю не поможешь. Возможно, мне тоже недолго осталось. Всё может стать гораздо хуже. Я могу умереть, как и они. А так, пусть мокрая и продрогшая, но я была жива и свободна. Без наручников на запястьях, без укусов Бэгменов на теле.

Я сняла и развесила одежду, затем расстегнула рюкзак. Внутри лежал небольшой спальный мешок, энергетические батончики, фляга, бинты для Джека и сменная одежда. Её я и достала.

По дому раздался стук. Что же там делал Джек?

Закончив переодеваться, я услышала, как он вернулся в гостиную.

— Значит, ты на две тысячи лет старше её? — спросил он Арика. — Совращение малолетних — вот как это называется. Она ещё подросток, а ты, *fils de putain*^[23].

— Я был *младше* её, когда мы поженились, — заметил Арик, — и я не могу изменить то, что так долго прожил. И потом, с учётом всех перевоплощений, она сама прожила на свете больше столетия. Она помнит игры, в которых была старше, взрослой женщиной.

— Сейчас она незамужняя девушка по имени Эви Грин. Она училась в старшей школе Стерлинга, росла среди плантаций сахарного тростника, как и я. Может вы и поженились, но до самого главного так и не дошли, — он мог быть таким же язвительным, как и Арик, — в отличие от нас с Эви.

Удар ниже пояса, Джек.

— И ты поплатишься за это. В своё время.

— Теперь я знаю, почему в ту ночь ты так пытался нас остановить. Потому что это касалось тебя лично? Всю жизнь мне твердили, что я обманываю смерть. В конце концов это оказалось правдой.

— Восторжествует не тот, кто первым лег с ней в постель, — процедил Арик, — а тот, кто там останется.

— Думаешь, это будешь ты? Да ты совсем из ума выжил на старости лет.

Взаимная вражда, порожденная жестким соперничеством, разгоралась все сильнее. И что мне теперь со всем этим делать?

Задумавшись, я повернулась к двери и чуть не оставила свой рюкзак. С Ариком я так привыкла к безопасности, что забыла первое правило выживания в пути. Джек так старался научить меня. А я считала это просто грубостью.

Теперь я поняла, почему он сердился, если я была голодна. Никогда не забуду то видение о нём, маленьком мальчике, пытающемся вырваться из плена отчаяния...

Когда я вернулась в гостиную, огонь уже горел. Сообразительный Джек отодрал от стен деревянную обшивку.

С рюкзаком в ногах он чистил у камина свой арбалет, рядом сохла куртка.

Арик со шлемом в руке расхаживал вдоль ряда забрызганных грязью окон, вглядываясь в темноту. Сегодня даже в доспехах он двигался бесшумно. Лишь время от времени позвякивал

шпорами, переступая порог; и снова тишина. Наверное, старался сдерживать шаг.

— Иметь ручного смертного — это так практично, Императрица. Он как твой верный оруженосец.

Не поддаваясь на провокацию, Джек спросил меня:

— Ты что-нибудь ела?

Я села возле огня, уронив свой рюкзак.

— Нет еще.

Я протянула руки к теплу.

Отогрев пальцы, я вытянула флягу и свой ужин, состоящий из питательных энергетических батончиков. Эти батончики обеспечивали меня калориями на целый день, но на вкус были просто отвратительны. Понимая, что мне нужны силы, чтобы держаться наравне с этими двумя, я развернула обертку.

Джек полой рубашки полировал кассету подачи стрел на своем арбалете.

— Дальше путь становится ещё опаснее. Я принес для тебя бронежилет, — такой же, как носил он сам, — я хочу, чтобы ты надела его в дорогу.

Я могла утонуть в этом жилете.

Смерть ухмыльнулся:

— Да её не убьет даже сотня пуль в самое сердце.

— Даже не сомневаюсь, что ты отлично осведомлен о том, что может её убить. В прошлых жизнях ты делал это много раз.

— Не сказал бы, что так уж *много*. Ровно столько, сколько она сама пыталась убить меня.

Арик последний раз прошёлся вдоль окон и сел у стены рядом с дверью, устроив руку на согнутом колене.

— И как же ты убил девушку, умеющую исцеляться, а? Обезглавил? — *если кто-то убивал тебя больше одного раза...* — Или сделал с ней то же, что и с теми Бэгменами? Как-то не заладилась ваша супружеская жизнь.

Арик сжал кулаки, металлические шипы на рукавицах заскрежетали. Я даже не сомневалась, что прямо сейчас он хотел заехать этими шипами Джеку в лицо.

— Не то что у вас с Лучницей. Мир и согласие, — он повернулся ко мне, — я бы посоветовал тебе расспросить смертного, в каких отношениях они были последние три месяца, но ведь он всё равно солжёт.

Слова Арика затронули самое болезненное место наших с Джеком отношений: доверие. Несмотря на заверения Джека, я снова задалась вопросом, было ли что-то у них с Селеной. Ведь она так его хотела...

На вкус батончик был как картон. Я запикивала его через силу. Если Джек обманул меня, я никогда ему этого не прощу.

— Снова мутишь воду, Жнец? Я хочу только Эви. И так будет всегда.

Я посмотрела на него вопросительным взглядом. За каких-то несколько часов мы перешли от «*я даже взглянуть на тебя не могу*» к этому. С чего вдруг такие перемены?

— До Императрицы у тебя было много женщин, — Арик достал из мешочка на перевязи точильный камень, — у тебя они и после нее будут.

Он вытащил один из мечей.

Джек стиснул зубы.

— Я уже нашёл ту, с которой хочу быть. Она моя. И точка. Я буду защищать её даже

ценой своей жизни.

Арик провёл камнем вдоль лезвия.

Вжишишик.

— Как и я.

— Как тогда с Бэгменами? Я и сам, как мог, пытался научить Эви выживанию, но это было уже слишком.

Вжишишик.

— Арканы — сверхлюди. Так неужели наше обучение должно приравняться к человеческому? Или быть *человечным*? Бэгмены, унесённые водой, пролежали среди утопленников многие недели, а может и месяцы. Они решили выбраться именно сегодня, потому что наконец обрели *стимул*. В глубине своей жаждущей крови сущности они нашли на это силы. В каждом сражении Императрица должна делать не меньше.

— Для этого ей нужно как минимум быть живой.

— А ничего, что я здесь? — крикнула я. — Я... здесь. Если хотите помахать кулаками, найдите другую причину.

Я завернула остаток батончика и вместе с флягой убрала в рюкзак. Ужин официально завершился.

Арик вскинул брови.

— Кроме тебя у меня нет причин враждовать со смертным. Да, он неотёсанный алкоголик, коверкающий английский язык, но едва ли за это я стал бы его убивать.

— О моём убийстве ты только трепаться горазд. Давай выйдем и посмотрим на что ты способен.

Моё терпение лопнуло.

— Прекратите это немедленно... оба! Сосредоточитесь на деле. Мы собрались здесь, чтобы спасти кое-кого.

После минутного замешательства Джек вернулся к своему арбалету, а Арик — к своему мечу.

Я спросила Арика:

— Ты мог бы связаться с Селеной так, чтобы Любовники не услышали?

— Конечно.

— Скажи, что мы идём за ней. И выведай любые полезные сведения.

— С чего ты взяла, что она ответит Смерти? — *Вжишишик.* — Но ради тебя я попробую... кажется, я ни в чем не могу тебе отказать.

Он замер без движения, уставившись в даль:

— Она игнорирует меня, пропускает мои слова мимо ушей. Трюк не из легких. Кто-то хорошенько её обучил.

Обширная подготовка Лучницы. Я перевела взгляд с Арика на Джека и спросила:

— Каков наш план?

— Вот и мне интересно, — Арик повернулся к Джеку, — как далеко ты готов зайти, рискуя Императрицей?

— Если бы не предсказание соо-уôn, она осталась бы в форте.

Я покачала головой.

— Я обязана помочь, Джек. Любовники хотят отомстить мне. В прошлой игре я вступила с ними в союз, а затем предала. Ужасающим образом. Они ведут хроники и всё помнят.

— Почему ты мне об этом не говорила?

— Я и сама не знала, пока они не рассказали.

Он кивнул на Арика.

— Но он-то знал, готов поспорить. Неужели за три месяца он так и не нашёл времени предупредить тебя о паре психопатов-убийц, жаждущих твоей крови?

Я задавалась тем же вопросом.

Вжииииик.

— После того, как она заслужила моё доверие, мы провели вместе лишь жалких пару часов... из-за твоего *дурацкого* похищения. Не в обиду Дураку.

Я потеряла виски.

— Пожалуйста, давайте просто обсудим план.

Джек бросил на Арика последний злостный взгляд, затем переключил внимание на меня.

— Завтра в дороге я встречу с группой мятежников из Северной АЮВ. Исходя из своего опыта, попытаюсь понять, можно ли им доверять. В худшем случае, они наведут нас на Селену. В лучшем — помогут внезапно напасть на близнецов и генерала. Я убью этих троих, освобожу Селену и захвачу командование.

Арик поднял меч.

— Значит наш «план» зависит от того, сможет ли смертный определить благонадежность своих сообщников?

— У тебя есть идея получше, Жнец? Я весь во внимании.

— Ты уверен, что исходные близнецы и Лучница будут в Долоре?

— Ouais. Пока не получу другие сведения. Это единственный ориентир, который мы имеем.

Я спросила:

— Если что-то пойдет не так, Любовники отыграются на Селене? Если они узнают, что со мной ещё один Аркан?

— Императрица, они *уже* пытаются ее.

Я вздрогнула и Джек, наверное, тоже. Без сомнения, он заново пережил собственные мучения — тяжёлое испытание, о котором он так мне и не рассказал.

— Они убьют ее?

Арик покачал головой.

— Пока нет. Она — самое ценное, что у них есть. Заметь, сколько усилий они приложили, чтобы её схватить. Если бы они просто хотели её убить, то сделали бы это уже давно.

Смерть тоже приложил немало усилий чтобы пленить меня... и удержать. Приготовил для меня номер «люкс» в замке, защищенном от апокалипсиса. Я понимала, что Арик веками копил силы на то, чтобы подготовиться и пережить конец света.

Но как вышло так... что преимущество оказалось на стороне Миловничи?

— Как генерал собрал армию?

— Он владел частной охранной фирмой в Вирджинии, — сказал Джек, — и руководил военизированным подразделением, охраняющим больших шишек и тому подобное. Во время Вспышки Миловничи с наёмниками, видимо, где-то отсиделись. Потом его люди один за другим захватили небольшие вооружённые отряды на юго-востоке. Его армия росла, как снежный ком.

Кровавый смертоносный снежный ком...

Вдруг и Джек и Арик насторожились. Снаружи тихо заржал Танатос.

— Что там? — спросила я.

Арик поднялся со смертельным изяществом.

— Я постою на часах.

Джек тоже вскочил на ноги.

— Если там что-то есть, я готов сражаться.

— В день, когда мне понадобится твоя помощь... — Арик смолк, — мне никогда не понадобится твоя помощь, смертный.

Мне он сказал:

— Приляг, отдохни немного. Ты можешь спать спокойно, sievā.

— Что значит это слово? — спросил Джек

Арик не без удовольствия ответил:

— Sievā означает *жена*.

Когда Арик вышел, я уставилась на дверь. Я не могла поверить, что он оставил меня с Джеком наедине, была там угроза, или нет.

Я решила, что он меня проверяет, проверяет, сдержу ли я обещание.

— Ты так смотришь ему вслед, — сказал Джек, привлекая моё внимание, на лице его боролись гнев и растерянность, — беспокоишься о нём?

Арик по-прежнему был мне небезразличен.

— Да.

Я беспокоилась... о нём и Джеке. О Селене и Мэтью.

— Потому что считаешь, что он нам нужен? Или потому что у тебя есть к нему чувства?

— И то и другое.

Да, у меня были к нему чувства, и чувства эти выходили за рамки обычного беспокойства.

Я просила Джека и Арика сосредоточиться на деле. Кто бы говорил. Сама только и делала, что сравнивала их между собой.

Страстность и напористость Джека против внутренней энергии Смерти и нашей с ним связи, как Арканов. Боже, помоги, я могу представить себя и с тем и с другим. Или... ни с одним из них? Каждый причинил мне боль. Красная ведьма шептала: *«Они оба не стоят даже пыли под твоими ногами.»*

Хотелось бы мне получить сейчас дельный совет. Чёрт, как же мне не хватало Мэл — моей лучшей подруги. Она, пожалуй, сказала бы держать при себе обоих, сказала бы, что мужчин, как сумочек, много не бывает.

Джек отложил арбалет и принялся расхаживать перед камином. В свете огня его глаза казались особенно яркими. Волосы цвета воронова крыла отражали отблески пламени.

— Смерть мучил тебя, как только мог, но ты всё равно к нему равнодушна, — он достал флягу, — а я лишь раз утаил правду, и ты до сих пор не можешь сказать, будем ли мы вместе.

— Поставь себя на его место. Я заверила его в беззаветной любви, а потом попыталась убить. И не раз, а целых два.

— Ты ничего ему не сделала, нет. Это была другая Императрица из далёкого прошлого. Слышала о Стокгольмском синдроме? Это он и есть.

Я раскрыла рот от удивления.

— Так вот почему ты тогда посмотрел на меня с жалостью! Поэтому твоё отношение изменилось? Ты перестал злиться на то, что я с ним сблизилась, потому что переложил всю вину на него.

Джек остановился и повернулся ко мне.

— Двухтысячелетний мужчина похитил податливую девочку и подавил ее волю.

Его послушать, то я, как Персефона, дочь Деметры, которую Аид насильно уволок в своё подземное царство. Но Джеку невдомёк: в этом отношении я похожа скорее на грозную Деметру, чем на податливую Персефону.

— Я уже не маленькая девочка. Я прожила больше сотни лет; и чувствую опыт предыдущих жизней. Но даже если бы не это, год жизни после апокалипсиса приравнивается к десяти. После Вспышки на мои плечи легла забота о маме, я планировала нападения,

участвовала в них, убивала. Мне пришлось быстро повзростеть.

Он сделал глоток из фляги.

— Почему ты сразу не рассказала, что произошло между тобой и Смертью?

Вот чёрт. Если рассказать Джеку всё в подробностях, он сразу же схватится за пистолет. И хотя на Арике непробиваемая броня...

— Не хочу об этом говорить.

— Он заморочил тебе голову, — настаивал Джек, — поэтому ты думаешь, что имеешь к нему чувства. Другого объяснения этому быть не может.

— Ты действительно считаешь, что мне так легко промыть мозги?

Джек поймал мой взгляд.

— Эви, с тобой такое уже было, — в ПШР, — к тому же я видел рисунки со Смертью в твоём альбоме еще до Вспышки. Ты изображала его чудовищем. *Un scélérat*, — злодеем.

— Арик много чего мне причинил. Но он так же и помогал мне. В пещере Жреца я чуть не съела... человечину. Уже поднесла к губам. Тогда я была бы обречена, как и его последователи с пеленой на глазах, которые до смерти будут охотиться за мной. Арик изо всех сил отвлекал Гатри, пока на него не подействовал яд. И ещё он спас меня от Огена и не дал мне утонуть.

— Если бы не этот ублюдок, ничего этого с тобой вообще бы не произошло. Он должен умереть. От моей руки.

— Ты меня не слышишь! Каждый раз, когда ты говоришь о его убийстве, на самом деле это звучит как «мне лучше знать».

— Когда мы снова будем вместе, ты поймешь.

— Ты так уверен, что мы будем вместе?

Его лицо приняло решительное выражение.

— Конечно! Я же говорил, что вместе мы преодолеем всё, и до сих пор так считаю.

— Мне казалось, так было раньше.

— Раньше? Да я единственный здесь постоянный человек. Я! Я не изменил тебе, не связался с другой, даже когда представилась такая возможность.

— С Селеной?

Неужели всё так и было? Или Джек заговорил об этом из сожаления, что не воспользовался возможностью?

— Какая разница с кем? Смерть может сколько угодно бросаться намеками, только между нами ничего не было.

Мне хотелось верить каждому его слову, хотелось, чтобы сомнения развеялись. Но я не могла.

— Я всё равно считаю, что нельзя тебе ввязываться в игры Арканов.

— Дело уже не только в тебе и остальных картах. Любовники управляют самым большим воинским формированием на юге. А возможно и во всём мире.

Вспышка сама по себе может и была данью карте Солнце, но выгоду из нее извлекли другие.

— На кону стоит намного больше, чем просто исход игры, — он подошел ко мне, — ставки выше, чем когда-либо. Мы все под угрозой, — наши взгляды встретились, — *bébé*, ты можешь отвергнуть меня по другой причине, но только не потому, что ты Аркан.

— Например, потому, что не могу тебе доверять?

Он присел на колени и прижался лбом к моему лбу, опустив на плечи тёплые ладони.

— Я заслужу твое доверие. Просто дай мне время. Эванджелин, то, что между нами было, — его глаза стали насыщенно серыми, — *ça vaut la peine*, — за это стоит побороться.

Джек не обладал изысканными манерами, местами был грубоват. Полон ярких порывов и стремлений, перекликающихся с моими собственными. Мой измученный жизнью кайджан. Он принялся поглаживать мне плечи, руки.

Он уже готов был меня поцеловать. И хотя я тоже этого хотела, но отстранилась.

— Это не самая удачная мысль.

Джек заглянул мне в глаза:

— Боишься, что Смерть вернется и набросится на меня?

Да!

— Мы могли бы просто поговорить, или я иду спать. Выбирай сам.

С явной неохотой он меня отпустил:

— Поговорить о чём?

— Эмм, что ещё произошло в твоей жизни?

Очень оригинально.

— Кое-что важное, — он присел рядом со мной у камина, — *Соо-уôn* дал понять, что я должен отправиться домой, что там я сделаю что-то хорошее. Как только мы вернем Селену и убьём Любовников, то вместе уедем в Луизиану.

— *Луизиана*, — это слово всколыхнуло во мне бурю эмоций.

— Если военные захотят, чтобы я их возглавил, то при первой же возможности, им придётся отправиться на юг. Я, как и обещал, отстрою для тебя Хэйвен. Почему бы не заселить территорию вокруг фермы и не создать новую Акадиану? Это место могло бы стать убежищем для выживших.

Как же я хотела домой!

— Ты правда думаешь, что это возможно?

Во мне горела потребность вернуться.

— *Maïs* да, мы сделаем это. Неужели ты до сих пор не поняла? Вместе мы сможем всё.

— Даже закончить игру? — мое оживление сошло на нет, — Джек, я должна найти бабушку.

Хотя я сомневалась, что бабушка поддержит мои стремления (скорее, напротив будет подталкивать меня играть), она была моей последней живой родственницей.

— Ты должна понимать, что она могла умереть.

— Я в это не верю, — *я чувствовала*, что она жива... несмотря ни на что, — и я пообещала маме, что найду её.

— Тогда давай договоримся. Когда всё это закончится, если ты решишь, что мы вытерпим несколько месяцев без укрытия, я отправлюсь с тобой. Мы даже возьмем с собой отряд военных.

В какой-то мере, согласившись на это, я словно давала обещание. Я снова посмотрела на дверь. Арик был снаружи один. Я вдруг вспомнила, как однажды, вглядываясь во тьму, он пробормотал: «Меня нарекли Ариком, что значит *правитель, вечно одинокий*.»

— Давай поговорим об этом позже, — попросила я.

Поколебавшись, он сказал:

— С этим мы ещё разберемся, *реекôn*. А сейчас у меня для тебя кое-что есть, — он вытащил из рюкзака апельсин, оставшийся от моего последнего урожая, — Тэсс дала мне его на удачу. Я хочу, чтобы мы разделили его.

— Как Спрайт, который однажды ты дал мне.

Он улыбнулся так умопомрачительно, так сексуально, даже несмотря на синяки на лице.

— Ouais. Уже и не помню, когда в последний раз ел свежие фрукты.

Он начал очищать его от кожуры.

— Тогда возьми себе весь.

— Нет, merci. Я пропустил твой день рождения. Считай это запоздалой вечеринкой.

Он протянул мне половинку сочного фрукта.

Его беззаботность волшебным образом меня успокаивала.

— Твой я тоже пропустила?

Я подозревала, что да.

Он пожал плечами, надкусывая фрукт.

— Господь всемогущий, женщина, да ты великий повар. На пустом месте состряпать такой апельсин.

Я только бровью повела.

— Это ты еще не пробовал мой ананас.

Мы сидели у огня друг напротив друга и ели апельсин, как будто и не разлучались, словно никогда друг в друге не сомневались.

— Расскажи, о чём ты думаешь? — он выбросил кожуру и вытер руки о джинсы, — поговори со мной.

— Почему ты никогда не показывал мне фотографии в сумке?

— Ты рылась в моём рюкзаке? Думаю, я это заслужил? — после утвердительного кивка, он продолжил. — А ты видела там книгу, которую мне подарила? А телефон с твоими фотографиями? Я его взглядом чуть до дыр не затёр, всё не мог на тебя насмотреться.

— Ответь на вопрос.

— Я и сам хочу посмотреть эти фотографии, но не могу, — он отвёл взгляд, — боюсь, что не справлюсь с эмоциями.

— Моя мама однажды сказала, что иногда просто необходимо позлиться или погрустить. Иногда просто необходимо себе это позволить.

Поднялся ветер, по окнам забарабанил дождь. Куда подевался Арик? Последние три месяца во время штормов, мы с ним сидели у огня и вместе читали.

— Значит, давай их посмотрим, — сказал Джек, вероятно, чтобы отвлечь меня от мыслей о Смерти. Он повернулся спиной к очагу.

Напомнив себе, что Арик мог за себя постоять, я подседа к Джеку.

Он протянул мне флягу.

— Эх, к чёрту всё. Может завтра я вообще умру. Я и так была в полном замешательстве и решила, что хуже все равно не будет. Я взяла из его рук виски и сделала глоток. Огонь. Дыхание перехватило.

Он вытащил из рюкзака конверт и развернул его. На первой фотографии его мать сидела в компании других женщин за карточным столом.

— Ma mère, Hélène. В зале для игры в бурэ, — азартную карточную игру, популярную среди кайджанов, — за несколько лет до того, как все изменилось в худшую сторону.

— Она была очень красивой, Джек, — с такими скулами и серыми глазами цвета штормового неба она запросто могла бы стать моделью.

— Ouais. Pauvre défunte Maman. — Это означало *бедная покойная мама*, но кайджаны

использовали эту фразу также в отношении *дорогих людей*, или *святых*.

— Она пережила Вспышку? Ты никогда не рассказывал мне.

Я почувствовала, как он возле меня напрягся.

— Это одна из тех тайн, которые уйдут со мной в могилу.

Я хотела было надавить на него, но сдержалась. Сегодня он признался, что был на волоске. А потом после многочасовой тряски в седле и перепалки со Смертью, вынужден был спасать меня от Бэгменов. Я буду терпеливой.

На следующей фотографии он был запечатлён вместе с Клотиль, лучшим другом Лайонелом, и ещё двумя ребятами из Бейсена, с которыми ходил в нашу школу. Они были на каком-то концерте, на лицах — улыбки, в глазах — радостное возбуждение.

— Той ночью мы здорово набрались.

Я знала, что такое отрываться с лучшими друзьями: чувство единства, шутки, понятные только «своим», непринужденное веселье. Я снова взглянула на дверь. Испытывал ли подобное Арик? Он ведь должен был иметь друзей до того, как проявилось его Смертельное Прикосновение. Но спустя столь долгое время помнил ли он что такое дружба?

Сдавленным голосом Джек произнёс:

— Я скучаю по ним, особенно по Клотиль.

Я положила руку ему на плечо.

— Мэтью показал мне день, когда вы впервые встретились.

Плечо Джека напряглось под моей ладонью:

— Тебе не стоило этого видеть.

— Это только укрепило мои чувства к тебе.

Он расслабился.

— Тогда смотри все, что хочешь, *reekôn*. Теперь мне легче со всем этим справляться.

— Почему?

— До Вспышки моя жизнь мало зависела от меня самого. А теперь, даже несмотря на неизвестность и опасности, я управляю собой и своей судьбой больше, чем когда-либо.

— Действительно?

— Мои проблемы касаются только меня, и их решение — моя забота.

С такого близкого расстояния можно было разглядеть темно-серые пятнышки на радужках его глаз.

— Это зрелая позиция, Джек.

Он не был больше мальчишкой.

— Жизнь научила меня.

— Я думаю, что многие недооценивали тебя. Но то время прошло. Я знаю, что никогда больше не буду так в тебе ошибаться.

Уголки его губ изогнулись. Я млела от одной только такой улыбки... и он об этом знал.

— *Ммм*, ты пахнешь жимолостью?

Сообразительный Джек давно понял, что мой запах зависит от настроения. Роза? Значит, я готова напасть. Сладкая олива свидетельствовала о волнении. А жимолость, безусловно, была признаком возбуждения.

На следующем фото он с друзьями купался в ручье, все были загоревшими и улыбающимися.

Так мы и сидели, предаваясь воспоминаниям, потягивая виски. И на какое-то время я смогла забыть все беды, причинённые Вспышкой. На какое-то время я почувствовала себя

счастливой.

Он показал мне фотографию пейзажа, окружающего ручей.

— Фотоаппарат дернулся, и в кадр никто не попал. Раньше я хотел её выбросить, но теперь... просто посмотри на эти деревья, Эви. На эту кристально-чистую воду, — он протянул мне флягу, — я верю, мы снова увидим всё это.

— Правда веришь?

Я тоже была настроена на окончание игры, но эта бесконечная ночь угнетала меня. Неужели солнце больше никогда не поднимется? Может в других уголках мира ситуация лучше? Скажем, на экваторе?

— Ouais, — он сложил фотографии обратно в конверт, — твоя mère твердила мне, что ты особенная. Твоя grand-mère твердила тебе, что ты спасешь мир. И я в тебя верю. Ты сделаешь это.

— А главное, никто на меня не давит... — сказала я, расслабленно улыбаясь.

— Начнем с малого, fille. У меня есть некоторые envies, — желания.

Я сделала глоток.

— И чего же ты желаешь?

Он послал мне хищную улыбку.

— Cerises, — вишен.

Мы ели их перед первым поцелуем.

— А ещё? — когда его хищная улыбка стала слишком красноречивой, я добавила. — Из еды? Contiens-toi, — держи себя в руках.

Он поднял руки вверх в знак капитуляции.

— Je cesse. Pour le moment, — держу, пока что, — я изголодался по жаренной бамии^[24] и отварной кукурузе. А ты?

— По кукурузным оладьям и картофельному пюре.

— Я как-то пробовал готовить кукурузные оладьи на старой плите в нашей хижине. Однажды я обязательно приготовлю их для тебя, — он откинул голову назад, устремив вверх мечтательный взгляд, — а помнишь, какими теплыми бывали южные ветра? Они несли запах моря, далеких стран. Я так ненавидел место, где жил, что готов был податься куда угодно. Теперь же молю Бога о том, чтобы вернуться в Бейсен.

Раньше я удивлялась, почему мы с Джеком никогда не разговаривали. А теперь поняла, что на разговоры у нас просто не было *времени*. Мы постоянно были в бегах, спасали свои жизни. Направить разговор в нужное русло было нетрудно: дом, по которому мы оба так сильно скучали.

Когда я передавала ему флягу, наши пальцы соприкоснулись.

— Я сделаю всё, чтобы снова увидеть поля сахарного тростника под голубым небом. Услышать шелест листвы, от которого трепетало моё сердце.

— В один прекрасный день мы будем стоять на крыльце Хэйвена, любясь бескрайними зелеными полями, плавать в родниках и обретём наконец гармонию, — он закрутил и спрятал флягу, — когда я смотрю в твои глаза...

— Что?

— В мире почти не осталось ничего голубого. Ни неба, ни воды. Когда я смотрю в твои глаза, я вижу наше будущее. Я чувствую его, — он вытянул из кармана джинсов мою коралловую ленту.

— Она до сих пор у тебя!

— Она всегда со мной. Mon porte-bonheur, — мой талисман, — напоминание о том, что мы будем вместе.

Его непоколебимая уверенность почти передалась и мне. Почти. *Я мечтала о тебе, Джек, и хотела бы снова доверять тебе. Но есть ещё один человек, который затронул мою душу.*

— Я дам тебе её на время, — он спрятал ленту мне в карман, — отдашь, когда будешь уверена, что никакой другой мужчина, кроме меня, не может быть с тобой.

Прикосновения Джека обжигали огнём. Когда его пальцы медленно скользнули по моим джинсам, я почувствовала знакомую искорку, грозящую перерасти в адское пламя. У меня перехватило дыхание; в его глазах светилось желание.

Он поднял меня за бедра и усадил на себя верхом.

— Джек! — я уперлась руками в его плечи.

Не отрывая взгляда от моих губ, он прикусил свою, словно побуждая меня сделать то же самое.

— Сейчас я бы многое отдал, чтобы тебя почувствовать.

Это было так *естественно*. Быть с ним. Согреваться нашим теплом. Предвкушать, как мы соприкоснёмся губами, займемся любовью. Мои глифы вспыхнули, и их сияние отразилось в его глазах.

Обхватив мои бедра руками, он прижал меня к вершине своей твёрдости, и я с наслаждением выдохнула:

— Да.

Закрыв глаза, он заставлял наши тела медленно двигаться, разжигая огонь в нас обоих.

— A moi, Evangeline, — его голос дрожал от сдерживаемого желания, — ты моя. А я твой. Однажды ты сама это поймешь.

Он переместил руки мне на задницу, и даже через ткань джинсов я чувствовала жар его ладоней.

Когда он сжал пальцы, я приподняла бедра, и из его груди вырвался низкий стон. С губ его срывались судорожные вздохи. Я тяжело дышала, теряя над собой контроль. Наше взаимное притяжение было обжигающим. Взрывоопасным. Если он хотел меня хоть вполтину так, как хотела его я...

Но мне было его все мало. Я хотела чувствовать на себе его руки, эти прикосновения пламени. Ещё немного и я перешла бы черту, после которой нет возврата... потому что это пламя поглотило бы меня.

Джек, должно быть, ощутил мои сомнения.

— Но я не буду тебя торопить, — он дрожал, снимая меня с коленей, — у нас ещё будет время.

Он опустил меня на место и, приобняв за плечи, прижал к себе.

— Иди сюда.

Я не могла ему сопротивляться, как загипнотизированная слушала биение его сердца.

— Я расскажу тебе о дне, который мы когда-то провели у протоки. В мире, где не было Вспышки. День, который должен был у нас быть. Наше первое свидание.

Затаив дыхание, я сказала:

— И чем мы занимались на этом свидании?

— Мы отправились с самого утра... — он заговорил шёпотом, перейдя на французский, — ...потому что я хотел провести с тобой как можно больше времени. Мы

взяли с собой еду, пиво и радио. И поплыли на пироге к кипарисам, растущим прямо из воды. Кроны деревьев отражались в водной глади. Когда мы подплывали слишком близко, стихали потревоженные цикады, — он коснулся губами моих волос, — мы решили, что это будет *наше* место. И больше ничьё. Потому что именно там мы решили быть вместе: Эви и Джек.

Я прижалась сильнее, позволив себе раствориться в урчащем французском акценте.

— Ты была в красном купальнике, и, глядя на тебя, я восхищенно вздыхал. Ах, ах, АХ. Эванджелин, ты сводила меня с ума, — помню, я была в таком купальнике на некоторых фото в телефоне Брэндона, и, видимо, Джеку он понравился, — а когда воздух наполнился ароматом жимолости, я очутился на седьмом небе.

Он описал еду, что мы ели, знойные ритмы блюза, нежные дуновения южного бриза, который больше не манил его, ведь он уже находился там, где должен был.

Он затрагивал все мои чувства, и вдруг я ощутила в волосах тёплый ветерок и начала покачиваться в такт музыке. Меня охватила приятная расслабленность, веки отяжелели.

Когда я начала засыпать, он прошептал:

— *Bébé*, я тебя дождусь. Потому что в конце концов мы будем вместе: Эви и Джек.

Сквозь сон, я пережила ещё одно из его воспоминаний.

Джек стоял перед зеркалом в уборной, готовясь предстать перед судом за нанесение телесных повреждений человеку, который избивал его мать. Он выглядел таким юным — лет шестнадцати, не больше. Гладкая загорелая кожа, глаза цвета штормового неба. Он затянул галстук, потом немного его ослабил, словно испытывая неудобство.

От сегодняшнего дня так много зависит, мои нервы сдают. Я хватаюсь за край раковины и на удивление не чувствую боли в руках. На покрытых шрамами пальцах нет свежих ран. Клотиль как-то умудрилась удержать меня от драк до судебного заседания. Со мной пришли только она и Лайонел. Мама... плохо себя чувствует.

В уборную, пошатываясь, входит назначенный судом адвокат с осоловелыми глазами. Судя по всему, он пьёт не просыхая. Сам он из Стерлинга, и во время нашей единственной встречи ясно дал понять, что презирает «отбросы общества» из Бейсена.

— А, это ты, — невнятно бормочет он, направляясь к писсуару.

Ради Матап и Клотиль я стараюсь держаться вежливо.

— Как наши дела, родна?

Он резко оборачивается через плечо, словно боится получить нож в спину. Но это движение в пьяном состоянии...

О, Боже, моя жизнь находится в руках человека, который только что помочился на собственные туфли.

И даже не заметил.

Застегнув ширинку, он поворачивается ко мне.

— Тебе повезло, — он говорит еле внятно, — есть новая правительственная программа для особо агрессивных преступников. И ты хорошо для неё подходишь.

Особо агрессивных? Я ведь предупреждал того fils de putain, который избивал Матап. Я сказал ему, чтобы он не смел больше к ней прикасаться. Но в следующий раз, когда я его увидел, он тягал ее по полу за волосы.

— Некоторые называют ее Клеткой Ярости, потому что заключённые там до сих пор отделяют друг друга до полусмерти, просто чтобы находить новые способы избиения.

Как же я хочу прямо сейчас показать ему способы, которые уже знаю.

— Только не надо делать мне грёбанных одолжений.

Он косится на меня налитыми кровью глазами.

— Как твой адвокат, я должен для тебя кое-что прояснить. Таких, как ты, я вижу постоянно и с лёгкостью могу определить, кого в будущем ждёт пожизненное заключение. В старости, глядя сквозь прутья решетки, ты вспомнишь этот разговор. И поймёшь, что я был прав. Если тебя к тому времени не прирежут.

Он, покачиваясь, выходит за дверь.

Я впечатываю кулак в зеркало, и каждый шрам на моей руке опять начинает кровоточить.

Окровавленные осколки отражают боль в глазах Джека.

Потому что на какую-то секунду он ему поверил.

ДЕНЬ 375 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

Мы слышали их задолго до того, как смогли разглядеть сквозь завесу морозящего дождя. Несколько часов мы с Джеком и Ариком мчали во весь опор, и приостановились только из-за того, что увидели колонию заражённых чумой, о которой предупреждал Джек.

Долина перед нами кишела сотнями умирающих мужчин. Кровь текла у них из глаз, носов и ртов. Болезнь так скрутила их тела, вывернув суставы, что казалось, будто все их кости переломаны.

Их крики сливались в один сплошной гул, громкий, как на заполненном болельщиками стадионе. Джеку пришлось повысить голос:

— Костоломная лихорадка. Её называют так из-за того, что она делает с людьми... и из-за невыносимой боли.

— Их так много.

Я была потрясена увиденным. Мысли о Джеке выбили меня из колеи на весь день, но это...

— Колония разрослась. Раньше она занимала лишь окраину, — теперь беспорядочно разбросанные ряды палаток растянулись на всю долину, — говорят, это место будет расширяться как лишай, пока людей переживших Вспышку не останется совсем.

Мертвецов просто сваливали кучами вдоль границ. Они отличались от трупов, мимо которых мы недавно проехали... точнее по которым мы проехали. Тела были до того искорежены чумой, что лежали бесформенными грудями.

— Как это передаётся?

— *Par le sang*, — через кровь, — возможно по воздуху тоже. Я планировал, что мы обогнем колонию... а не проедем через неё.

— Этих мужчин просто бросили здесь умирать? — я не видела ни женщин, ни детей, — о них даже позаботиться некому?

Арик поднял забрало.

— Болезнь очень заразна, — только не для Смерти, — с началом кровотечения они обречены на мучительную гибель. Ни лекарства, ни выживших. Полагаю, боль эта сравнима разве что с мучениями от твоего яда.

— Или от Прикосновения Смерти?

Сегодня мы с Ариком едва перекинулись парой слов. Я смутно припоминала, что, когда он вернулся, я спросонья подняла голову с плеча Джека. Он заглянул мне в глаза и удовлетворённо кивнул. — *Ты сдержала обещание.* —

— Именно так, Императрица.

— Если болезнь так распространяется, то как ее остановить?

Она ведь может достигнуть и Форта Арканов? Джек открыл было рот, чтобы ответить потом будто задумался и сказал:

— С этим разберемся позже. Не всё сразу, non?

— Как нам объехать эту долину?

— Никак, иначе мы не доберёмся в Долор вовремя. Нужно будет вернуться на добрый десяток миль к последнему горному перевалу. Работорговцы, должно быть, уже разведали

окольный путь, возможно, через шахты. Но я о нём не знаю.

Среди всех смертельных опасностей этого нового мира костоломная лихорадка была в числе самых страшных.

— Давайте не будем рисковать, лучше вернуться и обойти.

Джек достал из рюкзака кусок ткани и подставил его под дождь, чтобы намочить.

— Вот, я буду дышать через платок. Вдоль западного края идёт тропа, — он указал на узкий проход между самым дальним рядом палаток и стремительным потоком, — по ней можно пересечь долину всего за несколько минут.

— Мы сможем пройти там только по одному, — заметил Арик.

Я повернулась к нему.

— Но Джек поедет за тобой. По-другому я не согласна.

Кажется, его это позабавило.

— Я должен прокладывать путь для твоего оруженосца?

— Ты ведь не можешь заразиться, правильно? Как и я, — наверное, — поэтому сначала пойдёшь ты, потом Джек, а за ним я. Это будет наиболее разумно.

Арик высокомерно кивнул.

— Ну в таком случае, конечно. Запомни мою доброту.

— Эви, ни в коем случае не останавливайся, — сказал Джек, — сейчас *не* время проявлять милосердие.

— Полностью согласен, — Арик опустил забрало, — мы уже близко к Любовникам. Ты должна беречь силы.

— Поэтому *не* делай этого, — добавил Джек.

— Я и с первого раза прекрасно поняла.

Арик пришпорил коня и начал спуск. Джек натянул поводья и пристроился прямо за ним, постоянно оглядываясь, чтобы убедиться, что я рядом.

Крик в долине стоял просто громогласный. Мы галопом мчались по тропе, только грязь летела из-под копыт. Минуты тянулись мучительно долго.

Почти перебрались!

Достигнув низа долины, Джек и Арик начали подниматься по склону. Следом, на небольшом расстоянии ехала я... Вдруг дорогу моей лошади перегородил один из мужчин.

Не сдержав крика, я сильно рванула узду. Кобыла взмахнула головой и резко затормозила, упершись ногами. Ещё немного и я бы на него наскочила.

Глядя на меня кровотокащими глазами, он надрывался в истошном вопле, словно хотел что-то сказать. Со всех сторон надвигалось всё больше больных. Прямо передо мной одного из них вырвало кровью в стремительный водный поток. Раздув ноздри и широко раскрыв глаза, моя кобыла обошла его стороной.

Словно наблюдая крушение поезда в замедленной съёмке, я смотрела на кровавый след, сливающийся с потоком. Его уносило течением. Чума словно почувствовала новых жертв вниз по реке.

Сколько же ещё людей могут погибнуть из-за этого?

Больные тянули ко мне вывернутые руки, в немой мольбе раскрыв ладони и растопырив неестественно искривлённые пальцы... словно ветви деревьев.

Они не собирались нападать, просто смотрели умоляющим взглядом, корчились в судорогах и голосили. Они хотели, чтобы я окончила их страдания.

Смогу ли я? Смогу ли я сдержать распространение заразы? Глифы пришли в движение,

словно мои силы только и ждали цели подобной этой.

Из глаз хлынули слезы, я наконец поняла. *Сила — твое бремя.* Вот что имел в виду Мэтью.

Эти люди могут еще долго умирать в муках, а могут умереть прямо сейчас. Их дни в любом случае сочтены. Я могла бы усыпить их навеки, как когда-то Теда.

Подарить им мирную смерть.

Ветер дул в нужную мне сторону.

Джек и Арик поднялись на вершину склона. Они оба просили меня не делать этого, единодушно решив, что это плохая идея.

— Ну же, Эви, поторопись! — крикнул Джек.

Какая-то часть моей души хотела согласиться с ними. Не раскачивать лодку. Соответствовать их ожиданиям.

Затем я вспомнила, что Императрица всех Арканов носила корону не без причины. Красная ведьма шептала: *«Деметра в жесткости своей лишает, в щедрости одаривает. ОДАРИ».*

Тогда я подстегнула кобылу, прорываясь сквозь толпу. Решив, что я не могу... или не хочу... им помогать, они истошно взревели. Некоторые пытались догнать меня ползком. Их вопли стали оглушительными.

Я сняла перчатку и закатила рукав, обнажая золотистые символы. В последний раз из своих глифов я создавала споры, чтобы только усыпить солдат. Теперь я наполнила их смертельным ядом. Заливаясь слезами, я раскрыла ладонь и повернулась назад.

Я подула на руку.

Словно послала воздушный поцелуй.

Я отвернулась, когда глаза мужчин, находящихся ко мне ближе всего, закрылись. Глядя прямо перед собой и беззвучно рыдая, я ехала дальше. А позади взрывной волной разлетался мой яд.

Крики стихали, и я слышала лишь глухие звуки падения тел. Местами одинокие выкрики. Последние стоны.

И тишина. За собой я оставляла след из тел. *Сила — моё бремя.*

Итяжесть его сравнима с тяжестью короны со звездами.

Когда я вышла на вершину, Джек нахмурил брови. Арик искоса смотрел на меня сверкающими глазами. Но мне было всё равно, пусть сердятся.

Джек удивил меня словами:

— Теперь, когда дело сделано, я даже рад. Ты прижгла рану и спасла неисчислимо большее количество людей.

Я натянула перчатку обратно:

— А теперь слово предоставляется Арику...

— Как сказал смертный, дело сделано, Императрица, ты многих избавила от ужасной участи, — в его голосе звучала гордость, — порой и жнецу бывают рады.

Джек скептически посмотрел на него, словно не мог сопоставить этого человека с безжалостным убийцей, которым привык его считать.

Арик выдержал его взгляд.

— Никогда не отрицай силу Смерти.

День 376 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

— Не нравится мне здесь, — сказал Джек. Он держался впереди с арбалетом наготове. Вёл нас изрытой колеями дорогой по очередному узкому ущелью. Арик ехал рядом со мной.

После вчерашнего перехода через колонию заражённых чумой ни с одним из них я толком не разговаривала. На ночь мы приютились на заброшенной заправке, и я отключилась, как только нашла к чему прислонить голову. Несмотря даже на то, что нас окружали шахты каннибалов.

Теперь мы втроем осматривались на местности. По крайней мере пытались. С каждой милей нескончаемого пути туман сгущался всё больше, так что нам пришлось замедлить темп. Хотя Джек опережал нас всего на десяток футов, я все равно едва могла его различить.

— Ну, ладно, Жнец, ты что-нибудь чувствуешь?

Дождавшись нас, Джек пристроился по другую сторону от меня. Арик вскинул голову и прислушался.

— За поворотом опасность.

— Предлагаешь развернуться?

— Когда ты увидишь меня в настоящем бою, то перестанешь задавать такие вопросы.

Соперничество между ними становилось все более ожесточенным!

— Я сказал, что чувствую опасность, а не вооружённое до зубов войско, — добавил Арик, опуская забрало, — но если *ты* боишься...

— За себя волнуйся.

Когда мы повернули, я начала вглядываться во тьму. Впереди неясно вырисовывались очертания чего-то огромного. Это опрокинутый бензовоз?

Яркий свет прожекторов пронзил пелену тумана, ослепляя меня. Когда глаза приспособились, я увидела стоящий посреди дороги автобус с обшитыми металлом боками и красной надписью ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ во всю длину. На его крыше была закреплена самодельная турель — подвижная оружейная установка. Кто-то взял половину спутниковой тарелки и вырезал часть, чтобы приспособить поистине тяжёлое орудие.

Не это ли Селена назвала пятидесятым калибром? Если этой штуке под силу отхватить часть скалы, то от нас вообще может мокрого места не остаться.

— Заградительный пост чёрных шляп, — проворчал Джек, — грёбаные работорговцы.

Наверху устроилось три человека: один сидел за турельной установкой, ещё двое выглядывали из-за щитка из рифленой стали. Турельщика я не видела, но те двое были между собой очень похожи: веснушчатые лица, длинные рыжие волосы, торчащие из-под шапок. Братья, наверное.

Автобус не перекрывал всё ущелье, поэтому работорговцы в несколько рядов натянули колючую проволоку высотой мне по плечо. Как дополнительное укрепление.

— Эй, все держим руки на виду! — крикнул Турельщик, поворачивая оружие. — Здесь у нас пропускной пункт. Делайте, чего говорят, если жить хочется.

Я подняла руки вверх и хмуро глянула на Джека. Когда он успел подъехать так близко к автобусу?

Арик тоже поднял руки.

— Мы не хотим неприятностей.

Казалось, он изо всех сил сдерживал смех.

Всё внимание работорговцев было приковано именно к нему — чудаку с ног до головы закованному в броню.

— Где откопал такой костюмчик? — спросил Турельщик. — Музей ограбил?

Он высунулся из-за спутниковой тарелки, чтобы присмотреться получше, и я увидела его длинную бороду и кустистые брови.

Арик громко и отчётливо начал объяснять.

— Бог смерти послал мне видение, которым направил в крипту — могильный склеп, — он тянул время чтобы Джек... сделал что? — там на теле прославленного воина я и обнаружил эти доспехи, на столетия опережающие свою эпоху, уже напитанные смертью. В самый раз для такого, как я.

Турельщик с сотоварищами переглянулись.

— Еще один ненормальный. А конь твой больной, что ли?

Кажется, пришло время *призвать* красную ведьму. Заметят ли они, если я порежу до крови поднятые ладони? Но выращивать лозы слишком долго...

Один из прожекторов светил прямо на меня, да так ярко, что я аж чувствовала исходящее от него тепло.

— Эй ты, парень позади! Сними капюшон.

Я прикрыла ладонью глаза.

— *Что там происходит Арик?* —

Что делал Джек, я не видела, только его силуэт.

— *Твой смертный собирается напасть. Отвлеки их как-нибудь.* —

Под их пристальными взглядами я начала медленно стягивать капюшон.

Турельщик присвистнул.

— Держите меня семеро! Девчонка! Я уже застолбил!

— Еще и *молоденькая*, — сказал один из рыжих, — хорошо, что ночка длинная.

Свяжись с домом.

Второй потянулся за рацией?

В следующую секунду Джек уже стоял в седле с арбалетом в руках.

— Какого чёрта? — Турельщик начал наводить на него оружие, но оно не могло повернуться так далеко.

Джек запрыгнул на автобус, носком ботинка став на металлическую обшивку, свободной рукой ухватился за поручень и выбрался на крышу.

— Джек, нет!

Их было слишком много!

Метнув свой меч, Смерть проткнул одного из братьев, в другого выстрелил из арбалета Джек.

Рыжие один за другим повалились на землю, но ещё до этого прогремел выстрел.

Почему Джек пошатнулся? Он зажал рукой грудь!

Подстрелили.

— *НЕТ!*

— У смертного есть свои доспехи, Императрица, — сказал Арик.

Когда Джек выпрямился и рванул вперёд, из моей груди вырвался вздох облегчения. Бронежилет.

Но это не значит, что я не убью его за такую беспечность. Лишь один из нас мог умереть от пули — и это он!

Он из-за башни нацелил арбалет на парня, взмахом подзывая его ближе. Когда Джек махнул вниз, мужчина послушно опустился на колени.

— Сколько человек в доме?

— Мы не собирались причинять вам вред, сынок. Мы бы ничего ей не сделали.

— Сколько? Или я буду убивать тебя очень медленно.

— Отпустишь, если скажу?

— Посмотрим. Четыре. Три. Два. Один...

— Босс и ещё четырнадцать человек.

— Оружие?

— Вооружены до зубов. Вот на *них* и наезжайте. Это они развлеклись бы с вашей девчонкой, — сказал мужик, который меня уже «застолбил».

— Есть женщины на продажу?

Турельщик улыбнулся. Небось, решил, что получил шанс на спасение. Он понятия не имел, что сам копал себе могилу. Стоило только признаться в жестоком обращении с женщинами.

— Сейчас нет, сынок, но на подходе новая партия, малолетки, — сверкнув хитрым взглядом, он пригладил бородку, — самые сладенькие киски, из всех, что ты когда-либо видел. Вышколенные и всё такое. Черт, да я мог бы подогнать тебе девку бесплатно...

Джек выстрелил мужчине между глаз.

— Гребанные работорговцы, *ненавижу*.

Он начал собирать свои стрелы.

Через несколько секунд заорала рация: «Эй, придурки, я только что слышал выстрелы. Сколько можно повторять — не тратьте патроны на приبلудных Бэгменов. Вы что дебилы там все поголовно?»

Джек посмотрел вперед. На дом работорговцев? Набитый пятнадцатью вооруженными мужчинами?

— Джек... что ты делаешь?

Он уже спрыгнул с другой стороны автобуса.

— Твой смертный штурмует логово работорговцев. — В голосе Арика звучало удивление, смешанное с одобрением. — И я самовольно присоединяюсь к его налёту —

С азартом он погнал коня на колючую проволоку... и даже не подумал притормозить.

Танатос промчался сквозь неё, как бульдозер, снося собственной броней. Устранив преграду, Арик рванул вслед за Джеком. Я пустилась за ними.

Босс работорговцев жил в просторном двухэтажном доме, освещенном, как до Вспышки. В стороне гудели прожорливые топливные генераторы. Его бизнес, должно быть, процветал.

Арик пронёсся мимо Джека к передней двери. Джек выругался по-французски и, спешившись, бросился ему вдогонку.

Арик на ходу плавно соскочил с коня и, не останавливаясь, со сверхъестественной скоростью взбежал по крутым ступенькам крыльца. Он *постучал*, будто зашел поприветствовать новых соседей, и поднял руки вверх, показывая, что пришел с миром.

Они, конечно же, не побоятся открыть странному парню в доспехах... ещё и безоружному.

В дверях показался угрожающего вида работорговец... и тут же нацелил в грудь Арика пистолет.

Смерть заговорил. Не знаю, что он там сказал, но работорговец сразу же спустил курок. Пуля срикошетила и угодила ему прямо в лицо.

Джек удивлённо заморгал и завернул за угол дома. Выхватив меч, Арик ворвался в дом. Дальше... хаос.

Грохот разбивающихся светильников. Неясные движения силуэтов в темноте. Вспышки дульного пламени. Мистическим образом отскакивающие от металла пули, повторяющийся звон.

Уже и дураку стало бы понятно, что по Ариковой броне лучше не стрелять.

С заднего двора донеслись крики, и я помчалась на помощь Джеку. Но в моей помощи он не нуждался. Он стрелял по тем, кто пытался убежать. Охотник знал, что вид Смерти заставит их спасаться через задний выход. Ему оставалось только ждать.

Схватка продолжалась не больше нескольких минут. Арик перебил всех внутри; Джек — снаружи.

Дорога из трупов тянулась через весь двор прямо до двери дома. Там, где заканчивались тела, пронзённые стрелами, начинались обезглавленные.

Враг был повержен. Ни Джек, ни Арик не дали мне возможности им помочь. Призывать ведьму необходимости не было.

Взглянув на меня, Джек начал собирать стрелы. Покрытое синяками лицо раскраснелось от ярости... и возбуждения?

Пыл сражения...

Стоя на пороге, Арик поднял забрало. На его лице играла самодовольная улыбка:

— Восемь-семь.

— Всего-то на одного больше? — Джек снял с пояса мертвеца приемопередающую рацию и прикрепил к себе на пояс, — и это ты еще упакован в броню с головы до пят.

Они вели себя так...по-мальчишески. Мне хотелось их придушить. Ну нельзя же действовать так безрассудно... и потом ещё и тешиться собой.

Или может я сердилась потому, что не внесла свой вклад?

Лежащий в пороге мужчина со стрелой в глазу застонал. Живой. Джек направился нему, чтобы добить, но Смерть, на ходу стянув рукавицу, успел первым.

Прикладывая руку к лицу мужчины, Арик смотрел на Джека. По телу полуживого работорговца разошлись жуткие чёрные линии. Он судорожно глотал воздух, пытаясь закричать, и неистово цеплялся за руку Арика.

Ничто не может причинить больших мучений, чем прикосновение Смерти. Даже чума... даже мой яд.

— Впредь подумай дважды, прежде чем рискнуть на меня напасть, — сказал Арик Джеку, когда мужчина затих, — и теперь счёт девять-шесть.

Он поднялся, натягивая рукавицу. Джек вытянул стрелу, не прикасаясь к разлагающейся плоти убитого.

Арик ухмыльнулся.

— Моё прикосновение не заразно, смертный. Это Черная Смерть^[25] была данью мне, не я ей.

Джек вытер наконечник стрелы о подошву ботинка.

— Без разницы... если ты закончил выпендриваться, я предлагаю здесь немного

прибраться, — он отпихнул тело с прохода и жестом показал мне войти, чтобы он мог закрыть дверь, — мы задержимся здесь ненадолго, пусть лошади отдохнут.

Я прикусила нижнюю губу.

— А у нас есть на это время?

До Долора оставался день пути, и я очень хотела поскорее добраться до Селены.

— Мы отправимся, когда лошади восстановят силы. Пойдём.

Выпустив когти, я вошла за Джеком и Ариком в дом. Я ужаснулась погрому, учинённому Смертью: повсюду пулевые отверстия и отрубленные головы. Диван и стены забрызганы кровью. Оружие со следами гари зажатое в руках. Только огонь в камине потрескивал как ни в чем ни бывало.

— Вынужден признать, что я впечатлен твоим налетом, смертный, — сказал Смерть, — я думал, ты только воровать умеешь.

С ехидной улыбкой, подчеркнуто растягивая слова, Джек произнёс:

— Воровство — это мой *второй* талант, — он вызывающе посмотрел на Арика и повернулся ко мне, — не правда ли, bébé?

Смерть схватился за рукоять меча. Джек даже не представлял, насколько близок был рыцарь к его убийству.

— Арик, почему бы тебе не пойти за своим вторым мечом.

Мысленно я добавила:

— *Ты обещал.* —

— *Он играет с огнём.* —

— *Пожалуйста.* —

— Императрица, — опустив забрало, он склонил голову и вышел.

Когда Арик не мог нас больше слышать, я сказала Джеку:

— Не надо его подстрекать.

Джек открыл дверь. Заглянул за угол.

— Я делаю это, чтобы выпустить пар... иначе я просто взорвусь.

— А если ты зайдешь чересчур далеко?

— Ты слишком уверена в его неуязвимости. Но слабости есть у всех.

Мэтью всегда говорил, что слабостью Арика была я.

— И в броне Жнеца есть брешь. Её просто надо найти.

Прежде чем я смогла что-то добавить, Джек повернулся к лестнице.

На втором этаже мы обследовали каждый угол, заглянули во все кладовки. Одна из спален была завалена одеждой и вещами, отобранными у рабов, остальные три комнаты были обставлены мебелью и безупречно убраны. Значит, босс наслаждался еще и бесплатной рабочей силой.

— О, ouais, мы останемся здесь на ночь. Окна здесь заколочены, снаружи забраться нет возможности. Достаточно безопасно.

— Думаешь, другие здесь не появятся?

— Non. Но тела на всякий случай нужно убрать, — мы спустились по лестнице, — а просто так сюда никто не сунется.

— Скажи, зачем было так рисковать? Вскидывать на автобус?

До сих пор у меня не было нормальной возможности поговорить с ним. Сейчас время было тоже неподходящее, но, как сказал Джек, мне нужно было выпустить пар. Я задержалась на лестнице.

— Когда я увидела, что тебя подстрелили...

Повернувшись ко мне, он приподнял указательным пальцем мой подбородок.

— Со мной всё в порядке.

— Не отмахивайся.

— Я могу за себя постоять. И тебя могу защитить не хуже Смерти. И обеспечить тоже.

Просто у него была фора.

Джек рисковал собой, чтобы самоутвердиться? Намеренно лез на рожон?

— Этот ублюдок заранее знал про Вспышку и успел подготовиться. Просто дай мне время.

— Перестань собой рисковать.

После моего бескомпромиссного тона он опустил руку.

— Я не могу этого обещать. Мы не знаем куда мы направляемся.

— Нет. Не надо больше испытывать судьбу. На тебя рассчитывают люди. Если я и соглашусь отправиться в путь с тобой — а это под большим *вопросом* — ты должен сначала заслужить мое доверие, как и обещал. Но как ты это сделаешь, если умрешь? А может, ты и правда жаждешь смерти?

Он закатил глаза:

— Я не...

— Обещай мне, что ты не будешь больше попусту рисковать.

Он уже открыл было рот, чтобы поспорить, но, видимо, понял, что меня не переубедить.

— Ладно. Обещаю. Все?

Наконец я кивнула.

— Тогда давай уже приведем здесь все в порядок, — он повёл меня вниз.

Теперь, когда входная дверь была заперта, первый этаж прогрелся. Теплый воздух подавался через вентиляционные отверстия. В кухне я обследовала кладовую, полную консервов и ящиков с провизией.

Когда в дверях появился Арик, Джек нахмурился.

— Я думал, ты будешь гулять дольше.

— Сверхчеловеческая скорость, помнишь? Я уже и трупы успел убрать, чтобы не привлекли непрошенных гостей, — они с Джеком подумали об одном и том же, — затем запер лошадей и поспешил вернуться к своей жене.

— Ты продолжаешь называть ее так, но, если бы какая-нибудь *fille* попыталась убить меня в брачную ночь, я хорошенько бы призадумался о своем браке.

Глаза Арика сузились. Я встала между ними.

— Может, обследуем дом до конца? Ещё гараж остался.

После нескольких секунд напряжённого молчания Джек вышел первым. Арик пропустил меня и пошёл следом.

Когда мы вошли в прачечную, то застали там работающую стиральную машину.

— Почему босс использует так много электричества? Учитывая все эти прожекторы, обогреватели, и остальные электроприборы, генераторы, должны работать круглосуточно.

— Наверное, он знает, что срок службы топлива скоро истечёт, — сказал Арик.

— Истечет?

— Бензин сохраняет свои свойства не больше двух лет, — сказал Джек.

— *Что?* Неужели в доме Смерти мне нужно было больше наслаждаться электричеством?!

— Так и есть, — беззаботно сказал Арик, — если не пользоваться спецдобавкой, — он повернулся ко мне, — наши запасы сохранятся больше пятидесяти лет.

Джек застыл как вкопанный и повернулся к нам лицом:

— Но даже добавки вооруженных сил не продляют срок действия больше, чем на пять лет.

— В США? Я купил технологию за границей.

— И сколько баррелей у тебя есть? — Джек смотрел на Арика так пристально, словно собирался его ограбить.

— Баррелей? Да нет же. Речь идёт о *танкерах*.

Джек алчно потёр подбородок. Но кроме этого было что-то ещё... словно он нехотя отдавал должное его предусмотрительности.

Арик взглянул на меня.

— Твой танцевальный зал всегда будет освещён, как и художественная мастерская. И, конечно же, библиотека. Вода в бассейне будет теплой до конца наших дней. Кому нужно солнце, если есть акры ламп солнечного света?

Я перевела взгляд на Джека. Сколько бы времени я ему не дала, как бы он ни старался, он никогда сможет добиться того же, что и Арик. Я была почти уверена, что в эту минуту Джек пришёл к тому же выводу.

— Императрица не рассказывала тебе о своей новой жизни? — спросил Арик. — Она ни в чем себе не отказывала. Ежедневно наслаждалась свежей едой, приготовленной поваром, новой одеждой. Спала в тёплой постели в шикарной комнате, полной всевозможных удобств.

Джек и до Вспышки не жаловал богачей. И я не думала, что после апокалипсиса это изменилось.

— У неё было время на чтение и рисование. И ещё... — Арик с вызовом смотрел на Джека, — она каждый день танцевала для меня.

Джек стиснул зубы. Он был таким же взбешённым, как тогда, когда Арик впервые назвал меня «женой». Но затем он овладел собой.

— Но ведь так было не с самого начала. Только когда ты промыл ей мозги. Тебе не кажется, что это Стокгольмский синдром?

— Симптомы *есть*.

Джек заморгал, поражённый прямоотой Арика.

— Почему бы тебе не рассказать, что ты сделал сразу после того, как её похитил? Эви отказывается говорить об этом.

— Ну, ладно. Я заставил её пройти долгий путь босиком, замерзая без тёплой одежды. Она была связана, потому не могла сдерживать падения. В то же время, она не знала, убью я её, или нет, а, если убью, то когда.

Было видно, что Арик никоим образом не гордился своими поступками, но был твёрдо намерен признать свои ошибки. И это меня поразило. Вот что значит настоящая честность.

Он не закончил.

— Я смеялся, когда она оплакивала тебя, и оскорблял её, как только мог. Я ослабил её с помощью власяницы, каждую секунду, врезающейся в её руку. Чтобы от неё освободиться, ей пришлось уговорить Фауну когтями срезать ее плоть.

Когда я вспомнила ту ужасную боль, мои глифы пришли в движение.

Джек смотрел на него взглядом полным злости.

— С одной стороны мне хочется убить тебя за это прямо сейчас, но с другой — рассказывая это в присутствии Эви, ты сам роешь себе могилу.

Арик устало вздохнул.

— Ты так и не понял, в чём сила правды.

— И в чём же?

— Любой вред, причиненный моими преследованиями, компенсируется моей *честностью*. Императрица справится со всем, кроме обмана, потому что она предпочитает ясность. Она была такой с начала времён.

Он был прав. Даже потерю части руки мне было легче перенести, чем враньё Джека: «*У меня нет секретов. За исключением того, как сильно я тебя хочу*».

Джек не смутился.

— Правда? Это когда ты рассказал ей про ее мать... не уточняя обстоятельства? Бьюсь об заклад, ты не мог дождаться, чтобы поведать ей об этом.

— Он молчал несколько месяцев, — сказала я, — и заговорил только под моим давлением.

Арик подошёл ко мне.

— Если бы мне пришлось сделать то, что сделал он, — а я бы пошёл на это без колебаний, — Императрица узнала бы об этом от меня, — назидательным тоном Смерть сказал Джеку, — смертный, если за свою долгую жизнь я чему и научился, так это тому, что ложь — проклятие, которое ты сам на себя навлекаешь.

Мои губы раскрылись. В этот момент я вспомнила, почему я начала влюбляться в Арика. Я вздрогнула. Если б только за свою долгую жизнь он понял, что не надо принуждать женщин к сексу.

Словно прочитав мои мысли (хотя я и не почувствовала его в своём сознании), Арик спросил Джека:

— Знаешь, почему она ушла от меня той ночью?

— Чтобы спасти меня!

— Я сказал, что могу запросто освободить тебя, если она ляжет со мной в постель. Я хотел принудить её, но вместо того, чтобы поддаться, она накачала меня ядом и сбежала. Так что если ты считаешь, что я мог заставить эту женщину сделать то, чего она не хочет, то ты ошибаешься в ней, так же, как и я тогда.

Казалось, Джек сейчас сотрёт себе зубы в порошок.

— Ты и об этом мне расскажешь?

— Я не делаю того, чего не мог бы открыто обсудить. Если не можешь говорить о своих поступках, то не *совершай* их.

Если из Джека, словно живое существо, рвалось бесстрашие, то от Арика исходила жизненная мудрость.

Джек явно не знал, что ответить Арику — непривычная ситуация для пронизательного кайджана. Но поскольку обычной его реакцией была холодная ярость, и действовал он соответственно, я должна была остановить это.

— Послушайте, ребята, давайте уже проверим это место? Я очень устала.

Наверное, это прозвучало очень убедительно, потому что Джек кивнул:

— Ouais. Давай, bébé.

В дальнем конце прачечной была дверь. Рядом на крючке висела связка ключей, похожих на старинные ключи тюремщика.

Джек поднял арбалет и щелкнул выключателями.

— Держись позади.

Арик вытащил из ножен один из своих мечей, прикрывая меня собой.

Джек распахнул дверь. Тусклый свет люминесцентных ламп освещал пространство промерзлого гаража.

Я выглянула из-за спины Арика:

— О, боже мой...

Джек опустил арбалет.

— Их здесь человек двадцать.

Полураздетых дрожащих мужчин.

Арик вложил меч обратно в ножны.

— Они не опасны, потому что уже скованны.

Лодыжки пленников были в кандалах.

— *Уже?* — прошептала я. — Разве мы не собираемся их освободить?

Что Джек, что Арик покачали головой. Такое единодушие, казалось, взбесило обоих.

— То, что их схватили работорговцы, ещё не значит, что они безневинны, — сказал Джек, — это могут быть их конкуренты, убийцы, насильники. И далеко не у всех каннибалов заточены зубы.

Мне и правда не нравилось, как некоторые из них на меня смотрели. А один вообще похотливо провел рукой по промежности. Фу!

Я так долго считала *закованных* людей априори *хорошими*, что первым моим необдуманым побуждением было им помочь.

Самый молодой из них обратился к Джеку.

— Меня зовут Родриго Васкес. Франклин послал меня вам навстречу.

У него были тёмные волосы длиннее даже, чем у Габриэля, и глубокие карие глаза. Симпатичный. Ещё и настроен дружелюбно?

— Но меня схватили.

Джек снял с крючка связку ключей и направился к узнику.

— У тебя есть ещё, что мне сказать?

— О, да, — Родриго отчеканил ряд цифр и букв.

У них был свой шифр? Джек освободил его.

— Пойди поищи свою одежду и снаряжение, чтобы вязаться со своими. Скажи, что я готов встретиться.

Сообщники. Его план воплощался в жизнь!

В памяти все ещё были свежи воспоминания Джека. Интересно, почему Мэтью послал мне такое необычное видение? Возможно, оно каким-то образом было связано со становлением Джека как лидера, указывало на его будущее, на грядущие перемены. Я не знала другого человека, готового столько работать над собой.

Проходя мимо нас с Ариком, Родриго громко сглотнул.

Арик вздохнул.

— *Казалось бы, за две тысячи лет пора уже привыкнуть к испуганным взглядам* —

Остальным Джек сказал.

— Мы не убьём вас, если согласитесь сотрудничать. Сейчас я задам несколько вопросов.

— Ты же охотник! — воскликнул один из измождённых мужчин. — С кайджанской земли. Я о тебе слышан.

— Это ты убил тысячи Бэгмэнов! Голыми руками, — сказал другой.

Образ Джека обрастал неправдоподобными мифами. Рядом с ним не хватало только голубого быка по кличке Малыш^[26].

Вместо того, чтобы опровергнуть столь нелепое заявление, Джек сказал:

— В те выходные мне просто не чем было заняться.

По своей природе он не был хвастуном, но поддерживать такие слухи было разумно.

— Ты путешествуешь с теми самыми Арканами, — сказал другой мужчина.

— Сейчас двое из них здесь, — ответил Джек, — один останется со мной, второй поедет дальше.

Арик мрачновато усмехнулся.

— *Я почти впечатлён его самоуверенностью* —

После вчерашнего Смерть наблюдал за ним очень пристально.

— Вернемся к вопросам, — сказал Джек. — Среди вас есть доктор?

Ни одной поднятой руки.

— Электрики, механики? Только не надо вешать мне лапшу, я разбираюсь в этом достаточно хорошо, чтобы определить враньё, — Джек прочёл множество специализированных книг и мог вычислить, кто обладает нужными умениями, — имеет ли кто-нибудь из вас навыки, полезные на сегодняшний день?

Несколько человек подняли руки.

— Кроме юристов, — отрезал Джек, и одна рука опустилась, — я также не нуждаюсь в автомойщиках, управляющих хеджевыми фондами и работниках торговли. И, упаси господи, психотерапевтах.

Джек повернулся ко мне и подмигнул.

Не осталось ни одной поднятой руки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Когда мы будем уезжать, я всех освобожу. Если кто-нибудь из вас кинул глаз на *la belle fille*, то вы просто идиоты, — он покосился на парня, который облизывался на меня, — она Аркан. Императрица всех Арканов. Грозная Природа-Мать.

— *На воре и шапка горит.* —

— *Помолчи.* —

Я была не в настроении. Хотя честность Арика и впечатлила меня, но воспоминания о тех злоключениях были слишком болезненны.

— Она ядовита, и я собственными глазами видел, как она своими лозами разорвала человека пополам, — Джек повернулся ко мне, — Императрица, покажи им, что ты умеешь.

Я колебалась. Я никогда не демонстрировала свои способности ни перед кем, кроме Арканов. Но затем Мэтью сказал, что больше нет смысла хранить секрет.

Я выпустила из тела стебель розы. Он выполз из-под воротника, как змея потянулся вверх и, выпустив листья, обвился вокруг головы. В такой «короне» я чувствовала себя более уверенно.

У всех отвисли челюсти.

Когда воздух наполнился ароматом роз, я выпустила багряные когти. Потянувшись к ближайшему электрическому щитку и разрезала металлическую дверцу, как будто она была бумажной. Послышались потрясённые вздохи.

Арик, посмеиваясь, направился обратно в дом, и я пошла за ним.

Я услышала, как Джек сказал:

— Кто не дорожит собственными яйцами, может попробовать к ней приблизиться. Остальным сообщу, что мы собираемся построить защищённое поселение в Луизиане — Новую Акадиану, только для белых шляп. Все, кто соответствуют требованиям, могут

надеяться на лучшее будущее.

К тому времени, как Джек, заперев гараж, присоединился к нам с Ариком в гостиной, вернулся Родриго, одетый, вооруженный и с приемо-передающим радио в руках.

Он с благоговейным ужасом наблюдал, как Арик, гремя шпорами, подошёл к камину.

Джек презрительно взглянул на него.

— Вышел на связь?

— Встреча состоится сегодня ночью. Они пришлют грузовик, — он вступил в свежую лужу крови на ковре, вымазав ботинок, — я буду ждать их на дороге. Ориентировочное время прибытия пятнадцать минут.

— Я возьму с собой девушку, — сказал Джек.

Арик медленно покачал головой.

— Ты действительно думаешь, что я выпущу её из поля зрения? Отпущу на встречу с военными? Какой же ты наивный по своей молодости.

— Хм, по условиям встречи ты должен прийти один, без оружия, и никаких Арканов, — возразил Родриго.

Как только мужчина ушел, я сказала Джеку:

— Я не хочу отпускать тебя одного. Тем более без оружия. Давай мы пойдём следом.

— Все это очень серьезно, реекôn. Поверь, я знаю, что делаю.

— Точнее, Императрица должна поверить, что ты знаешь, кому доверять, — сказал Арик, — в случае предательства твоих созаговорщиков, мы не сможем воспользоваться элементом неожиданности. А Миловничи несомненно уже назначил цену за твою голову.

— Назначил. Он разыскивает меня уже давно и времени терять не будет. А наградой будет женщина, полученная в собственность.

При мысли об опасности, грозящей Джеку, и о таком отношении к женщинам, мои когти заострились.

— Ты предложил Императрице блеснуть своими силами, не только для того, чтобы напугать этих работяг, — ты использовал нас, чтобы укрепить свои позиции. Оказавшись на свободе, они сразу же распустият слухи о твоём прочном положении.

Джек кивнул.

— Придет время, когда солдаты будут больше бояться нас, чем генерала.

— Войны выигрываются в головах, — Арик провел ладонью по золотистой щетине, — я убеждаюсь в этом снова и снова.

— Я не мешаю распространению слухов про меня и Бэгменов, потому что людям хочется верить, будто такое возможно. Им *необходимо* в это верить, — в новую историю, — как и в то, что существует девушка, которая сможет засеять землю, если им удастся усмирить ее гнев.

— Ты представляешь ее природным божеством. С собственными легендами, — тон Арика был не столько критичным, сколько задумчивым.

— Ouais. Я хочу, чтобы как можно больше людей думали, что я путешествую в сопровождении жизни и смерти...

— Так оно и есть, — отрезал Арик.

— ... и что они оба требуют порядка.

В окна ударил свет фар. Джек задёрнул штору и повернулся ко мне.

— Это они. Нот прежде, чем уйти, я отведу тебя в комнату, — крепко сжав мою руку, он оглянулся на Арика, — пусть побудет наверху... *одна*.

Джек отвел меня на второй этаж в дальнюю спальню, стены которой были оклеены синими обоями с гоночными машинами.

— Запри дверь и посиди здесь, пока я не вернусь. Постарайся немного отдохнуть.

— Неужели это настолько серьёзно, что ты готов даже оставить меня наедине с Ариком?

— J'ai les mains amarrées, — у меня связаны руки, — ты даже не представляешь, сколько поставлено на карту. Если бы не это, я бы ни за что тебя не оставил. Тебе я доверю, но ему? От Жнеца всего можно ожидать.

— Мне тревожно от того, что ты идешь один.

— Tracasse-toi pas pour moi, — обо мне не беспокойся, — сама-то ты с ним будешь в безопасности?

Сняв рюкзак и пальто, я бросила их на кровать.

— Ты же видел его в бою.

— Нет, я не об этом. Опасность может исходить от него. Он не попытается тебя увезти?

— Он не сможет, да и не станет. Помнишь, что я сделала с больными чумой?

Разве такое можно забыть?

Джек вздохнул.

— Пообещай, что не позволишь ему ни к чему себя принудить. Мы должны быть вместе: ты и я. Просто... не заставляй меня больше страдать.

Другими словами, никакой близости с Ариком.

— Я еще не приняла решение. И пока не собираюсь ничего делать... ни с кем.

— То есть у этого ублюдка есть шансы? — он провёл ладонью по своему лицу. — Я не верю своим ушам.

— Я не могу отрицать наше с ним прошлое.

И нашу связь как Арканов.

Водитель грузовика просигналил. Не боится привлечь Бэгменов?

— Мне пора. Но мы *продолжим* этот разговор позже.

Поморщившись, Джек стянул рюкзак, положил на кровать арбалет, достал из кобуры пистолет. Хорошо, хоть бронежилет на нём остался.

— Возьми этот радиопередатчик, — он протянул мне рацию, — а я возьму другой, и в случае необходимости ты сможешь со мной связаться.

Я прицепила его к карману джинсов.

— Reviens back sain et sauve. T'entends? — Вернись ко мне целым и невредимым. Слышишь?

Услышав мой французский, Джек свёл брови. Словно не в силах совладать собой, он обхватил ладонью мой затылок и поцеловал меня. Резко. Страстно.

Когда я уже хотела вырваться, он отстранился.

— Как же я не хочу тебя оставлять. Только сегодня. Больше я этого не сделаю, — выходя из комнаты, он повторял, — не заставляй меня больше страдать, bébé.

Когда Джек спустился на первый этаж, я услышала, как Арик сказал ему:

— Не беспокойся, смертный, я защищу её... и согрею.

— Мой пистолет. Твой череп. Улавливаешь связь?

Входная дверь открылась. Захлопнулась.

Я заперлась и подошла к окну. Военный грузовик ждал внизу. По бокам расположились два человека с пулемётами, готовые расстрелять всякого, кто подойдет слишком близко.

Во что же впутался Джек? Расправив плечи, он переступил через ряд тел. Демонстративно распахнул сначала одну полу куртки, затем другую. Чтобы показать, что не взял с собой оружия?

Садясь в машину, он посмотрел на окно и кивнул мне на прощание. Я провожала грузовик взглядом, пока туман не поглотил свет задних фар.

Как тут не беспокоиться? А еще вдобавок постоянный страх за Селену и Мэтью. Я боролась с желанием попытаться с ним поговорить, убедиться, что с ним всё в порядке. Но если Мэтью нужно было от меня отдохнуть, я уважала его решение.

Расстегнув рюкзак, я достала спальный мешок и расстелила его вдоль стены. Как раз подумала, чем там занимается Арик, когда он позвал меня с нижнего этажа:

— Иди ко мне, Императрица, — он улыбался, я слышала это в его голосе, — зачем бороться с искушением?

Он завлекал меня. Но спуститься сейчас было бы ошибкой. Когда он включал своё обаяние, то становился воплощением соблазна. В последний раз, когда он был со мной наедине, он трепетно прикоснулся ко мне, шептал: *«Это ли не счастье?»*

Я отозвалась:

— Засыпаю.

— Хмм. Тебе же хуже...

Я гневно выдохнула. К черту все.

Ожидая меня у подножия лестницы, Арик расправил широкие плечи и взмахнул белокурыми волосами. Щетина на его точеном подбородке золотилась в отблесках пламени.

Слишком прекрасен.

— В нашем распоряжении целый дом с электричеством и едой. И если не воспользоваться предоставленными благами, это сделает кто-то менее достойный.

Под рукой он зажал свой шлем, а через плечо была перекинута кожаная седловая сумка. Его версия походного рюкзака. Интересно, что с собой носит такой человек, как он?

Не выпуская из рук собственного рюкзака, я присоединяюсь к нему.

— И что ты предлагаешь?

— Тебе нужно поесть чего-нибудь горячего. Пойдем, *sievā*, если ты не будешь хорошо питаться, то не сможешь ехать в нужном темпе.

При одной мысли об очередном энергетическом батончике мне стало нехорошо. А ведь здесь имелась кладовая, битком набитая продуктами.

— Потом ты сможешь принять долгий горячий душ.

Когда я застыла в нерешительности, Арик снял рукавицы и подошёл ближе. Он положил оголенную ладонь мне на талию и повёл меня в кухню. Прежде чем убрать руку, он слегка сжал пальцы, словно боролся с собой, отпуская меня.

— Мы просто обязаны устроить банкет.

Он положил шлем, мечи и рукавицы на кухонную стойку, а сумку поставил на пол. Жестом предложил взять у меня рюкзак, но мысль о том, чтобы остаться здесь, меня не прельщала:

— Ты предлагаешь зажечь плиту в доме босса работорговцев и заняться готовкой?

В его янтарных глазах вспыхнул игривый огонёк.

— Почему бы и нет. А если за этим занятием нас одолеет жажда... — носком сапога открыв дверцу холодильника, он показал мне целый ящик пива, — не такое крепкое, как водка, к которой мы с тобой привыкли, но тоже сойдёт.

— Пусть тела и спрятаны, но разве мы не должны опасаться появления других работорговцев? Или того, что пленники могут вырваться из гаража? Или Бэгменов? Это мир после апокалипсиса, мы должны чего-нибудь опасаться.

— Если по какой-то причине я не почувствую опасность, то есть ещё Танатос. И его инстинкты защитника.

Это мягко выражаясь.

Я украдкой исследовала содержимое холодильника. Среди «предоставленных благ» была банка коктейльных вишен, такая же, как мы с Джеком нашли у Селены.

Когда я была с Ариком, все вокруг напоминало мне о Джеке. И наоборот. Значит, я обречена. Кого бы я не выбрала, я никогда не перестану думать о другом. Любое решение сулило только страдания. И эта безысходность меня убивала.

Мой взгляд остановился на семейной упаковке лазаньи в морозилке. Пакет даже льдом еще не успел покрыться. Невесть какой деликатес, но все-таки горячая еда, еще и с сыром.

Полное безоговорочное поражение. Я поставила рюкзак на пол.

— Хорошо. Давай поедим. Только для того, чтобы всё это не досталось кому-то другому.

Я закинула лазанью в микроволновку и, не выпуская из рук радиопередатчик, подпрыгнула, чтобы усесться на кухонную стойку.

Арик откупорил две бутылки пива и одну протянул мне.

Причины для выпивки были все те же: *вероятность скорой гибели и внутреннее смятение, близкое к состоянию «а черт с ним».*

Арик прислонился плечом к косяку. Он был так высок, что едва помещался в дверном проёме.

— Uz veselibu.

— Что это значит?

— Твоё здоровье, — мы сделали по глотку, — эта встреча, видимо, очень важна для смертного, раз он рискнул оставить нас вдвоём.

— Джек доверяет мне.

— Если бы и ты могла ответить ему тем же.

Я нахмурилась.

— Зачем ты постоянно его задеваешь?

— Потому что он постоянно дает мне повод, — Арик сделал длинный глоток из своей бутылки.

— Ты называешь его пьяницей, но сейчас мы и сами пьем. Ты вообще большой любитель водки.

— Но я не ношу с собой бутылку.

— Нет. Ты просто куришь опиум века напролёт.

Изогнув губы в улыбке, он сказал:

— Вот почему тебе ничего не стоит рассказывать.

— Как, например, кто мои заклятые враги?

Он улыбнулся еще шире.

— Неужели мне не дождаться прощения?

— Всего несколько дней назад Джек был в плену у Любовников. Я до сих пор не знаю, что они с ним сделали... но могу с уверенностью сказать, что он многое испытал. Ему и без твоих выпадов пришлось несладко.

Оживление Арика сошло на нет.

— Я просто оплачиваю ему той же монетой.

— Поставь себя на место Джека. Человек со смертельным прикосновением изводил его девушку, и она понятия не имела почему. А потом забрал ее. Насильно. Чтобы ты сделал, если бы кто-то так со мной обошелся?

Выражение его лица говорило само за себя.

— В любом случае, ты ведь намного старше его, так почему бы тебе не вести себя немного более по-взрослому?

— По-взрослому? Знаешь, между играми я не старею не только физически, но и психически.

— Я не понимаю.

— Я вхожу в своеобразное оцепенение, — сказал он, глядя мимо меня, — столетия между играми проходят как один долгий сон. Игры похожи на краткое пробуждение среди ночи, вызванное ощущением угрозы и опасности, после которых я снова соскальзываю в сон.

Боже мой, его существование было ужасным. А тут ещё и я появлялась каждые несколько столетий, чтобы окончательно разрушить его жизнь. Я сделала долгий глоток.

Но я не могу и дальше чувствовать вину за поступки, совершенные другими своими сущностями. *И не буду.*

— Мне жаль, что так сложилась твоя жизнь. Я хотела бы, чтобы всё было по-другому. Чтобы я была другой. Но я отказываюсь расплачиваться за то, что сделала в прошлых играх.

Это словно привело его в чувства.

— Значит, отказываешься?

— В первую нашу встречу ты пронзил меня мечом. Иначе говоря, ты это начал. Ты не спрашивал, хочу ли я выйти за тебя замуж, ты велел мне сделать это. Я просто действовала по обстоятельствам.

— Я тебя понял.

Вот уж чего действительно не ожидала услышать.

— Императрица, давай начнем все сначала.

Поднеся бутылку к губам, я сказала:

— Я ещё ничего не решила.

Он разочарованно вздохнул:

— Смертный не сможет обеспечить тебя так, как я. Я предоставлю тебе дом. Неужели он думает, что ты будешь жить в том занюханном форте?

Я стала на его защиту:

— Джек планирует отстроить для меня Хэйвен.

На лице Арика промелькнула ярость. Но он овладел собой так же быстро, как делал все остальное, оставив эмоции кипеть внутри.

— Если ты чего-нибудь пожелаешь, просто скажи *мне*. И ты это получишь. Скоро ты сама в этом убедишься.

Я напряглась. Он имел в виду *подарок*, о котором упоминал? Туза в рукаве? Я почти боялась узнать, что это было.

Что, если Арик мог закончить игру? Расстроить механизм?

— Дэво никогда не будет понимать тебя так, как я. Как может только другой Аркан.

Арик заменил мою бутылку на новую, потому что эту я ее уже опустошила.

— Возможно. Но мы связаны другими узами, — я подумала о ленте, которую он хранил все это время, той, что сейчас лежала у меня в кармане. Вспомнила о нашей общей тоске по дому.

— Так же, как и мы. Мы связаны узами *брака*, — Арик отставил бутылку и подошёл ко мне, — я считаю тебя своей. Ты не представляешь, какое бесчисленное количество раз в день мне приходится бороться с желанием прикоснуться к собственной жене.

Огонь в его глазах только начал разгораться. Сейчас его взгляд напоминал не столько сияние звёзд, сколько восход солнца.

Неужели придет время, когда я совсем уже не смогу вспомнить, как выглядит восход солнца?

Он пахнул так по-рыцарски: дождём, сталью и *мужчиной*. У меня подкосились ноги. Когда он был без доспехов, я всегда улавливала нотки хвои и сандалового дерева.

Он втиснул бедра между моими коленями и, приблизив своё лицо к моему, сказал:

— Если бы ты знала, что творится у меня внутри... меня переполняют чувства, которых я никогда не испытывал, за все двадцать веков своей жизни.

Я тяжело сглотнула. Так как не знала, хотела ли я услышать то, что он собирался сказать.

Его глаза светились все ярче и ярче. И когда пламя охватило их полностью, он прохрипел:

— Я люблю тебя, и ты меня любишь.

Не в силах отвести взгляд от его губ, я вспоминала, как целовала их мягкий изгиб.

— С чего ты взял?

Мой голос прозвучал как-то отстраненно.

— Моя жестокая Императрица защитила меня прежде, чем покинуть наш дом. Твоя забота говорит о многом, — его лицо озарила гордость, — от каких врагов ты защищала меня, маленькая жена?

Я растерянно ответила:

— Я не знаю, ясно? Ты сам говорил, что всегда был мишенью.

Он прижал губы к моему лбу, словно в благодарность. А когда отстранился, подарил мне настоящую улыбку: не самодовольную усмешку, не скупую полуулыбку. Такую я видела всего несколько раз.

И она была *сокрушительной*.

Я задрожала.

— Признай, когда ты после моего отравленного поцелуя тянулся к противоядию, то думал, что я дала тебе смертельную дозу.

— Признаю. Но когда я очнулся, то поплатился за свои сомнения.

— Поплатился? *Поплатился?* Той ночью ты разбил мне сердце! И даже не заметил — или не захотел заметить — как мне было больно!

— Когда я понял, что твое увлечение смертным не прошло, то решил... проверить чувствуешь ли ты что-то столь же сильное и ко мне.

В ту ночь он тоже меня проверял!

— И что, если бы я поддалась?

Его рот слегка приоткрылся, словно он мечтал об этом прямо сейчас.

— Не могу поверить, что говорю такое, но я даже рад, что этого не случилось. Ты сказала, что возненавидишь меня. Тогда я тебе не поверил, но верю сейчас. Мне не стоило ставить тебя в такое положение.

— Проверка — не оправдание. В принуждении ничего хорошего нет.

Он отстранился от меня и запустил пальцы в волосы.

— Тогда *научи* меня, что хорошо. Я неопытен в семейной жизни, но ты знаешь, как быстро я учусь. Я сумею стать таким, как ты хочешь.

— Не думаю, что этому можно научиться. Это должно быть частью твоего естества, частью тебя самого.

— Воспитание и прошлое определили мой характер, но я готов меняться. Вступая в каждую новую игру, я приспособливался, и даже к разным эпохам.

Эпохам? Как он это выдерживал? Находясь так близко, я почти физически ощущала его тоску. *Чувствовала* мучительное одиночество, что его переполняло.

Я вспомнила его дом — музей безжизненных коллекций. Вот почему он так трепетно относится к своим сокровищам, этим пережиткам прошлого, потому что это всё, что у него есть... всё, что он когда-либо надеялся иметь.

— Арик, возможно, бескорыстие тебе чуждо. Ты даже сексом со мной хотел заняться с умыслом. Что если бы я не заметила, что ты был без презерватива? — это воспоминание распалило мою ярость. — Ты действовал у меня за спиной... хотел обмануть *меня*.

— Я и не думал тебя обманывать, sievā. Не было никакого умысла.

— Этой беременностью ты распланировал всю мою жизнь и даже не удосужился мне об этом сообщить.

Он снова подошёл ближе и положил руки на стойку по обе стороны от меня.

— Между мужьями и жёнами так было заведено на протяжении тысяч лет. Тогда я решил, что если на нас снизойдет такое благословение, то это только к лучшему.

Потому что его представления о браке и семейной жизни почерпнуты из другой *эпохи*.

— Ты обвиняешь меня в расчетливости, хотя знаешь, что для того, чтобы что-то просчитывать, я слишком неопытен в этих делах, — его скулы зарделись, — когда я впервые увидел тебя обнажённой в своей постели, то едва мог говорить... не то что строить планы.

Эти слова потушили мою злость. Я вздохнула.

— Я тебе верю.

Опершись рукой о стену позади меня, другой рукой он коснулся моего лица.

— Тогда мы уже начали всё с начала. Мы научимся доверять друг другу.

Джек тоже говорил что-то подобное. Мой взгляд метнулся к двери.

— Восхищаясь твоей преданностью, я одновременно её проклинаяю. Если бы не она, ты была бы моей. Сейчас мы лежали бы в кровати и наслаждались поцелуями.

Я положила ладони на закованную в броню грудь Арика, чтобы оттолкнуть его. Мои руки выглядели такими бледными и хрупкими на фоне его пугающих доспехов. Сколько раз я царапала когтями этот металл в отчаянных попытках сбежать?

Наконец он отстранился.

— У смертного есть другая, ради которой он готов рискнуть жизнью.

Он сел за стол.

— Джек не любит Селену.

— Возможно, полюбит, если ты перестанешь давать ему повод надеяться на большее. Отпусти его и дай им своё благословение.

От одной мысли об этом у меня сжалось сердце. Воспользовался бы Джек такой *возможностью*? По крайней мере со временем?

— Когда мы вернемся домой, все будет иначе. Я поделюсь с тобой всем, что знаю об игре. Мы вместе изучим хроники и исторические документы, которые я собрал. Я научу тебя лучше пользоваться своими силами.

— Значит, просто так ты ничего мне не *расскажешь*?

Он кивнул на свои мечи.

— Я, конечно, могу на словах рассказать тебе, как орудовать мечом, но это не прибавит тебе сил, чтобы его удержать. Каковы твои шансы на победу в настоящем бою без тренировок?

— Я могу рассчитывать не только на тебя. Бабушка тоже может мне помочь. Я уже не говорю о Мэтью. И он ничего не потребует взамен.

По лицу Арика пробежала тень тревоги.

— Императрица, дай ему *отдохнуть*, — это было сказано таким тоном, что я почувствовала себя неловко...

В этот момент меня напугал щелчок таймера.

Не успела я и глазом моргнуть, как Арик уже стоял рядом и подавал мне руку. Он хотел, чтобы я в одиночку справилась с кровожадными зомби, но предлагал помочь спуститься со стойки?

— Чем я могу быть полезен?

— Поищи вилки и тарелки.

Когда мы сели к столу, я сказала:

— Это, конечно, не дотягивает до роскоши, к которой ты привык.

— В такой изумительной компании все кажется прекрасным.

— Умеешь же ты быть милым — этого у тебя не отнять.

— *Labu aretiti*. Приятного аппетита, — он первым положил в рот кусочек — я и не ожидал, что это так вкусно.

— Это ты только так говоришь, — я попробовала свою порцию и не смогла сдержать удивления, — действительно вкусно.

Его нежные улыбки, горячая еда и холодное пиво меня немного расслабили. Опустошив свою тарелку, я ощутила сытость и легкое опьянение.

— Я чувствую, что у тебя есть ко мне много вопросов, — казалось, он так же расслаблен, как и я, — так спрашивай.

Однажды он сказал, что в этой жизни я задала вопросов больше, чем во всех предыдущих вместе взятых.

— Почему Мэтью называл тебя Тредичи? Это твоя фамилия?

Я ведь даже не знала фамилии Арика. Ещё бы, я и имя-то его узнала только через три месяца.

— Тредичи в переводе с итальянского — тринадцать, номер моей карты. Думаю, в одной из жизней Дурак был родом из Италии.

Мэтью представился как «Мэтью *Mat Zero Matto*». *Il Matto* с итальянского переводится как *Дурак*.

Пока я обдумывала эту информацию, Арик сказал:

— Моя фамилия, как и твоя — Доминия.

Помимо воли я мысленно примеряла ее себе: Эванджелин Грин Доминия. Разве что кружочком в тетради не могла обвести.

Я не стала спорить с ним на эту тему.

— Может, расскажешь, чем тебе обязан Мэтью?

— Я храню его тайну.

Неужели я наконец узнаю, что связывает этих двоих?

— И это...

— ... не будет больше тайной, если я тебе скажу.

— Но он нарушил свое слово.

Губы Арика искривились.

— И все же я этого не сделаю.

Гиблое дело.

Когда он встал, чтобы взять еще пива, я спросила:

— Как меня звали в прошлых жизнях?

Возвращаясь назад, он задумался.

— Я произносил эти имена... я чувствовал... — наконец он сказал, — я бы предпочёл не говорить об этом.

Даже после стольких лет он так болезненно на это реагировал?

Он сел и открыл еще по одной бутылке.

Я посмотрела на его правую руку с четырьмя маленькими знаками убитых им Арканов:

белая звезда, синие весы, черные рога и золотая чаша.

— Ты когда-нибудь чувствуешь пыл сражения?

— Чувствовал. Но я научился подавлять его, когда встретил тебя, — он взглянул на мои символы: фонарь и два поднятых пальца, — Дурак сказал, что природу Императрицы ты считаешь отдельной сущностью. *Красной ведьмой.*

— Так и сказал?

Как стыдно! Звучит как бред сумасшедшей. Джек тоже знал об этом, но только потому, что прослушал запись с моей историей.

Арик пожал плечами.

— Я видел, как после Вспышки ты постоянно сдерживала природу Императрицы. Как тебе это удавалось?

— Джек мне помогал.

Арик сжал губы.

— Его не было рядом, когда ты впилась в меня когтями, но не стала вводить яд. Неужели эта «красная ведьма» не нашептывала тебе меня прикончить, когда я был так уязвим? Вместо этого ты меня защитила.

— Так и было, — признала я, — она безумна, но я её контролировала. Когда я сказала об этом Мэтью, он захотел узнать, смогу ли я призвать её намерено.

— Тебе удавалось усмирить свою красную ведьму, потому что по-настоящему ты никогда и *не давала ей волю*. Но этому тебе тоже нужно научиться.

— Pardon? Я ослышалась? Да я отравила сборище каннибалов. Мои лозы раздавили дом Алхимика, словно яичную скорлупу.

— И тем не менее ты использовала только часть своей силы.

Я так долго боялась выпустить Императрицу и никогда больше не вернуться к Эви. И как только я стала в себе хоть немного уверенней, Арик и Мэтью захотели, чтобы я разбудила красную ведьму.

— Говоришь, я должна дать ей больше свободы? Но что если она захочет тебя убить?

— Я не буду бороться. А значит, тебе придется выяснить, как ее обуздать.

— Это слишком опасно.

В первой схватке со Смертью, я приняла ее. Я твердила себе, что я *красная ведьма! Я собиралась выиграть эту игру!* Даже если придется убить своих друзей.

— Я и так хорошо справляюсь.

— Некоторые из оставшихся Арканов обладают просто чудовищными силами. И тебе придётся призвать свою ведьму, чтобы выжить, так же, как те Бэгмэны смогли справиться с силами, чтобы выбраться на поверхность.

— Если только я не остановлю игру.

— Кое-кто будет продолжать играть, даже если не будет такой необходимости.

— Например, Император?

При одном упоминании этой карты Арика как подменили. Его глаза потемнели до цвета янтаря.

— Что между вами произошло?

— Это слишком скучная тема для такого вечера, — он сделал большой глоток, — лучше расскажи о своей бабушке.

Выражение его лица было столь решительно, что я позволила ему сменить тему. На этот раз.

— Разве ты не знаешь столько же, сколько и я? Ты ведь так долго вторгался в мои мысли.

— Ну не постоянно же. У меня были и свои дела, была личная жизнь. Какая ни есть.

От его слов у меня внутри всё сжалось. Чтобы скрыть беспокойство, я поднесла бутылку к губам.

— Я не очень хорошо её помню. Но даже эти воспоминания иногда противоречат друг другу.

— Как так?

— Я помню её доброй и ласковой. Но в то же время я помню, что она хотела видеть меня «порочной убийцей». Что, если бы она попыталась убедить меня уничтожить другие карты? Моих друзей?

Даже Арика.

Может быть Арканы изначально не злые? Может, нас делают такими летописцы и родственники?

— В любом случае, я поклялась маме, что найду ее. И я это сделаю.

— И я тебе помогу. Ты же знаешь, поиск — мой талант, и не важно, что я ищу, пуанты, или бабушку своей жены.

— Ага, сомневаюсь, что у тебя получится. Когда я разглядывала твою карту, она приходила в бешенство.

— Ты забываешь, каким обаятельным я могу быть.

Никогда.

— Как-то я спросила Мэтью, будешь ли ты мешать мне добраться до бабушки. Он сказал, что тебя это не интересует, что ты не веришь в нее, как я. Так с чего бы тебе мне помогать?

Я допила пиво.

Арик поставил на стол ещё по одной бутылке.

— Как Тарасова она много чего знает.

— Ты не ответил на вопрос.

— Мне не обязательно верить, что у неё есть ключ к завершению игры. Но в это веришь ты... а я верю тебе.

Милый, хитрый рыцарь.

— А какая разница между Тарасовой и летописцем? Чем бабушка отличается от людей, воспитавших Габриэля?

— Летописец — это историк и советчик. Про Тарасовых же говорят, что они провидицы, либо относят их к младшим Арканам.

При нашей последней встрече бабушка, сверкнув карими глазами, сказала мне: «Ты должна убить их всех».

По спине пробежал холодок.

— Sievā?

Я сменила тему разговора:

— Теперь, когда мы учимся друг другу доверять, может, расскажешь о своём детстве?

Он наклонил голову.

— Я рассказывал, что мой отец был полководцем, а также выдающимся ученым. Он и меня обучал и тому и другому. Каждый день я занимался военным делом, потом читал, а после ужина мы долго дискутировали, — Арик содрал с бутылки этикетку и своими

утонченными пальцами приклеил её назад, — трудно представить, что бы он подумал обо всех открытиях, сделанных человечеством. В его время землю ещё считали плоской.

В такие времена вырос Арик, и я еще хочу, чтобы он вел себя, как современный парень? Он и так добился поразительных успехов.

— Какой была твоя мама?

— Она была жизнерадостной, любила посмеяться. Они с отцом всегда хотели второго ребёнка, и в шутку винили в этом меня: «Если бы ты не был таким замечательным сыном...»

Я не мог и мечтать о лучших родителях.

— Ты скучаешь по ним?

Даже спустя столько лет?

— Каждый день из сотен тысяч.

Что тут скажешь? Любой ответ звучал бы неуместно. Между нами повисла тишина.

Арик пил, погружившись в раздумья. Я знала, о чём он думал, он вспоминал ночь, когда их убил...

Даже горячая вода, струящаяся по телу, не могла унять гул в голове. Смыть моё смятение.

После ужина Джек так и не вышел на связь, и меня охватила тревога. Поэтому я взяла свою сумку и пожелала Арику спокойной ночи.

Когда я уже выходила из кухни, он проронил мне вслед:

— Однажды ты сказала, что я так хорош в игре, потому что это все, что когда-либо у меня будет, — печаль в его голосе заставила меня остановиться, — ты была права. Но я не хотел, чтобы так было. Ни раньше. Ни сейчас.

Я видела Арика разъяренным, беспощадным, игривым, в отчаянии и в страсти. Но я никогда раньше не видела этой тихой грусти.

Он тихо добавил:

— Ради тебя я готов пойти против воли богов и веления судьбы, и только смертный стоит у меня на пути.

Я поёжилась и выбежала из кухни, словно за мной гнались.

Теперь, стоя под струями воды, я поднесла руку к губам. Возможно, чувства мои и были в замешательстве, но не тело. Я одинаково хотела и Арика и Джека.

Я хотела Джека с его необузданной страстностью; я жаждала Арика с кипящей в нем внутренней энергией.

Оба принесли мне удовольствие — и страдания...

После душа я вернулась в свою комнату. Заперла дверь и сняла толстовку, чтобы положить её под голову вместо подушки. Устроившись в спальном мешке, я уставилась в потолок. Что же мне делать?

Мы с Ариком были непостижимым образом связаны. Мы жили вместе в его замке. Читали при свечах, разговаривали ночи напролёт. Мы были счастливы, его дом практически стал моим.

С Джеком же мы, по сути, никогда не жили вместе, всегда в пути...

Рюкзак! Я оставила его в ванной, несмотря на строгие наставления Джека. Наверное ему стоило быть со мной еще более жестким.

Я выбежала из комнаты и внезапно, как вкопанная, остановилась посреди коридора.

Из заполненной паром ванной выходил Арик. В одном полотенце. И всё. Его изящное лицо было чисто выбрито, скулы покрылись румянцем, влажные волосы растрепались.

Заметив меня, он слегка разомкнул губы. Его глаза вспыхнули, и их сияние ослепило меня, словно бы я взглянула на солнце.

Восхитительный мужчина.

Я опустила взгляд, и он напрягся всем своим роскошным телом, как будто я его ударила. Мускулы сжались, приводя в движение витиеватые татуировки.

Мне хотелось расцеловать каждый дюйм этих рун. Только возможности не представлялось.

Одинокая капля стекала от шеи по четко очерченным грудным мышцам, по рельефным кубикам пресса, по дорожке светлых волос... у меня пересохло во рту.

Он прохрипел:

— Ты это хочешь?

Я подняла глаза и задохнулась от исходящего от него вожделения. У меня помутился разум. Хочу ли я это тело? А как его можно не хотеть? Это же искушение в чистом виде.

— Я об этом, — он протянул мой рюкзак, — но с удовольствием соглашусь на всё, чего пожелает моя жена.

Эви, скажи хоть что-нибудь. Это было бы очень кстати.

Он подходил всё ближе со всем своим смертельным изяществом и сдержанной силой. Я поняла, что пятилась назад, лишь когда уперлась спиной в стену. Но он приближался до тех пор, пока мы не оказались лицом к лицу.

Меня окутал влажный жар, исходящий от его тела. С такого близкого расстояния можно было различить даже светлые кончики его ресниц.

Он зашвырнул мою сумку в спальню. И опустил взгляд на майку, плотно обтягивающую грудь...

— Узнаю эту одежду. Мне приятно видеть, что ты ее носишь. Разумеется, снимать ее с тебя было бы намного приятнее.

Возможно, у него и не было опыта, но он обладал природной сексуальностью: каждое движение, выражение лица, даже размеренная манера речи обещали удовольствие.

Это было выше моих сил.

— Неделю назад ты лежала обнаженной в моей постели во второй раз. Я целовал тебя. Ласкал тебя, — он наклонился и шепнул мне на ухо, — я собирался снова тебя вкусить.

Я едва могла дышать:

— Н-но затем ты разбил мне сердце.

— Я исправлю это. Восстановлю всё, что разрушил. В этих играх я доверял тебе, когда этого делать не стоило, и не доверял, когда должен был, — он обхватил ладонями моё лицо, — если бы ты только смогла меня простить...

Я закусила нижнюю губу.

— Я смогу простить тебя. Но это не значит, что я согласна снова пройти через подобное, — когда он склонился ко мне, я сказала, — Арик, нам нельзя целоваться. Я не буду делать этого. Ни с одним из вас.

Он проверял, насколько решительно я настроена?

— Тогда мы не будем целоваться. Просто позволь коснуться твоего прекрасного лица, — он провёл кончиками пальцев по моей щеке до подбородка, — это роскошь, которая всегда будет для меня наслаждением.

Мне пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не закрыть глаза, чтобы не прильнуть ближе к его телу.

— Такая красивая. Я не остановлюсь, пока ты не станешь моей. До того времени мне не будет покоя. *Es tevi mīlu.*

— Что это значит? — выдохнула я.

Он касался меня изящными пальцами, как скульптор касается своей статуи.

— Я тебя люблю.

С губ срывались ответные слова, но я не могла любить Арика.

— Между любовью и влечением есть большая разница, — напомнила я ему... и себе.

— Если я просто хочу затащить тебя в постель, то откуда эта ревность? Почему я так страдал без тебя? Для такого, как я, неделя — мгновение, но эта тянулось бесконечно.

Положив руки мне на плечи, он очень нежно коснулся пальцами моей шеи. Его руки дрожали, словно он держал самое бесценное сокровище в мире.

— Клянусь богами, я хочу твое тело, но знай, что и моё сердце принадлежит тебе. Я дарю его тебе, *sievā*. Всецело вверяю. Береги его.

Я изо всех сил старалась ему сопротивляться. Напоминала себе, почему я это делаю.

— Наша связь тянется сквозь века; ты должна это чувствовать.

Я резко покачала головой, но вслух соврать не смогла. Да, я чувствовала связь, которая за сотни лет, не ослабела и не исчезла. Что-то, пережившее века. Что-то непостижимое и... *правильное?*

Я думала, я *боялась*, что он был моей... родственной душой.

— Эти несколько дней без тебя были самыми невыносимыми за все прошлые столетия, — он провел большим пальцем по моей нижней губе, заставляя мое сердце биться быстрее, — скажи, что будешь моей. Скажи, что мне больше не придётся чувствовать такое опустошение.

В это мгновение я готова была сказать все, что он хотел услышать...

Вдруг Арик без предупреждения поднял меня, вынудив ногами обхватить его за талию, а руками за шею.

— Что ты делаешь?

Я начинала задыхаться, охваченная желанием. Меня окутал его манящий запах.

— Мне нужно быть ближе к тебе. Почему никогда не бывает достаточно близко? — он посмотрел на мою майку, которая от соприкосновения с его телом промокла и стала совсем прозрачной, его глаза ярко вспыхнули, голос охрип, — ты слишком меня искушаешь.

Он сильнее вжался своим телом между моими ногами.

Я откинула голову назад, и он начал водить носом по моей шее, лишь намекая на поцелуй. Почувствовав его влажное дыхание, я задрожала от желания.

Ну зачем я сказала, что нам нельзя целоваться?

Это было так же возбуждающе, как и настоящая близость. Даже больше. Осознание того, что он так сильно жаждал прижаться ко мне губами, но сдерживался, сводило меня с ума.

Он продолжал иллюзию поцелуя, пока я не начала задыхаться, крепко сжав руки вокруг его шеи. Своим телом я чувствовала, как дрожали его мышцы, когда он пытался себя сдерживать.

Он поднял голову, чтобы взглянуть мне в лицо, и наше дыхание смешалось. Глядя в его сияющие глаза, я просто растворилась в них. Но к моим губам он так и не прикоснулся. Просто оставил меня сгорать от желания, которое я не могла удовлетворить. Не сегодня...

Лента, которую я носила в кармане, будто обжигала. *Не заставляй меня больше страдать.*

— Арик, отпусти меня.

— Ты уверена, что этого хочешь?

В его сверкающих глазах читалась растерянность.

— Пожалуйста.

Он поставил меня на ноги:

— Я отпущу тебя. Сегодня. Но ты будешь моей, *sievā*.

Когда я попыталась его оттолкнуть, меня снова поразил вид моих бледных рук на его теле. Сколько раз я прикидала к его обнаженной груди, в отчаянных попытках прижаться сильнее?

Наконец он отступил, и я в полном оцепенении вернулась в комнату. Заперев дверь, я

прислонилась к ней спиной, пытаюсь унять дрожь.

Дальше я действовала, как в тумане: подошла к спальному мешку, проверила заряд радиопередатчика, легла.

Пытаясь игнорировать свое раскаленное тело, я снова пялилась в потолок. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем я сомкнула глаза.

Погружаясь в сон, я почувствовала в комнате присутствие Арика.

Он наблюдал за мной. Думал, что я сплю!

Он тихо прошептал:

— Сколь многому я могу научить тебя об игре. Сколь многому ты можешь научить меня о жизни. Так давай начнем, маленькая жена.

Во сне я увидела Смерть примерно в моём возрасте. Одно из видений, что Мэтью хотел показать мне, пока ещё не поздно?

На дворе была летняя ночь, над Балтийским морем бушевал шторм. Арик возвращался с какого-то задания.

Я проезжаю мимо знакомых рунических камней, копыта жеребца стучат о землю, соревнуясь в громкости с громом богов. Богов, которые прокляли наше поселение болезнью.

Разгневали ли их пышные празднества, устроенные нашей семьёй два дня назад? Неужели Семейство Доминия повинно в гордыне?

Я пытаюсь сосредоточиться на ходе своих размышлений, прийти к какому-то выводу, но мысли в голове путаются. Раньше бывало, что я неважно себя чувствовал, но сейчас, вместо того, чтобы болеть, как остальные жители селения, я чувствую себя здоровым и сильным.

Сильным как никогда.

Недавно я раздробил камень в руке, раскрошил в порошок. С каждым днём моя сила и скорость возрастают. Но я ощущаю тьму в себе... и сам не знаю, что это.

По прибытию домой мне приходится скрывать от слуг свою неестественную быстроту. Я иду по мощённой тропе в покои отца. Открываю дверь, и вижу, что он уже идет мне навстречу.

«Ты нашёл лекаря?» — спрашивает он.

Отец Арика — высокий широкоплечий мужчина со светлыми волосами. И хотя его глаза голубого цвета, а не янтарного, как у Арика, сходство с сыном налицо. Я понимаю их язык как родной, наверное, Мэтью адаптировал видение под меня.

— Он уже ухаживает за больными, — почему отец выглядит на десяток лет старше, чем вчера? — я привёл его прямо сюда.

— Славно, — рассеянно отвечает отец, — я сейчас вернусь.

— Не нужно никуда идти, ты слишком изможден. Ты должен беречь силы ради матери. Она отдыхает?

Он кивает.

— Я настоял на этом.

— Ей очень тяжело, — множество наших гостей заболели, в основном их дочери, — я пойду вместо тебя.

Он морщит лоб.

— Но если что-нибудь случится с тобой... Если тебя поразит хворь... я этого не перенесу.

— Я не болел ни дня в своей жизни. И сейчас решил не начинать.

На его лице промелькнула тень улыбки, что сделало его больше похожим на самого себя. Было так странно не слышать в их с мамой покоях весёлый смех.

Я положил руку ему на плечо, встретившись с ним глазами.

— Помяни моё слово, мы пройдем через это.

Его голубые глаза вспыхивают.

— Я говорил тебе, насколько горд быть твоим отцом?

Я смотрю на него с притворным недовольством.

— Каждый день. Сколько себя помню. Эти слова укоренились во мне, словно высеченные на руническом камне.

— Но сегодня еще нет, — отец сжимает мою руку, — сын, я так горд...

Нахмурившись, он резко замолкает.

— Отец?

Он бледнеет и широко раскрывает глаза. На лице появляется мучительное выражение, и меня охватывает ужас.

— Что происходит?

Я касаюсь его щеки, и по ней расходятся черные линии.

Как у поражённых хворью селян.

— Сын?

Вдруг он весь напрягается, руки сжимаются в кулаки.

— Что случилось, отец? — я обхватываю его содрогавшееся тело и опускаю на землю. — Что происходит?

По его искаженному болью лицу разливается блаженный свет. Он меркнет... с каждой секундой?

— Скажи, как тебе помочь! — умоляю я. — Пожалуйста, пожалуйста, ответь!

Но он уже не может мне ответить. Жизнь покинула его. Он... умер.

Не смотря на переполняющую меня скорбь, в душу закрадывается подозрение.

— Арик!

С другого конца комнаты на нас смотрит моя мать. Она кричит, прикрывая руками округлившийся живот, инстинктивно ограждая малыша, которого они так долго ждали. У неё подкашиваются ноги.

Не задумываясь, я бросаюсь к ней. За долю секунды пересекаю расстояние между нами и подхватываю её на руки.

Но когда я до нее дотрагиваюсь, она вскрикивает.

— Мама? Нет, нет, нет!

От моих прикосновений по её руке расходятся чёрные линии.

С воплем я отпускаю свою хватку. От проблесков понимания, стук моего сердца звучит в ушах, словно гром богов. Болезнь исходит... от меня.

— Мама, борись с этим!

Мучительная боль сдавливает ее дыхание, искажает прекрасные черты лица. Но в ее глазах я вижу ужас.

— А-арик?

Она тоже подозревает меня.

Она корчится в муках... и я не могу облегчить её страдания, не могу ничем помочь.

— Не оставляй меня, пожалуйста! — мои слезы стекают на ее щеку. Тот же свет озаряет ее лицо. — Борись, мама! Борись ради своего ребенка. Р-ради меня.

*Она смотрит на меня, как замороженная, но затем её взгляд становится невидящим.
Жизнь покинула её. Её больше нет.*

Мои родители умерли.

Я убил свою семью. Убил самых дорогих мне людей одним своим прикосновением.

*Тьма во мне вырвалась наружу. Я откидываю голову и реву, когда осознание накрывает
меня.*

Я — Смерть...

Первое, что я увидела, когда проснулась — грязные ботинки. Джек?

— Отойди от нее, Жнец, — в руках он держал пистолет! — или я тебя пристрелю.

— Да ну?

Арик провёл пальцами по моей щеке, смахивая... слёзы?

Я повернула голову. Он сидел рядом и ни на секунду не прекращал меня касаться... не смотря даже на угрозу.

Я повернулась к Джеку.

— Пожалуйста, опусти оружие.

— Мой пистолет, твой череп, Смерть. Я тебя предупреждал, — он впился в меня безумным взглядом, — ты с ним спала?

— Что? Нет!

Хотя, согласна, со стороны всё так и выглядело.

Арик был без рубашки, в одних, низко сидящих на бедрах кожаных штанах. Его глаза светились удовлетворением.

Абсолютно спокойно он спросил:

— Ты хоть понимаешь, какое это удовольствие прикоснуться к ней после столь долгой разлуки? Ради этого блаженства я не уйду от пули. Я *приму* пулю.

Я отодвинулась от Арика, и он *разочарованно* вздохнул.

— Вот чем ты занималась в доме Смерти? — с упрёком спросил Джек. — Ты позволяла ему касаться себя? А после этого еще и танцевала для него?

— Просто опусти пистолет, пожалуйста.

Бесполезно.

— Почему ты не отвечала по рации?

— О чем ты говоришь? Я ничего не слышала.

— Потому что я отключил звук, — Арик, пожал плечами, — Императрица нуждалась в отдыхе больше, чем в беседах с тобой.

— Джек ты меня пугаешь. Всё не так, как выглядит.

Напряжение нарастало. Но тут он опустил пистолет.

— Ты права. Прости меня, bébé, — он засунул пистолет за пояс. Другой, не из тех, что остались здесь. Он рискнул взять с собой спрятанное оружие?

— Она отвергает ухаживания нас обоих, смертный, — Арик прислонился головой к стене, — пока не сделает выбор в мою пользу.

— Ты снова морочишь ей голову воспоминаниями о прошлых играх и называешь это ухаживаниями?

— Никоим образом. Я лишь назвал некоторые из бесчисленного множества причин, по которым подхожу ей лучше тебя. Ты и сам это понимаешь, — Арик встал со сверхъестественной скоростью и моментально оказался возле Джека, — ты продолжаешь талдычить о Стокгольмском синдроме, потому что не хочешь признавать очевидное: что она *хочет* быть со мной. Что со мной она была по-настоящему счастлива.

Джек сжал кулаки, и я тут же вскочила на ноги.

— Не прикасайся к нему!

— Я не собираюсь убивать себя. Особенно теперь, когда я с предвкушением смотрю в

будущее.

— Ах, да, начало новой жизни с Селеной. Примите наши с женой поздравления.

Джек повернулся ко мне.

— Эви, я так больше не могу! Мне нужна определённость.

— С этим я тоже соглашусь, — сказал Арик.

Оба. Уставились на меня. В ожидании.

Впервые они стояли бок о бок, не скрытые бронёй. Джек — широкоплечий и мускулистый и Арик — более высокий и худощавый, весь в татуировках. Оба настолько красивые, что я наблюдала за ними как замороженная. Пока они снова не начали перепалку.

— Ты серьёзно считаешь, что она отдаст предпочтение тебе? *Imbécile!*

— Даже не сомневаюсь.

Откуда в Арике эта пугающая уверенность? Если его подарок мог так сильно повлиять на моё решение, то был ли у меня вообще выбор?

От всего этого у меня опять разболелась голова.

— А, может, я вообще никого из вас не выберу! Может, мы отправимся на поиски бабушки вместе с Мэтью. Вдвоём! — я потеряла пульсирующие виски. — Неужели мы не можем сейчас просто сосредоточиться на Селене и Любовниках? Я же говорила, что пока у меня не будет времени, чтобы хорошо все *обдумать*, я не собираюсь принимать никаких решений относительно своего будущего.

— Но, когда мы вернем Лучницу в форт, ты дашь ответ. И тот, кто получит отказ, отставит тебя в покое, — сказал Арик и протянул Джеку свою ладонь, — ну что, по рукам?

— Убери свои чёртовы смертельные лапы, Жнец, или я снова достану оружие, — он повернулся ко мне, — ты согласна?

— Да, когда все закончится, я дам ответ. Но не думайте, что я выбираю только между вами двумя. У меня есть и другие варианты. И когда вы ведете себя вот так, они кажутся всё более привлекательными.

— Уяснил, — Арик меня поддержал? — вот теперь я более чем заинтересован искать Лучницу.

Наконец он будет сосредоточен на деле! Я повернулась к Джеку:

— Твои осведомители видели Селену? С ней всё в порядке?

— В лагере Северной АЮВ она не была замечена. Её там нет.

— Любовники нас обманули.

— Миловничи в лагере. С парой близнецов, но я не уверен исходные ли они.

Джек растерянно потёр повязку. Как же сильно ему, наверное, хотелось встретиться с ними лицом к лицу, расквитаться с ними.

— Они не исходные близнецы, — сказал Арик, — и это вполне разумно. Если бы я обладал силами Любовников, то спрятался бы в каком-нибудь недоступном месте, а всю работу поручил бы воплощениям.

— Как ты можешь знать наверняка? — спросила я.

— Я уже услышал сдавленный призыв двойников.

— В таком случае зачем близнецы отправили меня в Долор?

— Ловушка, — ответил Джек, — лагерь окружили снайперы, вооружённые винтовками с транквилизаторами, чтобы взять нас живыми.

Чтобы пытать нас.

— Тогда я понятия не имею, где Селена.

— Хмм, к счастью я имею, — Арик прислонился плечом к стене, — пока звучит её позывной, я могу его отследить.

Когда-то Мэтью объяснял, что позывной никогда не смолкает. Когда Аркан оказывается достаточно близко, другой игрок может на него настроиться.

— Я думала, он постоянно повторяется. Постой... ты имел в виду, пока она жива? Ты же говорил, что близнецы не станут убивать её прямо сейчас.

— Есть и другие случаи, когда позывной смолкает, — не успела я расспросить подробнее, как он продолжил, — точно знаю, что она на расстоянии двух-трёх дней пути на север. Я могу определить её местонахождение, но это ещё не значит, что мы сможем до неё *добраться*.

Джек сузил глаза.

— Почему нет?

— Любовники могли окружить себя рвом с кипящим маслом или войском из воплощений с пулеметами и реактивными установками. А с реактивными снарядами даже у *меня* возникли бы затруднения.

— Твои предложения, Жнец?

Улыбка Арика стала пугающей.

— Собственный заложник.

ДЕНЬ 377 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

— Представление начинается, — сказал Джек.

Долор находился за следующим поворотом дороги. Чтобы добраться сюда быстрее, мы несколько часов мчались во весь опор, поэтому у меня не было ни малейшей возможности поговорить ни с ним, ни с Ариком. Двигаясь вдоль железнодорожной колеи, мы остановились на границе заброшенного шахтного поля^[27].

Обугленное Вспышкой оборудование — подъемники, шахтные вагонетки, транспортные ленты — это место напоминало обиталище призраков.

Арик снял шлем.

— Ну и где твои мятежники?

Джек пожал плечами.

— В лагере.

— Я чего-то не понимаю, смертный. Я думал, мы объединимся с ними для совместного нападения. Ты же говорил, что мы захватим лагерь.

— Ouais. Это мы и сделаем.

— Тогда нам нужны люди. Нам нужно оружие, чтобы сразиться с армией генерала.

— Когда мы войдем в лагерь, — под порывом ветра Джек поднял воротник куртки, — генерал и фальшивые близнецы уже будут обезврежены.

Арик вскинул брови, удивляясь необоснованной уверенности Джека:

— Это и есть твой план?

Танатос нетерпеливо бил копытами о землю.

Что и говорить, умение Джека вести людей за собой было невероятным, но его заверения звучали не очень правдоподобно. Я закусила нижнюю губу.

— Может, стоит продумать план Б?

— Было бы неплохо, если бы при въезде ты надела свою корону из роз, — загадочно ответил он.

Арик презрительно усмехнулся:

— Думаешь, их испугают наши способности? Да они будут слишком заняты, стреляя в нас, чтобы обратить на это внимание.

Проигнорировав его, Джек обратился ко мне:

— У него нет оснований полагаться на меня, но ты должна мне верить. Ты же знаешь, у меня есть голова на плечах.

Однажды я сказала, что больше никогда не буду его недооценивать. Если он говорит, что план есть и так в нём уверен...

— Тогда связывайся со своими, — сказал Арик, — выясни обстановку.

— Non. Никаких раций.

— *Даже моё безграничное терпение уже на исходе. Но ради тебя я постараюсь сохранить спокойствие.* —

— Ну, допустим, ты провернешь бескровное восстание, но, если останется хотя бы один верный солдат, он может подать сигнал подкреплению.

— Ты думаешь, я не учел этого, Жнец? Все под контролем.

Арик взглянул на меня

— *И ты на это поведешься?* —

Я вовремя остановилась, чтобы не кивнуть.

— *Да.* —

— *С трудом верится, что его не предадут за вознаграждение.* —

— *Ты даже не представляешь, как хорошо он разбирается в людях.* —

— Вы что разговариваете между собой? — нахмурился Джек.

— Просто обсуждаем твоё умение разбираться в людях, раз уж только от него и зависят наши жизни.

— Эви, ты веришь мне? — спросил Джек, его взгляд словно говорил что-то, но я не понимала что.

— Я верю в твою рассудительность.

— Значит, я беру ситуацию в свои руки, — он бросил самодовольный взгляд на Смерть.

Арик надел шлем.

— Не могу поверить, что соглашаюсь на этот идиотизм.

— Ты же хотел заложника. За ним я тебя и веду, — Джек повернулся ко мне, — готова?

Я кивнула и, вырастив из тела стебель, увенчала им голову. Кроваво-красные лепестки, остроконечные листочки. Я заставила их плестись и виться, чтобы никто не усомнился, что они настоящие. Тем более, когда я волновалась, они всегда трепетали.

В тех случаях, когда у меня было время поволноваться...

У поворота мы с Ариком переглянулись. Внезапно налетевший порыв ветра всколыхнул транспортёрную ленту, нагоняя на меня еще больше страха.

Назад дороги не было, перед нами распростёрся лагерь. Перед которым выстроились люди.

Без оружия?

Они приветствовали нас громкими возгласами! Солдаты и освобожденные женщины махали нам, словно участникам Марди Гра^[28] с платформы на колёсах.

Я выдохнула, даже не осознавая, что задерживала дыхание.

— Черт побери, Джек.

В ответ он лишь сексуально улыбнулся.

— Бескровное восстание, — Смерть поднял забрало, — как тебе это удалось, смертный?

— Возможно, *Смерть* — не всегда решение, — на мой выжидающий взгляд Джек ответил, — вчера я дал солдатам емкости с нервно-паралитическим газом, чтобы они подбросили их в палатку Миловничи.

— Нервно-паралитический газ, — повторила я, — из их же собственной армии за рекой? Так вот что было в камуфляжной сумке!

— Ouais. Захватив Миловничи, люди Родриго, как можно шире распространили новость, что я еду сюда со своими союзниками Арканами, — мне он подмигнул, а Смерти бросил злобный взгляд, — я был уверен, слух о том, что мы уже освободили один лагерь, подорвёт структуру командования.

— Невероятно.

Мы начали протискиваться сквозь толпу. Люди изумлённо пялились на нас со Смертью и наперебой стремились пожать руку Джеку.

Всю жизнь он считал, что не имел оснований для гордости. Теперь он стал *другим*. Голова гордо поднята, плечи расправлены, взгляд лучился уверенностью.

Даже без сверхспособностей какой властью он обладал. Сколько народу им восхищалось.

Я бросила беглый взгляд на Арика. Перед глазами стояло недавнее видение — наглядное напоминание о его безнадежном одиночестве.

Испытывала ли я к нему жалость? Да. Но прошлой ночью я поняла, что влечение к нему куда сильнее.

Столкнувшись с ним взглядом, я тут же отвернулась. Среди толпы я заметила улыбающегося черноволосого мальчишку лет двенадцати. Широко посаженные глаза и щель между передними зубами — он был уменьшенной копией Франклина. Должно быть, его брат. Скоро они снова встретятся.

Этот мальчик олицетворял собой то, чего удалось достигнуть Джеку. Меня поразило осознание: мы помогли *тысячам* людей.

Навстречу нам с широкой улыбкой ехал Родриго.

— Я провожу вас к Миловничи. Всем троим.

— Глушители работают? — спросил Джек.

— Бесперебойно, генерал. Не пропускают ни сигнала.

Он повёл нас вглубь лагеря.

Я шепотом спросила:

— Он называет тебя «генерал»?

— Я пытался это пресекать, — сказал Джек с легкой улыбкой, — но потом понял, как грозно это звучит. И решил оставить как есть.

— Ты блокируешь радиосигналы с помощью глушителей? — Арик посмотрел на Джека точно так же, как Джек недавно смотрел на него самого, словно нехотя отдавал должное его предусмотрительности, — вот почему ты не воспользовался рацией.

— Я хотел контролировать любую передачу информации из этого лагеря. Но теперь с наличием заложника и целой армии не нужно больше скрывать ваше участие. Мы сообщим близнецам, что хотим обменять их отца на Селену.

Меня охватило волнение. План с обменом заложниками казался осуществимым!

Арик снял шлем и положил его на седло.

— Если мы оставим воплощения в живых, всё, что им известно, они передадут своим исходникам.

— Слишком рискованно, — сказал Джек, — мы прикончим их.

— Согласен, смертный. А ты собираешься сказать своим людям, что близнецы ненастоящие?

Джек, казалось, призадумался:

— Non. Это лишь омрачит нашу победу.

Арик кивнул.

— И пока Миловничи у нас в руках, нужно допросить его о близнецах, узнать о надёжности их обороны и количестве воплощений.

Теперь уже Джек сказал:

— Согласен.

Спешившись, мы с Джеком передали поводья паре солдат, но Смерть только покачал головой и повел Танатоса сам.

Толпа расступилась, и мы увидели на земле три связанных тела, без сознания и с кляпами во ртах. Небезызвестный Миловничи и его отпрыски. Точнее, отпрыски его

отпрысков.

Наконец я увижу человека, который принес столько страданий миру, который и без того в них утопал.

У бывшего генерала были резкие черты и клювообразный нос. Несмотря на худобу, лицо его было багровым. Я прямо видела, как в гневе он краснеет ещё сильнее.

Надпись на коричневой куртке гласила: «ЭЛИТНАЯ СЛУЖБА ОХРАНЫ МИЛОВНИЧИ». На его лице и одежде не осталось живого места от плевков и отпечатков подошв.

И это великий генерал Миловничи? Он выглядел ничтожно. А близнецы? Точная копия тех, что мы видели в другом лагере, с таким же перевёрнутым изображением карты над ними.

— Разобраться с воплощениями должен ты, Жнец, — сказал Джек, — чтобы люди увидели, на что вы способны.

Арик недовольно бросил:

— Мы тебе не клоуны.

И мысленно добавил:

— *Всю жизнь я скрывал эти способности.* —

— Пока я их командир только на словах. Эта армия может как навести порядок, так и наоборот. Чем больше в мире порядка, тем безопаснее для Эви. Либо ты тоже стремишься к этому, либо нет.

Нас окружало всё больше людей.

Раздраженно выдохнув, Арик снял рукавицу. Он прикоснулся покрытой символами рукой к лицу каждого двойника, и по ним разошлись чёрные линии.

Вспоминал ли Арик родителей каждый раз, когда убивал своим прикосновением? Я слышала, что он предпочитал убивать противников именно так. Возможно, это его Прикосновение Смерти служило той же цели, что и татуировки: напоминало о трагедиях прошлого.

Когда тела воплощений оцепенели, по толпе прокатились удивленные вздохи.

Возможно, Джек и привык ко всеобщему вниманию, но Арик под их взглядами чувствовал себя неловко. Неужели всегда невозмутимый и уверенный в себе рыцарь умел стесняться? Эта мысль вызвала у меня нежную улыбку... даже несмотря на то, что в это мгновение двойники перестали дышать.

Толпа загудела.

— Так вам и надо.

— Горите в аду.

— Это они ещё легко отделались...

Родриго кашлянул:

— Эм, сэр, что будем делать с Миловничи?

— Теперь его зовут Майло, — объявил Джек, — у моего соседа была енотовая гончая по кличке Майло. Бешенством заразилась. Пришлось усыпить.

Раздались робкие смешки.

Смерть поднялся и натянул рукавицу:

— *Умно. Лиши человека имени, которого боятся...* —

Арик наблюдал за Джеком с первого дня нашего пути. Но сегодня он изучал его с особым интересом, словно только теперь счёл своего соперника *достойным* внимания.

Жажда знаний Арика; любознательность Джека. Так уж ли они различились в этом плане? Джек сказал Родриго:

— Отнесите старину Майло вместе с телами обратно в палатку. Я собираюсь с ним немного побеседовать.

— Так точно, — с едва сдерживаемым ликованием он приказал солдатам унести всех троих, однако добавил, — может, наденете перчатки?

— Это не заразно, — сказал Джек.

Арик удивился.

— *Время от времени он меня даже слушает.* —

— О, разумеется, сэр, — сказал Родриго, — следуйте за мной.

Пробираясь сквозь толпу, Джек принимал рукопожатия и благодарности. К тому моменту, как мы вошли в палатку Майло, тот уже был привязан к стулу и готов к допросу. Воплощения лежали на груди дефицитных опилок.

Родриго сообщил:

— Есть ещё около тридцатки приверженных ему наёмников. После долгого сопротивления нам удалось их схватить. Что прикажете с ними делать? Расстрелять?

Я нахмурилась.

— Как обычно делал Майло?

— Non. Но они будут наказаны.

Арик оперся о стол Майло.

— И как же ты поступишь, смертный? Твое руководство будет жестким? Или милосердным? — к этой теме он был явно неравнодушен, еще бы, ведь его любимой книгой был *«Государь»*^[29], — если ты собираешься стать лидером, то решения, принятые сейчас, могут повлиять на всю твою дальнейшую жизнь.

— Думаешь, я этого не понимаю? — Джек повернулся к Родриго, — вывезите их за пятьдесят миль от лагеря без обуви и тёплой одежды. Дайте каждому карту, ведущую к пяти походным рюкзакам.

— Будет сделано, сэр.

Родриго вышел.

Арик изогнул губы в ухмылке, его взгляд оживился.

— Большинство из них перебьют друг друга ещё до того, как доберутся до цели. Хотя я сильно сомневаюсь, что там на самом деле *будут* какие-то рюкзаки.

Джек открыл было рот, чтобы ответить, но передумал:

— Это дела военных, тебя они не касаются.

В просторной палатке стоял безупречный порядок, кроме пространства вокруг стола Миловничи. На земле валялись книги, ручки, бумаги, и разбитая рамка с фотографией его ненормальных детишек. Здесь он, видимо, и отключился.

— Думаешь Милов... то есть *Майло*, сдаст своих же детей?

Джек подошёл к нему поближе, ненависть отпечаталась в каждой линии его тела.

— Он выложит всё. Уж я постараюсь, чтобы пытки близнецов показались ему любовными ласками.

Я удивлённо уставилась на Джека. Такой безжалостный. Непреклонный. Как же далеко он ушёл от пристрастившегося к выпивке парня, которому после Вспышки ни до чего не было дела.

А ведь Селена предупреждала, что Джек изменился. Да уж. Ещё как.

Он отвесил Майло оплеуху.

— Просыпайся, ты, fils de putain.

Тот даже не шелохнулся.

Тем временем Арик опустился на колени и поднял с земли тяжелую черную книгу.

Смахнув с обложки опилки, он положил ее на стол.

Это привлекло моё внимание.

— Что это у тебя?

Оставив мой вопрос без ответа, он перевернул первую страницу. Пожелтевший лист был заполнен рукописным текстом. На языке, которого я не знала.

Сияющий взгляд Арика осветил страницу.

— Боги всемогущие.

— Что это?

— Хроники, — он повернул ко мне сияющие глаза, — Хроники Любовников.

— *Что здесь происходит?* — брызгая слюной, прорычал Майло. Наконец-то пришел в себя.

Джек опустил занесённую для удара руку:

— Посмотрите-ка кто проснулся.

Майло оторопело выпучил блёклые глаза:

— Я знаю кто ты! Небезызвестный охотник! Что тебе от меня нужно?

— Твои детки, — ответил Джек, — настоящие. И ты выведешь нас на них.

Услышав торжественные выкрики с улицы, Майло оторопел ещё больше. Он оскалил пожелтевшие зубы.

— Этого не может быть, мои солдаты мне верны! Они снова возьмут контроль в свои руки, — пытаюсь выпутаться из веревок, он выкручивал руки с длинными желтыми ногтями — и тогда...

— Считай, что твои приспешники уже не жильцы на этом свете. Точно как и близнецы, — Джек кивнул на тела воплощений, — по крайней мере их подмена.

— Черные линии — отметка Смерти, — растерянно повертев головой, Майло уставился на Арика.

Откинувшись в кресле за генеральским столом, он переплёл пальцы над открытой книгой.

Бросив на неё беглый взгляд, Майло сразу же намеренно отвел глаза. Неужели надеялся, что мы не сообразим, что попало к нам в руки? В кои-то веки нам улыбнулась удача. Книга не была ни спрятана, ни заперта в сейфе Майло. Поскольку он и был летописцем Любовников. И когда ёмкость с газом попала в палатку, как раз заполнял страницу. Последнее слово так и осталось недописанным.

Плохая новость? Записи велись на древне-румынском. Хорошая? Арик сказал, что со временем сможет их перевести.

— Смерть не должен быть здесь. Вы нарушили уговор! — рявкнул Майло.

— Твои дети нарушили его первыми, — отозвалась я.

— Ты?!

Как я и предполагала, лицо Майло ещё больше побагровело. На меня никогда ещё не смотрели с таким презрением.

— Я с рождения знал, кто виновен в столетиях бед нашего рода — Императрица. Вот и она.

— Я понимаю обвинения, касающиеся прошлой игры. Но винить меня и за все последующие столетия это уж слишком.

Он посмотрел на мой венец из роз и гадливо поморщился.

— Если бы не твоё предательство Герцог и Герцогиня Самые Извращенные стали бы победителями. Властителями. Нет, бессмертными богами! Они оберегали бы это семейство и бесконечно его обогащали. Каждое поколение знает, что всё это отняла у нас ты. Наш род возвращен на мести!

Значит, с каждым поколением Миловничи становятся все более обозленными моим предательством? Все больше повернутыми на этой идее.

— Мои дети исправят несправедливость. Они — возмездие. Выиграв эту игру, они

смогут наказать тебя во всех последующих, — он обнажил желтые зубы, — наслаждайся своими последними деньками, вероломная сука!

Со всей силы Джек вмазал ему по лицу.

Закряхтев от боли, тот долго пытался прояснить зрение.

— Поговорим лучше о твоих детишках, Майло. Мы хотим связаться с ними, чтобы сообщить о предстоящем обмене заложниками.

— Они не станут на меня никого менять.

— А на свои хроники?

Арик спрятал книгу в непромокаемый чехол, который нашел рядом.

Ярость Майло достигла крайней точки.

— Вор! Ты не имеешь на нее никакого права!

— Не отвлекайся от темы, — от очередного удара голова Майло откинулась назад, — твои дети. Где они?

— Я *ничего* тебе не скажу!

Джек только ухмыльнулся. Хотя я знала, что Майло получает по заслугам, но не хотела видеть, как его пытаются. Особенно, как это делает Джек.

К тому же красной ведьме могло прийти по душе подобное развлечение.

Я взглянула на Джека.

— Эви, тебе не обязательно здесь находиться, — Арик встал из-за стола с книгой в руках, — пойдём, я выведу тебя на улицу.

Выходя из палатки, я услышала, как Майло сказал Джеку:

— Помню твою прелестную сестричку. Винсент рассказывал, как ей нравилось умолять на французском.

Раздался истошный крик. И хотя меня пробрала дрожь, для красной ведьмы он прозвучал как музыка.

Я присела на скамью. Неподалеку, на привязи стоял Танатос, одним своим видом нагоняя ужас на прохожих.

После очередного вопля Майло, Смерть, позвякивая шпорами, начал расхаживать из стороны в сторону.

— Если смертный не сможет держать себя в руках, у него ничего не получится. Пытать не так просто, как кажется, Дево хоть знает, как поддерживать жертву в сознании во время пыток? Избегает крупных артерий? Это надо уметь.

— Хочешь вернуться в палатку?

— Чем скорее мы вернем Селену для Дэво, тем скорее ты вернёшься со мной домой.

Я хотела было возразить, но решила, что не стоит зря сотрясать воздух, и махнула в сторону палатки.

— Тогда ступай.

— Никуда не уходи и будь настороже. Здесь могли остаться еще сторонники Миловничи.

Он вернулся в палатку.

В перерывах между воплями Майло я слышала, как люди шептались о Джеке, Арике и обо мне. Группа женщин обсуждала «жутко-сексуальный» кайджанский акцент охотника и «стальной» взгляд его серых глаз. Арика они сочли «ужасно прекрасным».

Во мне вспыхнула ревность к ним *обоим*. Джека я и раньше ревновала к Селене, но Арика нет. Стоило лишь на секунду представить, что он целует другую... Я выпустила когти.

А что обитатели северной АЮВ думали обо мне? Мужчины находили меня «пугающей», и тем не менее «несомненно привлекательной». Женщины? «Какая она жуткая», «Видели этот стебель, извивающийся у неё над головой?»

И всё-таки каждому проходящему мимо человеку я приветливо улыбалась. Они вежливо кивали в ответ, но смотрели на меня с опаской.

Я вздохнула. Всего какой-то год назад я училась в школе и без труда заводила друзей.

Вдруг до меня донёлся отрывок разговора... о Джеке. Это был голос Родриго?

Я подкралась поближе и начала подслушивать. Он рассказывал другому солдату, как прошлой ночью охотник в одиночку уложил десяток Бэгменов с помощью одной лишь монтировки.

И это после того, как Джек пообещал мне больше не подвергать себя неоправданному риску? Черт. Возьми.

Я прервала их беседу:

— Родриго, можно тебя на минуточку?

Видимо, было в моём голосе что-то, от чего второй парень мигом умотал.

Родриго неуверенно сглотнул:

— Конечно.

— Когда ты говорил о Джеке, ты ведь немного преувеличил? Правда?

— Нет, мэм, — сказал он, несколько расслабившись, — не поверив слухам о Дэво и Бэгменах, некоторые военные сказали ему: докажи или хорош трепаться. И он на моих глазах бросился в самую их гущу. Этот парень не знает страха.

Не успел Джек дать мне обещание, как тут же его и нарушил.

— Спасибо. Эм, возвращайся к своим обязанностям, солдат.

Когда он, растерянно улыбнувшись, отошёл, я достала из кармана коралловую ленту. Почему Джек считает, что может подвергать себя такому риску? Может, он действительно жаждет смерти?

Когда Джек вслед за Ариком вышел из палатки, я решила ничего ему не говорить. Пока. Мы были так близки к освобождению Селены; ничто не должно было этому помешать. Ни мой гнев, ни его безответственность.

— Ну и?

— Этому человеку нравится пытаться других, но сам терпеть пытки он не способен, — Джек потер ладонью подбородок, костяшки его пальцев были окровавлены, — он сказал, что близнецы во взрывоустойчивом бункере.

— Это около дня пути к северу отсюда, — добавил Арик, — высоко в горах. Добраться туда можно только на лошади. Это место они называют Обителью.

Но ведь Майло мог и солгать.

— Ты веришь его словам?

— Ouais. Моё чутьё подсказывает, что, выплевывая зубы, желтые как жвачка Chiclets, он выдал правду. И мы можем это проверить, — Джек отстегнул от ремня рацию, — глушители уже выключены. Как насчёт связаться с бункером близнецов?

Я могла ошибаться, но мне показалось, что он спросил не только меня, *но и Арика*.

— Давай.

Когда Джек нажал на вызов, я затаила дыхание.

И с ужасом выдохнула, когда мы не получили ответа.

— Уже и не помню, когда в последний раз наблюдал такое зрелище.

В дверном проеме ветхой придорожной церквушки, ставшей нам пристанищем, вырисовался освещенный молниями силуэт Арика. В ночном небе сверкали грозовые разряды.

Джек внутри осматривал взрывчатку, изъятую из армейских запасов. Майло был связан и прикован к грубо сколоченной церковной скамье. Я же присоединилась к Арику поглазеть на фейерверк.

Мы наткнулись на эту одинокую уцелевшую церковь после многих миль пути под безжалостными шквальными порывами и решили вознаградить себя и лошадей несколькими часами отдыха.

Рядом раскинулось кладбище с покосившимися обугленными надгробиями, такими же чёрными и жуткими, как броня Арика. Ступив сюда впервые, он остановился среди крестов, могильных плит и памятников и медленно втянул носом воздух, словно оказался дома. Я удивленно подняла бровь.

— Мне нравятся церкви, — сказал он с усмешкой, — а кладбища еще больше.

Даже несмотря на то, что Арик назвал своего коня Танатосом и снял доспехи с покойника в могильном склепе, я никогда не считала его таким уж... любителем смертельной атрибутики.

Это не отталкивало меня. Напротив, я даже считала это его увлечение притягательным, ведь оно было частью его сущности.

Небо прорезала особо мощная молния.

— Могу поклясться, что это Башни рук дело, — задумчиво произнёс Арик, — в прошлых играх он был в этом силен.

— Могу только представить.

На благородном расслабленном лице Арика проступила светлая однодневная щетина. Молнии отражались в янтарных глазах, наполняя их звездным сиянием.

Глядя на него, я понимала, что чувства мои становятся всё глубже. Возможно, я и правда могла бы в него... *влюбиться*.

По-настоящему влюбиться.

— Башня обеими руками метал копьё вперемешку с молниями, — продолжал Арик, — при первой нашей встрече я был заморожен этим действием. К своему несчастью. Мне было шестнадцать, в игре я был новичком.

Сразу после ухода из дома. После того, как его родители... Я вздрогнула.

Он сразу спохватился.

— Ты замерзла. Давай вернемся к огню.

И провел меня внутрь.

В крыше церкви было несколько дымоходных отверстий. Под одним из них Арик с Джеком разложили костёр. Порой мне казалось, что они почти поладили.

Не обменявшись ни единым словом, они вместе разобрали церковную скамью на дрова и разместили лошадей. С мечом и арбалетом прочесали округу на наличие Бэгменов. Словно по негласной договорённости они отбросили свою вражду, представ перед Майло сплочённой командой.

Их взаимоотношения менялись. Это началось с совместного штурма логова работорговцев и продолжилось с победой над Северной АЮВ. Общее презрение к Майло будто, притупляло их ненависть друг к другу.

Были ли они до сих пор смертельными врагами? Бесспорно. Но теперь убийство друг друга не доставило бы им столько удовольствия, как раньше.

— Не хотелось бы отрывать тебя от зрелища, — сказала я Арику.

— Мне уже не терпится приступить к переводу, — он подвёл меня к костру и усадил напротив Джека.

Поджав под себя ноги, я протянула озябшие руки к огню. Я почти физически ощущала на себе ненавидящий взгляд двух блёклых глаз с разукрашенного синяками лица Майло. Он сжимал связанные руки, словно норовил меня задушить. Удачи тебе со сломанными-то пальцами.

— Императрица, ты, видно, не знаешь, — из-за распухших губ и отсутствия некоторых зубов он говорил невнятно, — что путешествуешь с тем, кто *убил* тебя в прошлой игре! Он тебя обманул!

— Не угадал. Я все знаю. Он меня обезглавил. Что дальше?

Я старалась говорить равнодушно. Хотя к нашей истории я могла относиться как угодно, только не равнодушно.

— Тогда ты еще глупее, чем я думал.

Арик в мгновение ока оказался рядом с ним.

— Я же предупреждал, Майло. Забыл? Не смей говорить с ней, если не хочешь, чтобы твои яйца оказались под лошадиными копытами.

— Скоро она познает такие мучения, которых никогда...

Смерть покачал головой с такой угрозой, что Майло сразу заткнулся. По крайней мере со мной он больше не заговаривал. Как только Арик отошёл, он сразу же переключился на Джека.

— Сколько бы взрывчатки ты у меня не украл, Обитель разрушить всё равно не удастся.

— Non? Не слишком ли смелое заявление для человека, связанного по рукам и ногам?

Когда мы выезжали из лагеря, столь унижительное положение бывшего командира АЮВ порадовало солдат. Ну точнее, всех, кроме его плененных приспешников, готовящихся преодолеть собственный путь испытаний.

Для Майло Джек выбрал одну и из лучших в армии лошадей. Он хотел, чтобы на обратном пути на ней ехала Селена.

Настолько он был уверен, что мы спасём её и что она сможет держаться в седле. Мне же приходилось раз за разом отгонять мысли о том, что Любовники могли с ней сделать...

Арик достал хроники из непромокаемого чехла. Он сел рядом со мной, облокотившись о стену. И с предвкушением открыл первую страницу.

— Вор! — покрытое кровоподтеками лицо Майло, стало пунцово-красным. — Ты взял то, что тебе не принадлежит! Ты не имеешь права!

Майло искренне мнил себя пострадавшей стороной. Арик для него был вором, я — вероломной сукой, обидчицей рода, Джек — бунтарём.

Так и не дождавшись от Арика ответа, он продолжил:

— Избавь себя от лишнего труда — тебе никогда их не прочесть.

Арик, не поднимая глаз, перелистнул страницу:

— Неужели?

— Они написана на древнерумынском.

Каким-то образом выражение лица Майло одновременно было и взбешенным и самодовольным.

— Я говорю на древневенгерском, а у этих языков общие корни.

Еще одна перевернутая страница.

Самоуверенности у Майло поубавилось.

— Хочешь знать, о чем они? Это Манифест Возмездия, передающийся от одного поколения к другому. Призванный снова и снова разжигать нашу ненависть к Императрице.

— А я-то надеялся на художественную литературу, — сказал Арик, — запомни, рано или поздно я переведу каждую страницу этих каракуль.

— Рано или поздно? Да ты и завтрашний день не переживешь. Мои дети вырвут наши хроники из твоих окоченевших рук.

Джек ухмыльнулся.

— Значит, мы *движемся* в верном направлении?

— То, что я раскрыл местонахождение близнецов ещё ничего не значит. Вы всё равно не сможете туда прорваться.

— Открыть бункер будет не так просто, как, скажем, увести войско у тебя из-под носа. Но мы и с этим справимся. Утром мы позавтракаем продуктами из твоих запасов, ну и выпьем тоже. Я уже позаимствовал виски с твоего стола, — Джек достал из рюкзака бутылку, — двадцатипятилетней выдержки? Ммм...

— Угощайся, охотник. Это будет твой последний завтрак.

Чем больше Майло злился, тем сильнее у него на лбу проступали вены. Он ведь привык внушать страх; я же в его присутствии чуть ли не зевала.

— Завтра ты умрешь.

— Где-то я это уже слышал, — протянул Арик, — но тем не менее...

Вернувшись к осмотру взрывчатки, Джек принялся разглядывать опасного вида детонаторы.

— Любишь бросаться угрозами, Майло? Все слабаки это любят.

Арик поднял глаза.

— На протяжении многих столетий я убеждался в этом снова и снова. Помню, Филипп II как-то написал спартамцам: «Если я войду в Лаконию, то сровню Спарту с землей». И знаешь, как они ответили? Одним словом: «Если».

Джек оторвался от своего занятия и поднял голову. Я готова была поклясться, что он пытался запомнить эту историю.

— Мои дети будут царствовать над этим миром, как бессмертные победители. Совсем не так, как ты, Жнец! — Майло сплюнул кровавый сгусток, — вот что ты сделал, как сильнейший среди Арканов?

— Хм, — заинтересованность, новая перевернутая страница, — а что я, собственно, должен был сделать?

— Весь мир мог упасть к твоим ногам. Почитать тебя, поклоняться твоей божественной природе.

— Как показывает опыт, Арканы, выявившие свои тайные силы, заканчивают плохо. И всё же я немало преуспел. Кто не слышал о Смерти с косой? А насчёт почитания? Люди повсеместно молятся у могил и склепов. Кладбища являются священными. Выгляни за дверь. Что осталось после Вспышки? Памятники воздвигнутые смерти.

— Ты мог бы получить намного больше. Править миром как Бог. Обогащать свой род.

Ты мог бы сеять страх, как мои близнецы будут сеять разрушение.

— И чему же в твоих грезах после победы близнецов поклоняется человечество?

— *Любви*. Самой разрушительной силе во вселенной.

Тошнит уже от этих слов.

— Они преобразуют мир по своему представлению и населят его воплощениями. Со временем мои дети будут контролировать всё и вся. Побеждая игру за игрой, они будут жить вечно!

— Нет, не будут, — сказал Арик, — мы собираемся предать их смерти. Но ради тебя я непременно внесу свежую информацию в ваши хроники.

Майло криво ухмыльнулся:

— Вы уже видели, как мои дети любят ни в чём не повинных жертв. А теперь представьте, что они приготовили для вероломной Императрицы, пытавшей их.

Моё терпение лопнуло.

— Он уже достал!

Я начала искать глазами кляп.

Майло повернулся к Джеку.

— Они будут любить ее с еще большей страстью, чем твою прелестную сестричку Клотиль. Маленькую французскую голодранку.

Джек бросился к Майло. Но Арик оказался быстрее. Он рывком поставил мерзавца на ноги и толкнул к двери.

— Ты заплатишь, Императрица! — крикнул Майло у него из-за спины, — Некоторые создания теряют хвост, чтобы спасти свою жизнь. Вот увидишь! Мы — возмездие!

Джек смотрел ему вслед, тяжело дыша и крепко стиснув зубы.

— Всё в порядке? — тихо спросила я.

Он перевёл взгляд с двери на меня:

— Будет, — он глубоко вдохнул, — завтра.

Я уже собиралась спросить, расскажет ли он когда-нибудь, что произошло с Клотиль... и с ним самим... но он отвернулся, схватил свой рюкзак и потянулся за бутылкой.

Он откупорил её, сделал долгий глоток и ярость в его взгляде чуть поутихла.

Через некоторое время Арик вернулся уже один.

— Что ты сделал с Майло? — спросила я.

— Я привязал его рядом с Танатосом. В непосредственной близости к его заточенным копытам, — он взмахнул намокшими волосами, — ничего не могу обещать.

— Мы могли бы просто заткнуть ему рот кляпом.

— Это будет первая ночь Майло на холоде после Вспышки. Думаю, ему не помешает прочувствовать это на своей шкуре, — сказал Арик и с ироничной улыбочкой добавил — к тому же в его присутствии ты пахнешь розами, а это меня слегка *напрягает*.

Теперь мы подшучиваем над прошлой враждой? Не рановато ли?

Арик снова взялся за хроники.

— Сколько времени займет перевод? — спросила я.

— Кое-что я уже прочитал, — с книгой в руках он подошёл о мне и присел рядом, — они знают, что твои силы имеют привязку, что в отсутствии растительности и солнечного света ты слабеешь.

Я взглядела в ночь. Нескончаемую ночь. Возможно, даже при всём желании я *не смогу*

полностью разбудить красную ведьму.

Джек сел по другую сторону от меня и предложил выпить.

Да пошла она к чёрту. *Пошло всё к чёрту. Огонь. Дыхание перехватило.* Я протянула бутылку Смерти.

Арик скорчил гримасу:

— А я не умру, если выпью после Жнеца?

— Как не прискорбно, — Арик поднёс бутылку к губам, — но нет.

Он передал бутылку из своих облаченных в рукавицы рук Джеку.

То, что Джек пил после Смерти было неким показателем доверия. Но, конечно же, в силу соперничества, кайджан просто обязан был подержать бутылку у рта подольше Арика.

— И всё-таки Майло прав, — Джек передал выпивку мне, — вскрыть бункер будет чертовски тяжело. У меня есть боеприпасы, но взрывозащитная дверь для того и предназначена, чтобы противостоять им. Если нам не удастся загнать взрывчатку под металл, ничего не получится.

Пригубив виски, я спросила:

— Почему нет?

— Это как бросить динамитным патроном в шар для боулинга. Он просто отскочит. А если запихнуть его в шар? Бабах!

— Может быть, завтра близнецы ответят, — весь день мы пытались связаться с ними по рации и через Арика, но тщетно, — возможно они встретят нас.

Я хранила надежду, что им есть хоть какое-то дело до отца, но всё же сильно в этом сомневалась. Мы даже использовали хроники как приманку. И ничего.

— Ouais, peut-être, — да, может быть. По тону Джека было понятно, что он тоже не возлагает на это больших надежд.

Я обратилась к ним обоим:

— Раз мы уже и так нарушили все возможные правила «игры» близнецов, так почему бы не позвать на помощь остальных Арканов?

К моему удивлению Арик спрятал хроники. Неужели предпочёл распивание виски у костра изучению и размышлениям?

— Из-за наставлений Дурака. Он сказал, что спасти Селену должны мы *втроём*.

Как же я могла забыть, что нахожусь у судьбы под прицелом?

Джек повернулся к Смерти.

— Мне понравилась история про спартанцев. Это правда?

— В таком виде я услышал ее в те времена.

В те времена. Давным-давно. Он тогда уже *жил на свете*.

Присущая Джеку любознательность побудила его спросить:

— Каково это — прожить тысячи лет?

Уставившись в пламя, Арик ответил:

— Бессмертие — сущий ад.

Эти слова ранили меня прямо в сердце.

— В мире есть еще бессмертные?

— Никогда не встречал.

Бутылка снова пошла по кругу. Я не могла поверить, что эти двое так долго разговаривают... без драки. Я боялась даже слово сказать, чтобы всё не испортить.

Затем Арик спросил Джека:

— Как ты научился так хорошо разбираться в людях?

Неужели при всех своих силах Арик хотел ещё и такую способность? Все эти годы он наблюдал за смертными и лишь изредка вступал с ними в общение.

Джек нахмурился.

— *Nécessité*^[30], — отхлебнул, передал бутылку, — та история о твоих успехах правда?

Краем глаза я поглядывала то на одного, то на другого. Напряжение между ними немного спало.

— Истинная. Я сходил с ума от галлюцинаций, пока не нашёл тот склеп.

— Значит... боги на самом деле существуют?

Арик кивнул:

— Они и создали игру. Им просто стало скучно.

Поскольку он не спешил вдаваться в подробности, в разговор вынуждена была вступить я:

— И? Что случилось, когда им стало скучно?

— Хочешь узнать, как всё начиналось?

— О, да.

Я протянула ему бутылку.

— Хорошо, — отпив, он передал её Джеку, снова пуская по кругу, — богиня колдовства задумала устроить смертельную схватку между избранными смертными. Она предложила другим божествам послать представителей из самых влиятельных домов, обязательно подростков. Правая рука каждого из них была отмечена символом своего бога.

Моё сердце забилося сильнее... одним из этих подростков была я.

— Игроки должны сражаться в *Tag Ro* — поле боя, не ограниченном пределами государств, собирая символы ими поверженных. И только игрок, собравший все символы, покинет *Tag Ro* живым. Боги, естественно, сжульничали и одарили своих представителей сверхчеловеческими способностями. *Тайными* способностями. Вот поэтому мы и зовёмся Арканами^[31].

— *Nail Tag Ro*, — прошептала я, — это сказала мне Верховная Жрица.

— Старинное приветствие. Она неплохо осведомлена об игре. И уважает традиции прошлого.

Вряд ли с ней стоит заводить разговор об окончании игры.

— Зачем боги дали нам позывные?

— Из-за нехватки глашатаев? — арканский юмор.

— Я видел твою руку, — сказал Джек, — в этой игре ты уже убил четыре карты?

Убил. Но он ненавидел это делать. Я наспех соображала, как бы сменить тему разговора.

— Четыре, — ответил Арик.

Как устало прозвучало это единственное слово.

— Мрачный Жнец, которому опостыло пожинать, — отметил прозорливый Джек.

Лицо Арика осталось непроницаемым.

— Уничтожать каннибалов или работорговцев это одно, а Арканов совсем другое. При других обстоятельствах я бы предпочёл этого не делать.

Передавая мне бутылку, Джек, казалось, задумался над его словами.

— А ты веришь, что игру можно закончить?

— В прошлом мне не удалось это сделать. Но это еще ни о чем не говорит.

Арик мысленно обратился ко мне:

— *По крайней мере я очень заинтересован в это верить.* —

Потому что он хотел забрать меня обратно в свой замок потерянного времени. Завести со мной детей. Прожить долгую жизнь, но никак не бесконечную. В ответ я протянула ему бутылку.

И после всех увиденных мною бед этого мира — чумы, каннибалов, порабощенных женщин и девушек — стоило ли от этого отказываться?

Дело было даже не в игре. Мы охотились за Любовниками не только из-за Селены, но и из-за всех замученных ими невинных людей.

Не должна ли я в этой игре искупить вину за все содеянное в прошлых жизнях зло?

— Некоторые карты должны быть уничтожены несмотря ни на что, — Арик сжал свободную руку в кулак, он имел в виду Императора? — они никогда не согласятся на перемирие. Как, например, Любовники.

— Ну этим двоим недолго осталось.

Джек рассеянно потёр повязку.

— Тебе не обязательно носить их метку, смертный.

Джек нахмурился:

— Как будто у меня есть выбор.

— Выжги на её месте что-то другое. Другую фигуру.

После недолгих раздумий, во время которых Джек, видимо, взвесил и одобрил это предложение, он сказал:

— А тебе-то какая разница?

Арик сделал большой глоток.

— Если бы ты знал, что Любовники на самом деле хотят сделать с Императрицей, то сам пожелал бы избавиться даже от малейшего напоминания о них.

Стоя на холме, я смотрела вниз на долину заражённых чумой. Рядом был Мэтью. Последнее, что я помнила, как виски ударило в голову, и я заползла в спальный мешок. А теперь со мной был мой друг.

— Я соскучилась. Тебе уже лучше?

Сколько сил он истратил на это видение?

— Лучше.

Он был уже не настолько бледен. Одет в распахнутое пальто поверх футболки с космическими мотивами.

— Рада слышать это, дорогой. Зачем ты привёл нас сюда?

— Сила — твоё бремя.

Я посмотрела на мёртвые тела

— Я чувствовала её тяжесть, когда убивала этих людей.

— Препятствий всё больше.

— Каких? — над долиной завыл ветер. — Бэгменов, работоторговцев, ополченцев, или каннибалов?

Он поднял палец:

— Сейчас их пять. Шахтёры наблюдают за нами. Выжидают.

— Шахтёры это ведь те же самые каннибалы, да?

Он раздосадовано переминался с ноги на ногу:

— *Шахтёры*, Императрица.

— Хорошо, хорошо, — я положила руку ему на плечо, — вы с Финном в безопасности?

Он свёл брови и отвёл взгляд:

— Удар и падение, безумие и поражение.

Я проследила за его взглядом. Мы словно наблюдали закат солнца. Не было ни чумы, ни смерти.

— Ты уже говорил это.

— Сколько всего тебе ещё предстоит познать, Императрица. Остерегайся неактивной карты.

Сила одного из Арканов не раскроется, пока он, или она не убьёт другого игрока.

— Кто это?

— Если хочешь узнать — не спрашивай.

Естественно, я не могла сдержаться от расспросов, но он меня перебил:

— Ты веришь, что я могу заглянуть в будущее? — он пристально взглянул мне в глаза. — Веришь, что я вижу непрерывную нить, тянущуюся сквозь вечность? Сотни лет назад я сказал Императрице, что она переродится в мире пепла, лишённом растительности. Но она мне не поверила.

Не трудно было понять почему Повелительница Растений, или Королева Мая, окружённая зеленеющими полями и посевами, усомнилась в словах Мэтью.

— А ты поверишь, если я скажу, что грядут тёмные времена?

— Поверю. Уже верю. Пожалуйста, скажи, что произойдёт. Насколько тёмные?

— Темнее быть не может. Сила — твоё бремя; *знание* — моё, — в его глазах, во всем выражении его лица читалась мольба, — постарайся меня не возненавидеть.

Я нежно обхватила ладонями его лицо.

— Даже когда я очень злилась на тебя, всё равно не чувствовала ненависти.

— Запомни. Мэтью лучше знает.

Точно так же говорила его мать, когда пыталась его утопить: «*Мама лучше знает, сынок*».

Я опустила руки:

— Ты меня пугаешь.

— Ты знаешь, чего хочешь на самом деле? Я вижу это. Я чувствую. *Думай,*

Императрица. *Загляни в будущее.*

Я пыталась!

— Тогда помоги мне. Я готова. Помоги мне заглянуть в будущее!

— Всё не так как кажется. Чем бы ты пожертвовала? На что пошла бы?

— Чтобы завершить игру?

Хриплым голосом он сказал:

— Случится то, чего не представишь и в самых диких фантазиях.

— Что-то хорошее?

Его глаза наполнились слезами.

— Хорошее, плохое, хорошее, плохое, хорошее, хорошее, плохое, плохое, всего хорошего. Ты — мой друг.

— Подожди!

Но он исчез, оставив меня наедине с мертвецами.

Я вздохнула, осмотрелась...

Моё сердце дрогнуло; среди них была *девушка*. Она лежала лицом вниз, а спина ее была пронизана мечами. Десятью.

Она повернула голову. И я увидела себя. Я плакала кровавыми слезами...

Я проснулась от этого пугающего видения, чтобы застать картину не менее пугающую.

Джек стоял на коленях у огня и собирался прижать раскалённый до красна охотничий нож к ране на груди. Арик сидел рядом и наблюдал за ним, словно был впечатлен этим поступком.

Я вскочила с места:

— Что ты делаешь??

— *Prend-lé aisé, bébé.*

Расслабься? Джек что пьян? Рядом валялась пустая бутылка.

— Уж лучше шрам от ножа, чем клеймо близнецов. Я не могу больше его видеть. Его чувствовать.

Я повернулась к Арику:

— И ты считаешь это хорошей идеей?

— Твоего оруженосца она заинтересовала, — он говорил неразборчиво и с сильным акцентом.

Джек показал ему средний палец.

— Пошёл ты.

Я остолбенела. Да они вместе набрались.

Арик пожал плечами:

— Я сделал бы то же самое при первой возможности.

Мне никогда, никогда не понять мужчин. Эти двое презирали друг друга. Постоянно

издевались друг над другом. И всё равно могли действовать заодно.

Я вспомнила о Селене. Тогда я, видимо, и женщин не понимаю. Потому что мы с ней вели себя точно так же.

Джек набрал воздуха в грудь и задержал дыхание. Бесстрашие пылало в его глазах так же ярко, как приближающееся раскаленное лезвие.

Ближе. Красный отблеск отразился на влажной от пота коже и в бусинах четок. Ближе.

Арик кивнул, и Джек поднёс нож к телу.

Прижал. Послышалось шипение, его дыхание стало судорожным.

Джек откинул голову назад и напряг мышцы, но боль переносил беззвучно.

Пока лезвие остывало, казалось, прошла целая вечность. Джек опустил голову и посмотрел мне в глаза:

— Теперь меня с ними ничего не связывает.

ДЕНЬ 378 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

— Эта дверь чертовски прочная, — заметил Джек у входа в бункер.

Арик с силой ударил по металлу кулаком.

— Не меньше трёх-четырёх футов в толщину.

Арик привёл нас сюда через крутые перевалы и извилистые ущелья, отслеживая позывной Селены. Несколько часов назад я тоже начала его слышать: «*Узри Несущую Сомнения*». Звучал так же и зов Любовников. Настоящих.

Я окинула взглядом горы, окружающие Обитель, их обожженные каменистые склоны, укутанные туманом вершины.

— Взрывчатка сработает?

Джек покосился в сторону, где сидел Майло, связанный и с кляпом во рту.

— Non, дверь даже толще, чем я ожидал. Нам нужно как-то вогнуть её под металл.

— Так что же нам теперь делать? — по примеру вьющегося плюща я осматривалась в поисках любых щелей и трещин, — войти мы не можем, заставить их ответить тоже.

Они по-прежнему игнорировали все наши попытки связаться.

Вдруг Арик замер.

— Что случилось?

Он приложил указательный палец к губам и опустил защищенную шлемом голову.

— Зов Лучницы умолк.

У меня внутри всё оборвалось. Я тоже её не слышала.

— Неужели она...?

— Я чувствую, что она жива.

— Ты говорил, что зов может стихнуть не только в случае смерти. Когда же ещё? — мои глифы вспыхнули. — Какая другая причина?

Арик помрачнел.

— Когда Аркан входит в ступор.

Джек едва слышно выругался.

— Не понимаю, — я переводила взгляд с одного на другого, — она в плену у близнецов уже несколько дней. Почему это случилось только сейчас?

— Видимо, что-то стало последней каплей, — сказал Арик.

— Или она столкнулась с очередным ужасом, — Джек взялся за голову, — я тоже чуть не тронулся умом, когда увидел тот ворот.

— То есть у неё повредился рассудок? Вот чёрт! Нам нужно попасть туда немедленно.

— Значит, я всё-таки испробую взрывчатку, — Джек метнулся к своему коню и достал из рюкзака боеприпасы: комплект детонаторов и несколько брусков пластичной взрывчатки.

Пока он минировал дверь, я беспокойно расхаживала взад-вперёд. Арик погрузился в раздумья.

Через несколько минут Джек взял в руки детонатор.

— Не слишком обнадёживайтесь. Заряд такой силы не вышибет даже дверь толщиной в фут.

— Тогда я выращу лозы, чтобы сделать подкоп, — я же хотела с помощью своих сил

помогать тем, кто попал в беду, а *Селена* сейчас как раз очень нуждалась в помощи, — или попробую обтесать скалу шипами. Прорвёмся как-нибудь!

Я подняла руки и уже собиралась полоснуть когтями по ладоням.

— Подожди, Императрица, — тихо сказал Арик, — я могу нас провести.

Джек закатил глаза, но всё-таки спросил:

— Серьёзно?

Арик кивнул.

— Я мог бы подорвать её с помощью кое-чего гораздо более мощного. И очень древнего.

— Так сделай это, — я сжала защищённую латной рукавицей руку, — как сказала бы *Селена*, давай побыстрее обчистим их и доставим её домой.

— Её? Или *нас*? — *Смерть* выдернул руку, — ты не понимаешь. Я не стану тобой рисковать. Ни за что. Мы не с обычными Бэгменами, или смертными собираемся встретиться лицом к лицу. А ты так ещё и не научилась призывать красную ведьму.

Джек нахмурился.

— Ты рассказала ему про красную ведьму?

Пропустив эти слова мимо ушей, я обратилась к ним обоим:

— Здесь может быть ещё опаснее. Возможно, за первой же скалой залегла в ожидании армия воплощений. Опять же, близнецы не собираются убивать меня прямо сейчас. Значит, пока я рядом, и вы будете в безопасности. Не говоря уже о том, что у нас их отец. Они же захотят его спасти.

— Ouais, ты будешь нам живым щитом, — Джек свёл брови, — ещё чего не хватало.

— Мы проделали огромный путь и обязательно её спасем. Арик, ты подорвешь дверь, а ты, Джек, прими к сведению, я иду с вами. Чтобы остановить меня, вам придется меня связать.

— Для них мы — ходячие восемь символов, — процедил Арик, — они будут беспощадными.

Я посмотрела на него умоляющим взглядом:

— *Селена страдает за мои грехи. Ты же, как никто, знаешь, какой я была. Если мы не спасем её, я себе этого не прощу.* —

Но он не уступил. Тогда я снова подняла руки и выпустила когти:

— Как думаешь, сколько крови потребуется, чтобы пробурить дыру в скале?

Он пробормотал что-то по-латышски.

— Знаю я этот взгляд, — Джек сочувственно покачал головой, — не волнуйся, она будет держать тебя за яйца, только пока не добьется своего.

Я опустила руки и расправила плечи:

— Так вы со мной, или я иду *одна*?

Джек поднял руки вверх в знак капитуляции:

— Я с тобой, реекôn.

Я повернулась к Арику:

— Так что же там у тебя?

— Кажется, я не могу тебе сопротивляться.

Он снова пробормотал что-то на иностранном языке, подошёл к *Танатосу* и достал из седловой сумки небольшой тканевый свёрток.

В Джеке разыгралось любопытство. Впрочем, как и во мне.

Арик осторожно развернул края свертка (ткань, конечно же, была чёрной). И, сверкая глазами, показал нам... переливающийся серебристый жезл.

Я ахнула от удивления:

— Это же копьё Джоуля! — на блестящую металлическую поверхность была нанесена гравировка. — Откуда он у тебя?

— Он достался мне от Башни задолго до того, как он стал Джоулем, — безразлично ответил Арик, — вряд ли он был против, ведь сам его выбросил.

Я обеспокоенно поджала губы.

— Но как тебе удалось им завладеть? Ты же мог лишиться руки!

— Я поймал его на лету. Такая вероятность была. Но оно того стоило, — Арик перехватил мой взгляд, — без риска жизнь теряет краски, не так ли?

Джек пристально за нами наблюдал.

— Императрица, ты уже видела этот жезл на полке в моем кабинете. Рядом с коронами поверженных мною монархов, — добавил он, без сомнения для Джека.

Арик столетиями хранил в своём доме эти сокровища. Теперь же одно из них он снял с полки и вынес в мир, потому что сам наконец вышел в мир.

Он больше не был простым наблюдателем. Рыцарь бесконечности взаимодействовал с нами — жил. Арик говорил правду. Он действительно *менялся*.

— Эта вещь бесценна. И всё же ты решил ей воспользоваться?

Он склонил голову:

— Ради тебя.

Расставался ли он со своей драгоценностью только потому, что надеялся на совместную жизнь со мной? А что если я его не выберу? Он снова впадёт в оцепенение? В отчаяние?

— А зачем ты взял его с собой?

Словно по щелчку переключателя взгляд Арика стал ледяным.

— На случай встречи с Императором.

Когда мы спасём Селену, я таки докопаюсь до причин такой враждебности Смерти к этой карте.

— А этой штуковине хватит силы? — Джек перевел взгляд с жезла на дверь бункера.

— Насколько я понимаю, — сказал Арик, — его мощность зависит от силы броска, а я не в пример сильнее Джоуля.

Джек посмотрел на меня взглядом *«ну что ты ему скажешь?»*

— Я всё равно буду целиться в твою взрывчатку.

Волоча за собой Майло, мы отошли футов на сто и спрятались за выступом скалы. Арик вращал копьём, пока оно не вытянулось во всю длину.

Майло, видимо, сообразил, что было в руках у Смерти. Выпучив глаза, он что-то промышчал в кляп.

— Готовы? — Арик обвёл нас взглядом. — Я прикрою Императрицу потому что... на мне броня.

— Давай уже, Жнец!

Он прицелился, выдохнул. Сжал губы и метнул копьё, вложив в бросок всю сдерживаемую ярость.

Копьё пронеслось ровно по прямой. Как пуля.

И прямо перед тем, как оно достигло цели, Арик пригнулся, чтобы меня прикрыть. Прогремел взрыв.

Гора содрогнулась, земля под ногами заходила ходуном. На нас обрушился град камней. Всё вокруг заволочло плотной дымовой завесой.

Получилось?

Дым начал рассеиваться... и нашему взгляду открылась покорёженная дверь. В металле зияла огромная дыра с *оплавленными* краями.

Арик сделал это! Я хотела задушить его в объятиях! Но сдержала свой порыв. Это был лишь первый шаг.

Тем более сам он отнюдь не ликовал.

— Не заставляй меня об этом пожалеть, Императрица.

Мы с опаской подошли поближе. Внутри зловеще мигали красные аварийные лампочки.

Джек в одной руке держал арбалет, а в другой воротник куртки Майло. Арик достал из ножен оба меча. Мои когти сочились ядом.

Мы вошли в проходное техническое помещение со сварной обшивкой. Крупноразмерные болты, громоздкие радиаторы. Серые металлические стены были покрыты повторяющимися надписями в готическом стиле. Яркой оранжевой краской кто-то многократно вывел одни и те же слова:

УДАР ПОРАЖЕНИЕ ПАДЕНИЕ БЕЗУМИЕ

В красном свете мигающих огней эти зловещие слова будто бы двигались. Те же слова, что постоянно повторял Мэтью.

Джек толкнул Майло вперёд.

— Есть лишь один способ проникнуть внутрь.

В помещении не было ни одной двери, только лифт.

Арик окинул его взглядом.

— Похоже на ловушку.

— Идёшь, Жнец? Или ты собрался жить вечно?

— Я бы не советовал этого делать, — Арик повернулся ко мне, — назад дороги не будет.

— А я и не собираюсь возвращаться, — я подошла к лифту, — вряд ли близнецы ожидали, что мы сюда попадём, поэтому могли и не приготовить ловушек. Но пока мы тут треплемся, они вполне могут что-то придумать. Так что нам стоит *поторопиться*.

Я нажала кнопку вызова.

Дверцы разъехались. В кабине тоже мигали лампочки, только люминесцентные.

Арик вложил мечи в ножны и проскочил внутрь первым.

— Дай мне здесь осмотреться.

Через несколько секунд он жестом пригласил меня войти. Следом за нами Джек втокнул внутрь Майло и вошёл сам.

Количество кнопок указывало, что в бункере тринадцать уровней. Нумерация шла сверху вниз. Второй этаж находился под нами.

Так много? Это место напоминало подземный муравейник.

— Может, выведем нужный этаж у Майло под пытками? — Арик вытащил кляп у него изо рта. — Ничего не хочешь нам рассказать?

Времени у нас было в обрез.

— Арик, присмотришь к кнопкам. Повнимательней, — со своим сверхчеловеческим зрением... — ты не мог бы вычислить, какой из них пользовались больше всего?

Он тщательно изучил их взглядом.

— Шестая кнопка самая затёртая. Всё сходится, ведь это номер карты Любовников.

Её он и нажал.

Майло пришёл в бешенство.

— Это посягательство, вы не имеете права! Мы защитники справедливости в этой игре.

Любовь — наша разрушительная сила.

Когда дверцы лифта сомкнулись, Арик пододвинулся ближе ко мне. В мигающем свете огней мы с Джеком обменялись встревоженными взглядами.

Сердце ушло в пятки, когда мы начали медленно спускаться.

— Я — хвост ящерицы. Я — хвост, — неустанно повторял Майло, — меня отбросят, когда нас поймают.

То же самое он говорил и вчера.

Что он имел в виду? Иногда, если ящерица попадает в лапы хищнику, она отбрасывает хвост, чтобы спастись.

У меня округлились глаза.

— Срочно жмите аварийную остановку! Нужно выбираться отсюда!

Близнецы собирались пожертвовать своим отцом. Они загнали нас в *ловушку* уверенности, что я выживу, регенерирую для пыток.

Но Арик смотрел вверх на только что открывшийся смотровой люк.

Там показалась девушка с перевернутым изображением карты над головой.

Клон Вайолет бросила гранату в кабину... и захлопнула крышку люка.

Джек рассказывал мне о гранатах. *Как только ты выдернешь чеку, она тебе больше не друг.*

И большинство из них взрываются в течении пяти секунд.

Одна тысяча один...

Арик с Джеком вместе бросились наперехват. Столкновение. Ругань. При мигающем освещении, я не могла разглядеть, что происходит.

Одна тысяча два...

Майло начал брыкаться, и я полоснула его когтями. Арик поймал гранату.

Одна тысяча три...

Он подпрыгнул вверх, и надавил на дверцу люка с такой силой, что она слетела с петель. Клон Вайолет завопила. Джек обхватил меня руками и прижал к стене.

— Держись.

Одна тысяча четыре...

Арик с криком выбросил гранату в открытый люк. В единственно возможное место. Туда, где находились несущие тросы. *Тормозной механизм.*

Одна тысяча пять...

Взрыв!

Мы... начали стремительно лететь вниз. В свободном падении. Ощущение невесомости вырвало крик из моей груди.

— Я держу тебя, bébé! Мы справимся. Справимся...

Приземление.

Резкий удар. Скрежет металла. Острая боль.

Джека отбросило в другой конец покорёженной кабины. Я каким-то образом удержалась. Сглотнув, я опустила взгляд. Из моего тела торчал кусок металла.

Крышу лифта накрыло лавиной камней и обломков. Вайолет завопила. Снова обвал. Через люковое отверстие на нас посыпались камни, измазанные в крови клона.

Нужно *уходить*. Сдерживая крик, на нетвердых ногах я ступила шаг вперёд.

— Эви! — Джек начал ощупывать меня на предмет травм, — о, боже! У тебя идет кровь?

— Со мной всё будет в порядке. Ты не ранен?

— Non.

— Арик? — позвала я.

— Я в норме. А вот с Майло бывало и лучше.

Он свернулся на полу и стонал от боли. Камнепад не прекращался.

Джек перевел взгляд вверх.

— Нужно выбираться пока нас не завалило.

Арик достал меч, чтобы разомкнуть искореженные дверцы лифта.

— Или пока очередное воплощение не швырнуло ещё одну гранату.

Вырвав дверцу, он бросил ее на пол.

Зажав ладонью рану на боку, я выглянула в тускло освещенное складское помещение. Что это там, поддоны с консервами?

Сквозь грохот падающих камней я услышала рычание. Джек достал из кармана фонарик

и бросил его. Фонарик покатился по полу. Когда он остановился, у меня перехватило дыхание.

Бэгмены. Сотни Бэгменов. Все заклеимённые.

Майло рассмеялся.

— Хвост. Хвост. Теперь хитрая ящерица его отбросит.

С диким рёвом орда бросилась в нашу сторону.

Джек крикнул Арику:

— Помоги ей выбраться!

Пока Арик подсаживал меня к люковому отверстию, Джек схватил Майло и толкнул его к приближающимся Бэгменам.

Несмотря на боль в боку я выползла на крышу и увидела умирающую копию Вайолет, придавленную валуном. Она смотрела на меня с невозмутимой улыбкой, как пассажир отъезжающего поезда. Словно в предвкушении новой встречи. Затем её глаза закрылись.

Сверху снова посыпались камни. И один довольно большой угодил прямо мне в голову. Я пошатнулась. Перед глазами все поплыло, один мертвый клон превратился в четыре.

— Они доберутся до нас, — Джек выхватил свои пистолеты и начал стрелять по Бэгменам.

— Поднимайтесь сюда!

Я думала, что они с Ариком вылезут следом за мной. Рычание становилось все громче.

— Если мы их не остановим, — у Арика в руках блеснули мечи, — они прорвутся на крышу лифта.

Я подняла глаза.

— До верхнего этажа футов тридцать.

Двери лифта на этом этаже вынесло ударной волной. На площадке мигали красные лампочки.

— Выведи её отсюда, Жнец! СЕЙЧАС! — Закричал Джек.

Прежде чем я успела возразить, Арик подпрыгнул и выбрался ко мне. Обхватив мой окровавленный бок, он подвел меня к краю шахты:

— Ты сможешь.

— Смогу *что*?

Он подбросил меня вверх точно к открытому проёму.

Ой ой ой. Я приземлилась прямо на рану, половиной тела повиснув в воздухе.

— Поднимайся, Императрица!

Перебирая ботинками по неровной стене шахты, я пыталась подтянуться, как вдруг голову пронзила резкая боль.

Еще один камень? Перелом черепа? По виску потекла струйка крови. Мои глифы вспыхнули. Собравшись с последними силами, я вскарабкалась в очередное складское помещение.

Снизу доносилось громкое рычание. Выстрелов больше не было слышно. *Джек?*

Я не могла выпустить вихрь из шипов без риска для жизни Джека. Яд на Бэгменов не действовал. Вокруг не было ни живых растений, ни земли, чтобы их вырастить.

Я повалилась на живот и подползла к краю.

— Арик! — я увидела его сквозь пелену стекающей по лицу крови, из которой на полу уже образовывалась красная лужица. — Не бросай его!

После секундного колебания Арик схватился за остаток оборванного несущего троса и

оторвал его от кабины.

— Дэво! — он опустил его в люковое отверстие. — Цепляйся!

— Поймал! Давай, давай! Мать твою, они уже здесь!

Одним резким движением, Арик потянул трос на себя и прыгнул ко мне. Внезапно, его сильно дернуло назад, но он успел ухватиться кончиками четырех пальцев за край пола.

— Смертный за что-то зацепился.

Джек висел на тросе, наполовину протиснувшись в люковое отверстие. Бэгмены цеплялись ему за ноги в попытках затянуть назад.

Одной рукой держась за трос, Джек стрелял по ним из арбалета. Но место каждого убитого им Бэгмена занимали двое новых.

Держась только кончиками пальцев, Арик тянул Джека... и Бэгменов, ухватившихся за него. Они словно перетягивали канат.

— Я не могу его больше держать. Смертного, наверное, уже укусили.

Обломок скалы размером с футбольный мяч попал Арику по затылку. От удара его шлем слетел с головы, но краем зацепился за небольшой каменный выступ прямо над нарастающей толпой Бэгменов.

— Я должен его вернуть.

Взгляд Арика метался от болтающегося шлема к Джеку. Сколько ещё времени пройдет прежде, чем он решит бросить «смертного» ради спасения своего исключительно драгоценного доспеха? А что если он решит *не* бросать Джека? Что если я потеряю их обоих?

Никогда больше не увижу ясных серых глаз Джека.

Обезоруживающую улыбку Арика?

Императрицу не пленить и не удержать... и она не теряет тех, кого любит. Несмотря на ранение меня охватил пыл сражения. Под грохот колотящегося сердца я поднялась на колени. Арик хотел, чтобы я дала волю красной ведьме? Я готова!

Но как бороться Бэгменами? Мои глаза забегали. Как?

«*Копай глубже*, — шептала ведьма, — *загляни в себя*».

Могла ли источником арсенала стать... я сама?

— Чёрт бы их побрал, — крикнул Джек, — стрелы тоже кончились!

— *Sievā*, я не могу его больше держать.

Я почувствовала странные вибрации. По телу разливалось головокружительное наслаждение. Дыхание участилось настолько, что я начала задыхаться.

Ощущение расплзающихся в земле корней не было мне ново. Но на этот раз они расплзались словно во мне самой.

И это было невероятно.

Красная ведьма просыпается — *смотри, Смерть, вот и она* — я выпускаю её на волю. Глифы взорвались ярким сиянием. Свечение исходило от моего лица, лилось сквозь одежду.

Бэгмены взвыли, прикрывая чувствительные к свету глаза.

Из моей шеи выстрелили лозы — сплетение стеблей плюща и розы. Зеленые жгуты извивались вокруг меня гигантским ореолом.

Ухватившись за вьющиеся прутья, я выдергивала их из своего тела и с криком бросала в лифтовую шахту. Мои собственные гранаты.

Я представила, как проклёвываются молодые побеги, как они разрастаются, питаюсь не от земли, но от моей силы.

Я полностью отдалась этому ощущению и блаженно улыбнулась, когда почувствовала свои лозы, пронизывающие рёбра, протыкающие черепа. Вскрывающие Бэгменов изнутри.

Да, это невероятно.

Плющ жадно проникал под слизистую кожу, и твари с воплями убирали руки от Джека.

— Всё, Эви. Я свободен.

На моих глазах, обвивая всё вокруг зеленью, стебли роз и плюща поползли вверх по стенам лифтовой шахты. Лозы сплелись надо мной в прочную сеть, защищая от падающих обломков.

Отступив край пола, Арик упал, и через несколько футов смог ухватиться за один из прочных стеблей. Наматывая на него трос, он начал подтягивать к себе Джека.

Затем Смерть и Джек начали подниматься.

Как только они вдвоем оказались наверху, Арик спросил:

— Тебя не укусили, смертный?

Подвернув края пропитанных слизью джинсов, Джек осмотрел свои ноги. Ни крови. Ни повреждений на коже.

— Non. Но еще немного и...

Мы спасли его вовремя.

По моему велению сеть упала, поймав в ловушку толпящихся внизу Бэгменов. Они дёргались, барахтались под ней... а ведьма во мне негодовала. Битва с внешними противниками отражала мою внутреннюю борьбу.

Когда воздух наполнился ароматом роз, я впиалась взглядом в Смерть. За него одного можно было получить целых пять знаков. И на нём не было шлема.

— Сдерживайся, Императрица, — он напряжённо нахмурился, — помни, я не стану с тобой сражаться.

Я повернулась к Джеку за помощью. Но, встретившись с ним взглядом, поняла, что он не был моим *якорем*.

Он был *напоминанием*... о том, что я хотела сохранить человечность.

Но разве Арик и сам не был *напоминанием*? О клятве никогда больше не причинить ему вред?

Глубоко вдохнув, я попыталась усмирить ведьму. Сердцебиение успокоилось, когти втянулись, глифы погасли.

Я использовала свои силы как никогда раньше. Пять знаков были почти у меня в руках. Но я укротила свою ведьму!

Мои лозы подхватили устрашающий черный шлем Смерти и понесли вверх. Я взяла его, и протянула Арику.

— Что скажешь? — спросила я, пытаюсь отдышаться. — Я достаточно дала ей волю?

Он покачал головой.

— Да ладно тебе! Куда уж больше?

Лёгкий кивок.

— Это лишь малая часть, Императрица.

— Серьёзно? — пыл сражения погас так же быстро, как и вспыхнул, меня охватило головокружение. — Да мои глифы могли осветить небольшой городок. Со всеми этими лозами, я была страшнее любой *Шкатулки Ужасов*.

Прозвище, которое дала мне Селена.

— Согласен. И тем не менее это лишь малая часть.

Джек хлопнул себя по лицу.

— Где ты этому научилась, реекôп? Бэгмены подумали, что попали под солнечные лучи.

Сколько же лоз ты можешь вырастить одновременно?

Хотя бы он был впечатлён.

— Не знаю. Это мой новый набор хитрых приёмов.

— Мне постоянно казалось, что ты вот-вот бросишь мою кайджанскую задницу. Но ты этого не сделал.

— Думаю, твоё время ещё не пришло, — Арик надел шлем.

— И всё-таки моё время не пришло *благодаря* тебе.

Смущенный признательностью Джека, Арик опустился на колени рядом со мной:

— У тебя рана на голове.

Волна адреналина уступила место мучительной боли во всём теле и приступу тошноты.

Арик откинул в сторону мои волосы.

— Не просто рана. У тебя проломлен череп. И насквозь проколот бок.

— Я исцелюсь.

Джек косо на меня взглянул.

Я покосилась на него в ответ.

— О чём ты думал? Совсем не обязательно было идти на Бэгменов почти без оружия... — моё волнение перешло в гнев, — точно так же, как и прошлой ночью! Ты же пообещал мне этого не делать.

Джек был застигнут *врасплох*.

— Возможно, вы обсудите это в другой раз, — сказал Арик, — я слышу какое-то движение на лестнице.

Мы посмотрели на светящийся зеленый указатель Выход над открытой дверью.

— У меня нет боеприпасов, — Джек протёр рукавом вспотевший лоб, — опять Бэгмены?

— Я бы не надеялся на такое везение.

Из-за двери загудел хор голосов:

— *Мы будем любить тебя очень сильно.*

В помещение одновременно ввалилось так много воплощений, что эта картина не укладывалась в моем затуманенном сознании.

Абсолютно одинаковые. Как те бумажные фигурки, растянутые в ряд, только с клинками в руках.

Обнажив собственные мечи, Смерть бросился в бой. Джек за неимением ничего другого вооружился огнетушителем.

После попытки подняться на ноги меня вырвало в лужу собственной крови.

— Не подходи, Императрица, — крикнул Арик, размахивая оружием.

— Мы сами разберёмся! — Джек огрел Винсента по голове.

Опираясь о стену, я неуверенно встала на ноги. Мне бы лишь немного окрепнуть, чтобы призвать на помощь всю ту лавину зелени из шахты лифта.

Кто-то ладонью зажал мне рот.

Показалось, земля уходит из-под ног... нет, мы действительно двигались. Фрагмент стены начал вращаться и нас уволокло в потайное помещение...

— Если хочешь увидеть Селену живой, — прошептал мужской голос, — будь послушной девочкой.

Винсент. Я почувствовала, что этот *настоящий*.

Никогда ему не увидеть меня послушной девочкой.

Как только он обхватил меня за шею, я выпустила ядовитые шипы. Половина символа скоро станет моей!

— Узнаешь? — он поднёс к моему лицу датчик давления. — Теперь ошейничек носит Селена.

Но... но знак Любовников...

Нет, нет, Селена мой друг. Она же убрала стрелу Лучницы, предназначенную для меня.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Винсент мог провести меня к ней... и Вайолет в Обитель. Я подняла руки в знак капитуляции.

— Я крайне удивлён, Императрица. Ты *на самом деле* беспокоишься о другой карте, — он втолкнул меня в тесную лифтовую кабину, ненамного просторнее кухонного подъёмника, — а мы с Ви ещё сомневались, усмирит ли эта угроза твою кровожадность.

Начался подъём — трудно сказать, сколько этажей мы проехали. Он вытолкнул меня в очередное техническое помещение с оранжевыми надписями на стенах.

УДАР ПОРАЖЕНИЕ ПАДЕНИЕ БЕЗУМИЕ

Над ним появилось изображение карты, перевёрнутое, но абсолютно чёткое. Наконец, я столкнулась с одним из исходных близнецов.

Настоящий Винсент разительно отличался от своих рослых безупречно сложенных воплощений. Худой, но обрюзгший. С желтушной лоснящейся кожей. Волосы растрёпаны, майка и джинсы забрызганы кровью. Руки покрыты рубцами и свежими порезами из-за постоянных кровопусканий.

Создавая воплощения, он здорово так *идеализировал* свой образ. Тщеславный? О, да.

Я не могла дождаться, когда увижу настоящую Вайолет.

— Признайся: ты отфотошопил свои воплощения?

— Ты действительно хочешь поговорить о моей внешности? — даже голос у него был

писклявее, чем у воплощений. — Вся в крови. И на этот раз, как не удивительно, в своей собственной.

Справедливое замечание.

— Где твоя сестра и Селена?

— К ним я тебя и веду, — он жестом показал мне идти рядом.

Я решила потянуть время, чтобы немного исцелиться и восстановиться. Чтобы продумать план, как заполучить датчик, устранить близнецов, и вернуться к Арику и Джеку.

Мы с Винсентом брели по коридору бок о бок, как два ученика направляющиеся в класс на урок. Как будто я не убила бы его при первой же возможности. Как будто он не предвкушал, как заставит меня истошно кричать. Как будто Бэгмены только что не сожрали его отца.

Затишье перед бурей. Мы с Винсентом оба знали это.

— Почему написаны именно эти слова? — мой голос звучал приглушенно — от рвоты и криков я сильно охрипла.

— Чтобы мы с Вайолет не забывали о своем могуществе.

— То есть?

— Мы управляем самой разрушительной силой во Вселенной.

Как же меня *достали* эти слова.

— Я ошибалась, когда говорила так о любви.

Он нахмурился.

— Конечно же, это самая разрушительная сила... *наша* сила. Любовь порождает насилие, убийства и войны. С чего бы ещё смертные отождествляли её со столь ужасными вещами?

— Что ты имеешь в виду?

— Не зря же говорят: любовь зла, от любви до ненависти — один шаг. Нас поражают недуги, поражает горе и *поражает* любовь. Мы влюбляемся до беспамятства, до безумия, но ведь *безумие* тоже болезнь. Мы сгораем в любви, утопаем в любви, *падаем* в омут.

Я не знала, как правильно описать любовь... знала лишь, что у них было слишком извращённое понятие о ней.

— Символ любви — сердце, пронзённое стрелой. Звучит болезненно, не так ли? — свободной рукой он оттянул воротник и повертел головой. — Словно невидимый *удар* в сердце.

— Любовь причиняет боль. Я поняла.

Он ухмыльнулся; я брезгливо поморщилась. Зубы у него были такие же жёлтые, как и у отца.

— Ты и сейчас чувствуешь боль, Императрица. Твоё сердце разрывается... между охотником и Смертью.

Где-то в этом логове Арик неумоимо сражался за меня. Да, я его *любила*. Но и Джека я любила.

— Все сложно, — мой ответ месяца.

— Приведя сюда Смерть, ты нарушила наши правила. Но я этому даже рад. Теперь мы сможем использовать против тебя сразу двух твоих возлюбленных. Пожалуй, стоит взять их живыми.

Его глаза потемнели, взгляд стал пустым.

— Ты сейчас смотришь глазами своих воплощений.

— Мы смотрим.

— *Sievā, ответь мне!* —

— *Арик! Со мной пока всё в порядке. Как вы с Джеком?* —

— *Заняты.* —

— *Я с Винсентом. Пока не нашла ни Селену, ни Вайолет.* —

— *Я приду за тобой. Держись.* —

— *Я могу потянуть время.* —

Нет ответа.

Взгляд Винсента прояснился.

— Ты вспомнила наше прошлое?

Сквозь боль покачала головой.

— Но, когда Смерть переведёт ваши хроники, я обязательно поинтересуюсь.

— Пока мы тут разговариваем, воплощения направляются к вашим лошадям, чтобы забрать украденное у нас имущество.

— У бронированного жеребца Смерти? — я чуть не рассмеялась. — Желаю удачи.

Им еще повезет, если они его просто *не* поймают. Из Бэгменов Танатос своими копытами приготовил отличный паштет.

— Что в этих хрониках такого важного?

— Когда мы были детьми, отец каждый вечер читал нам их перед сном, — кровавые сказки на ночь, — мы сентиментальны.

Сентиментальны?

— Из-за тебя и сестры, ваш отец пошёл на *корм* Бэгменам.

Он кивнул.

— Сегодня мы любили нашего отца. Мы любили нашу мать, придя в эту жизнь.

Она умерла при родах?

У меня закралось подозрение.

— Винсент, ты когда-нибудь покидал это место?

Он удивлённо заморгал.

— *С чего бы?*

В ответ на мой недоумевающий взгляд он пояснил:

— Отец купил Обитель, когда мама была беременна нами... на случай, если его дети будут вовлечены в новую игру и на случай новых катаклизмов. Когда он узнал, что родятся близнецы, то понял, что игра вот-вот начнётся. И мы с самого рождения жили здесь в полной безопасности.

Неужели близнецы никогда не видели солнца?

Он показал на дверь.

— Туда.

Я решила и дальше следовать за ним.

Как только мы переступили порог, он закрыл за собой дверь и, не отрывая палец от датчика, запер ее с помощью комбинации, которую я не видела.

Я оказалась с ним в ловушке?

Он оказался в ловушке со мной.

Подойди, Винсент, прикоснись...

Он привёл меня в просторную игровую. У одной стены рядом с раковиной стоял холодильник, микроволновка и мусорное ведро, переполненное упаковками из-под

замороженных полуфабрикатов и чипсов. Вокруг него валялась скомканная одежда.

Вдоль другой стены тянулся длинный стол, заставленный клавиатурами и джойстиком. Многочисленные мониторы пестрели приостановленными видеоиграми.

Перед мягким геймерским креслом стояла тарелка с недоеденным горячим бутербродом Hot Rocket^[32] и банка Колы.

— Значит, это и есть твое герцогство. И ты целыми днями сидишь здесь и играешь?

В то время как весь остальной мир борется за выживание? Как получилось, что эту берлогу заняла пара засранцев, которые меньше всего этого заслуживают?

— Мы играем, когда не оттачиваем своё мастерство. И когда нас никто не прерывает, — он бросил на меня недовольный взгляд и опустил в кресло, — в некотором смысле вся наша жизнь — видеоигра. Мы посылаем в мир свои аватары, а Обитель — логово большого босса.

Винсент был чудовищем... и все же он говорил, как возбужденный подросток:

— Мы превратили его в дом ужасов! С воплощениями, патрулирующими каждый этаж, и Бэгменами в подвале, охраняющими наши сокровища. Поздравляем, Императрица, ты пережила нашу маленькую шалость со взрывом и попала на этот секретный бонусный уровень. Но у тебя осталась только одна жизнь.

Он обнажил свою гадкую ухмылку.

Винсент Миловичи не имел недостатка в замороженных закусках, но, видимо, никогда не видел зубной щетки. Я отвела от него взгляд и покосилась на одежду возле мусорной корзины.

Это были вещи Селены?

Да, это была ее рубашка, куртка и ботинки... выброшенные вместе с обертками от еды. Потому что близнецы не думали, что они ей ещё понадобятся?

— Где Селена? Что вы с ней сделали?

Он растерянно ответил:

— Мы любили ее.

Во мне вскипела ярость:

— Ты её изнасиловал?

— Чтобы я изменил Ви? Ты с ума сошла?

Он был настолько возмущён, что я ему даже поверила.

Вот уж никогда бы не подумала, что почувствую облегчение, от того, что Винсент хранит верность Вайолет.

— Ты же говорил, что отведешь меня к ней.

Он снова оттянул воротник:

— Что за спешка? У нас есть *уйма* времени.

— Почему ты не хочешь, чтобы я её увидела? Стыдишься своих извращенных деяний?

Он ухмыльнулся.

— *Любодеяний*.

Я бросила на него выразительный взгляд в духе Селены. *Серьёзно?*

Он свёл чёрные брови.

— Мы гордимся своей работой, Императрица. Всегда гордились.

Работой?

— Но если тебе так уж невтерпеж...

Он потянулся к столу и нажал на кнопку. Отъехала часть стены, открывая камеру пыток.

В нос ударила такая жуткая вонь, что меня чуть снова не вырвало.

На этом фоне палатка в лагере южной АЮВ напоминала кружок самодеятельности. Кроме известных мне приспособлений там было и много новых. Позорный столб, дыба, настоящая гильотина.

Бревна с кандалами. Окровавленные молотки и топоры на верстаке. Настенная панель с различными металлическими масками позора, ножовками, секаторами и другими хитроумными инструментами.

В вентилируемой яме горел большой костёр, рядом стоял стеллаж со щипцами и штырями. Один труп гнил на стуле с шипами; второй разлагается в подвесной клетке.

— Жертв поступает всё меньше и меньше, — Винсент вздохнул, словно был смущён скудным размахом кровопролития, — но теперь ты со своей способностью к регенерации станешь для меня нескончаемой видеоигрой.

Там же стояла кровать с мятыми простынями. Неужели близнецы спали здесь, среди трупов и вони.

— Где же Вайолет?

— Она всегда *рядом*.

— Если вы с сестрой обладаете силами Чудо-близнецов, то почему не ходите везде месте?

— Наши способности... развиваются.

Казалось, он считал это удачной шуткой.

В правом углу я увидела окровавленную деревянную колоду с воткнутым топором. Перед ней кто-то стоял на коленях.

— *Селена?*

Застыв на месте, она невидящим взглядом смотрела в одну точку. Полураздетая — в одних джинсах и бюстгальтере, опухшая от синяков, и похудевшая за считанные дни фунтов на двадцать. Спутанные длинные волосы спадали ей на лицо.

— Своим приездом вы нас прервали, — недовольно проворчал Винсент, — мы как раз собирались отрубить Лучнице руку.

Я бросилась к ней и опустилась на колени. Рядом с устрашающим лезвием топора на колоде лежала её вытянутая рука.

О, боже мой, чтобы удержать её на месте, они вбили ей в руку ржавый гвоздь. Это и стало последней каплей?

Убрав волосы с её лица, я отбросила их за плечи и заметила у неё на груди рубцующееся клеймо: два совмещенных треугольника с исходящими из них стрелами.

Во мне вскипел гнев. Из шеи вытянулась лоза и начала разветвляться у меня за спиной. Но теперь это был не зеленый ореол, а капюшон кобры.

Винсента передёрнуло от отвращения.

— Ты не можешь даже представить, как ты нам омерзительна, — он выставил вперёд руку с датчиком, — полегче, Императрица. Теперь, когда у нас есть ты, Лучница не так уж сильно нам и нужна.

Чёрт бы побрал этот датчик! Мне под силу совладать со своей яростью. Стиснув зубы, я заставила лозу свернуться.

Медленно втягиваясь, она спряталась мне под кожу. Я снова повернулась к Селене.

— Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь, — никакой реакции, — Селена, ответь мне!

Ничего.

Я подняла взгляд на Винсента.

— Какого черта ты с ней сделал?

Он сел на край кровати.

— Дождаясь исцеления руки Лучницы, мы держали ее стоя в вертикальном карцере с петлей на шее, заставляя балансировать на кончиках пальцев на раскалённой плите, — он говорил об этом так же непринуждённо, как и его воплощение, — смертных хватало всего на пару часов, но она продержалась несколько дней без еды и воды. Она стала чистым холстом, на котором мы могли оттачивать свое мастерство.

Если они с ней сотворили такое, то что же они сделали с Джеком?

— Сегодня мы собирались по одному отрубить ей пальцы, терзая осознанием того, что она никогда больше не сможет выпустить стрелу. Но Ви решила, что хочет отсечь руку Лучницы целиком. И я, разумеется, обездвигив нашу пленницу, начал точить топор, — он вздохнул, — чего не сделаешь ради любви.

Мои когти начали сочиться ядом. Мне не терпелось вогнать их в его лоснящиеся обвисшие щёки.

— Когда вы прибыли, я как раз занёс топор и задержал его над головой для пущего эффекта. Я ожидал рыданий и мольбы — ты же знаешь, как это всегда *бывает* с пленниками. Но из твердокожей Лучницы не вышибешь слезу. Она просто сломалась. Ви считает, что она была обучена отключать чувства перед лицом пыток. А я думаю, Лучница вырубилась, потому что впервые увидела мою сестру.

По спине пробежал холодок.

— Но почему это ввело Селену в ступор?

Со мной будет то же самое?

Очередная ухмылка.

— Сама увидишь.

Я сглотнула.

— Раз ты здесь, мы повременим с рукой Лучницы в надежде, что ты сможешь вывести её из оцепенения. Она должна в полной мере прочувствовать наше мастерство... — он прервался и посмотрел куда-то позади Селены, — секундочку. У нас непредвиденная ситуация. Он встал, обошел её и остановился у большой лужи крови...

— Это кровь Селены?

В ответ он закатил белесые глаза. Свободной рукой вынул из кармана джинсов складную опасную бритву и щелчком раскрыл её. Затем полоснул себя по руке со стоном... удовольствия? И вытянул порезанную руку с датчиком над лужей.

Когда упала первая багровая капля, воздух над поверхностью лужи заколебался, словно накаляясь. Я почувствовала силу, как при творении Финном иллюзий.

— Ты создаёшь воплощение.

Винсент сложил бритву и спрятал её обратно в карман.

— Своих детей мы производим на свет рядом с узниками, чтобы они без промедления постигали ремесло любви.

Чтобы дать Джеку и Арику время добраться до нас, мне нужно было вовлечь его в разговор.

— Разве для создания клона вы с Вайолет не должны смешать свою кровь?

— Её кровь здесь уже есть.

— Сколько воплощений ты сотворил?

Он выпятил грудь.

— Полчища. Мы отправляем их исследовать земли вплоть до территорий, бывших когда-то Тихим океаном и даже за экватор.

Он видел всё, на что смотрели они.

— И? Что там сейчас?

— То же, что и здесь: пустоши и пепелища. Забвение. Мир испытал на себе силу любви и теперь он разрушен.

Он говорил так, словно мы дошли до точки. Но ведь должно же быть что-то ещё! Во всём этом должен быть смысл. Урок. Его просто нужно отыскать. Иначе, получается, мы до конца своих дней обречены на *скитания*. Скитания среди дерьма наподобие *этого*.

— Смертные шатаются по миру в поисках призрачного убежища. Но они сами себя водят за нос. Ничего там нет.

Хэйвен мог бы стать таким местом. А может, смысл в том, чтобы вопреки всему не терять надежду и оставаться человеком?

— Ваша семья могла бы сделать столько хорошего для этого мира. Но ты решил стать монстром из ночных кошмаров.

— В отличие от тебя? Посмотри правде в глаза, Императрица, ты — зло. Как и все остальные карты.

— Это не правда. Смерть — не зло.

— Ты совсем его не знаешь, если думаешь так.

— Я знала его на протяжении многих жизней, — рассеянно ответила я, не сводя глаз с лужи крови. В ней отражались блики костра, пробуждая во мне проблески воспоминаний.

Летний рассвет. Всепроникающий аромат роз.

Я спросила у кого-то:

— Как там мой цветок?

Но воспоминание сразу же рассеялось, потому что из крови показались пальцы. У меня перехватило дыхание от этого жуткого зрелища. Из крови поднимался клон. Словно вставал из могилы.

Показалась ладонь, но кровь не оставляла следов на фарфоровой коже. Начали проявляться татуировки — черные надписи тем же готическим шрифтом. Серийный номер? Не может быть...

Селена никак не отреагировала даже на это... рождение.

Воплощение продолжало подниматься, появилась другая рука. Я с трудом оторвала от неё взгляд и заметила, что безжизненные глаза Винсента снова смотрели в никуда. Он наблюдал за схваткой? Не значило ли это, что он не видел, что происходит вокруг?

Почему-то Арик давно не отзывался.

— Этот бой обещает быть интересным. Теперь, заметив твоё отсутствие, Смерть уберёт охотника с расчетом, что ты всё равно ничего не увидишь.

— Смерть на такое не пойдёт. У него есть достоинство. Посмотри правде в глаза, Винсент, признай, что некоторые карты хорошие...

Мой взгляд скользнул обратно к луже крови, из которой восставал клон Вайолет.

Вид крови вызвал воспоминания о нашем с Любовниками прошлом. Я видела холмы заросшие розами с шипами размером с кинжал. И кровь Вайолет, капающую сверху. Я ловила её в раскрытые ладони, как капли дождя.

Почему она была наверху?

Когда перед глазами предстала полная картина произошедшего, у меня подкосились ноги. Стены начали давить, дыхание перехватило.

Обвив тело Вайолет лозами, я подвесила её на... лопасти ветряной мельницы, обтянутой полотном. Насквозь пропитав белую ткань, кровь стекала прямо мне в руки.

Сооружение стонало под тяжестью розовых стеблей. Они заполонили собой земли Любовников. Я заполонила собой.

Я скомандовала лозам проникнуть ей под кожу, но жизни не лишала. Вайолет вертелась по кругу, издавая истошные крики...

Она была ещё моложе, чем я сейчас. У меня сжалось сердце.

Армия мелет, ветряная мельница вращается. Я знала, Мэтью должен был предупредить меня о приближении АЮВ.

И он предупреждал... просто я не поняла.

Я держала Вайолет в таком состоянии несколько дней, пока не пришёл Винсент, чтобы пожертвовать собой ради неё.

Подойди, воссоединись с ней, заплати цену. Сдаться — не зазорно, Любовник. Я приказала шипам расступиться, подзывая его. Как искусно мы маним. Как прекрасно караем.

Я изрезала его на куски. Задушила их лозами. Выщарапала когтями глаза и посеяла ростки в глазных впадинах.

Близнецы в той жизни не обязательно были чудовищами. Но я была. Злой, как

дремлющая во мне красная ведьма. И Арик ещё хотел, чтобы я дала ей волю? Как же я могла говорить, что знаю Смерть, если я и себя саму не знаю?

— Ты вспомнила! — Винсент моргнул, проясняя взгляд. — Во всяком случае, обещание своё ты сдержала, убила нас одновременно. Но затем осквернила наши останки. Летописцы нашли наши тела с проросшими в них стеблями роз...

Я почувствовала, что задыхаюсь. Когда мы выберемся отсюда, я приму эти воспоминания с покаянием. Но сейчас я должна помочь Селене.

— В этой жизни нас с Ви ничто не разделит... никогда.

Тогда где же в этой чертовой дыре находилась она?

Глядя на меня, Винсент произнес:

— Мы решили, что сегодня один из твоих возлюбленных должен умереть. Выбирать тебе. Жнец? Или охотник?

Я резко мотнула головой.

— Ты не заставишь меня выбирать.

— Тогда мы примем решение за тебя, — он потёр подбородок, — падёт охотник. Наши воплощения сейчас им займутся.

— Арик! Помоги Джеку, пожалуйста! —

— Ты вертишь мной, как хочешь, жена. —

Селена как будто напряглась? Меня одолевало отчаянное стремление защитить Джека; и она чувствовала то же самое? Достаточно ли этого, чтобы привести ее в сознание?

Если и была возможность до неё достучаться... Ради Джека Селена Луа могла сделать все.

Издавательским тоном Винсент произнес:

— Смерть от рук моих детей не бывает лёгкой. Твоего охотника — любителя позариться на чужое, ждёт... мучительная смерть.

Так, Селена определённо дёрнулась.

Пока Винсент отвлёкся одновременно на наблюдение за схваткой и создание клона, я прошептала:

— Селена, Джей Ди в опасности. Думаешь, он бы понял, почему ты даже не пытаешься ему помочь? — боже мой, я сошла с ума. — При всей своей силе и прыти ты способна лишь сидеть сложа руки, пока он под угрозой?

Пульс под ошейником участился.

— Что ты ей сказала? — тотчас же спросил Винсент.

— Эм, кажется, ты нужен своему воплощению, — я кивнула на красную лужу рядом с Селеной. Из неё уже вы тянулись две руки и показалась голова. Создание хватало ртом воздух, словно ребёнок, просящийся на руки.

— Следуй за моим голосом, — протянул он, склонившись над омутом.

Грохот.

Брызнула кровь. Селена вырвала пригвождённую ладонь и, резко выбросив руку, вцепилась в горло Винсенту.

Его голова откинулась назад и повисла под неестественным углом. Тело обмякло.

Селена очнулась, чтобы сломать Винсенту шею — одним рывком.

— Датчик! — я бросилась наперехват, но он уже упал в кровавую лужу, в которую начало обратно погружаться воплощение. — Селена!

Я повернулась, чтобы стащить с неё ошейник.

— Все хорошо, — прошептала она.

— НЕ хорошо!

Я сорвала ошейник с ее шеи и отбросила в сторону.

Она повернулась ко мне.

— Я видела... его палец соскользнул... и ничего не произошло. Датчик сломался. Он и был сломан.

И ни с того ни с сего она бросилась мне на шею.

— Селена, подожди!

— Эви! — крикнула она, сжимая меня в объятиях. — Ты пришла за мной.

— Ох! Эм, всё будет хорошо, — я успокаивала её, поглаживая спутанные волосы, — но мы должны устранить ещё и Вайолет.

Селена кивнула на Винсента:

— Взгляни на него.

Он лежал, раскинувшись на спине, стеклянный взгляд блёклых глаз был устремлён в потолок. Задранная рубашка обнажала странные татуировки на его груди.

— Он имеет свое собственное «клеймо», — добавила она.

— Я не понимаю. Позволь я посмотрю. — Освободившись от объятий, я подошла к нему поближе.

— АХ! — Я попятилась назад, поскользнулась в крови и замахав руками, больно приземлилась на задницу. Из-под ключицы Винсента со стороны сердца на меня уставился широко открытый глаз. — О, боже мой! Что это? — не отрывая от него взгляда, я сумела подняться на колени. Когда глаз моргнул, я едва сдержала крик. Он настоящий? Или нет?

— Это — Вайолет, — процедила Селена — он сказал, что любил её так сильно, что вобрал в себя ещё до рождения. Чтобы Императрица никогда больше не смогла их разделить.

Винсент проглотил своего близнеца в утробе матери. Его сестра никогда не была... человеком.

Слова Мэтью: *«Близнецы неразделимы. Никогда не разлучаются».*

— Н-но Винсент говорил так, словно она действительно существовала. И генерал тоже.

— Потому что они сумасшедшие!

Неудивительно, что Мэтью был в замешательстве. Неудивительно, что близнецы никогда не использовали свои самые мощные силы. Они не могли ни нашептывать вместе, ни раскачивать руками.

Глаз забегал. Вправо. Влево. И остановился — широко раскрытый и стеклянный, как у брата.

Вайолет умерла.

Я едва могла дышать, трудно было не тронуться умом, но как сказал Мэтью, мы были далеко от безопасности.

— Селена, я сейчас вернусь. Возьму твою одежду. Хорошо?

Я побрела к входной двери, запертой на кодовый замок. Сможет ли Смерть её выбить?

— Арик? Что там у вас? —

— Оставшиеся воплощения упали замертво. —

— Винсент мертв. Любовникам конец. У вас с Джеком всё в порядке? —

— Будет в порядке, когда мы сможем тебя найти. Ты в безопасности? —

— Всё хорошо. Но мы здесь заперты. —

— Помоги мне вас найти. —

Я услышала его удалённый крик:

— Императрица!

— *Ты далеко!* —

— *А сейчас?* — он крикнул, и Джек присоединился к нему.

— *Ближе.* —

Ожидая их, я подошла к раковине, и наспех смыла с себя кровь. Схватила рулон бумажных полотенец, подняла с пола одежду Селены и вернулась к ней.

— Давай позаботимся о твоей руке, — надеясь, что гвоздь прошёл мимо кости, я сложила бумажные полотенца и обернула ими ладонь, — хорошо, пора одеваться.

— А где Джей Ди?

— Идёт к нам. С ним всё хорошо. Все воплощения мертвы.

Она кивнула, и продолжала кивать снова и снова, все больше меняясь в лице.

— Эви, он заклеил меня.

Не знаю, что потрясло меня сильнее: обнаружение Вайолет, или реакция Селены. Ей нужно было выплакаться. Но ведь из Лучницы *не вышибешь слезу.*

Я взяла её за здоровую руку.

— Я с тобой. Мы пройдем через это.

Я снова услышала голос Арика.

— *Вы уже близко.* —

— Это не Джей Ди.

— Давай-ка тебя оденем, — я помогла ей натянуть рубашку, — теперь ботинки. Послушай, ты должна знать, с нами здесь Арик. Только благодаря ему мы смогли тебя найти.

Она отпрянула назад.

— Смерть?

— Они с Джеком вместе сражались с воплощениями, а перед этим с Бэгменами и работоторговцами. Они вот уже несколько дней бьются бок о бок.

Раздался звук приближающихся шагов.

— *Дверь заперта на кодовый замок. Ты сможешь её выбить?* —

— *Разве есть хоть что-то, чего бы я не смог сделать ради тебя, Императрица?* —

Осознав, что Смерть уже здесь, Селена остолбенела.

— Нет, нет, оставайся со мной! Он помогал нам всю дорогу и ничего тебе не сделает. Они освободят нас, слышишь?

В следующее мгновение послышался удар бронированного ботинка о металлическую дверь. И еще.

— *Пусть первым войдёт Джек. Селена пока не совсем в порядке. Она может испугаться, или и того хуже.* —

Внезапно по комнате эхом разлетелся её крик. Она с ужасом смотрела на свою здоровую руку.

На ней проявился знак, совпадающий с клеймом. Лучница была отмечена любовниками...

Дважды.

Взгляд Селены оставался прикованным к знаку Любовников, даже когда мы услышали, что дверь подалась.

— Эви? — позвал Джек. — Селена?

— Мы здесь.

Он ворвался внутрь и обвёл взглядом помещение. Ни вид крови и пыточных приспособлений, ни состояние Селены не лишили его самообладания.

Пока.

— Где сестра?

— Посмотри на его грудь, — сказала я.

Покосившись на Винсента, Джек в недоумении сузил глаза:

— Это...

— Ага. Винсент проглотил своего близнеца.

— *Mère de Dieu*^[33], — взяв себя в руки, сказал он, — значит, всё кончено. Вы в норме?

— Кажется.

Смотря *что* считать «нормой».

— Здесь столько крови. Ты ранена?

Я отрицательно покачала головой.

— А ты в порядке?

У него был небольшой порез на шее, и глубокая рана на плече.

— В полном. Как себя чувствуешь, Селена? — окинув Лучницу взглядом, он стиснул зубы, — ну же, *fille*, ответь мне.

— Джей Ди, — Селена словно опомнилась, — это ты!

— Всё будет хорошо. Мы забираем тебя домой.

Когда вошел Смерть, Селена попятилась назад.

— Я... я не могу!

— Он не причинит тебе вреда, — заверил её Джек, заставив нас с Ариком переглянуться. Опустившись на одно колено, он взял её за здоровую руку:

— Доверься мне, *cher*.

Его поза показалась мне романтичной. И я тут же покраснела от стыда за такие мысли.

— Забери меня отсюда, — взмолилась Селена, — мне нужно выбраться из этого места.

Джек подхватил её на руки, длинные спутанные волосы упали ему на плечо.

— Мы уходим.

— А мы с Ариком проверим, не остался ли здесь кто-нибудь живой, — сказала я.

Джек кивнул и вынес её из комнаты, нашёптывая на французском слова утешения.

— Итак, ещё одна победа, ещё одна карта бита, — Арик скользнул по мне взглядом, — я удивлен, что их знак достался Лучнице. Твоя ведьма его не пожелала?

Я покачала головой.

— Давай просто обьщем это место и уберемся отсюда.

Мне хотелось поскорее выйти под дождь — принять хотя бы такой душ.

— Конечно.

Проходя по коридору, исписанному баллончиком, я сказала Арику:

— Я вспомнила, что сделала с Любовниками в прошлом.

Они были совсем еще детьми.

Я задавалась вопросом, были ли Арканы злыми по своей природе, или становились такими в силу воспитания. Была ли наша жестокость врождённой, или же заложенной в нас летописцами. Но что, если мы сами делаем *друг друга* злыми? Возможно, из игры в игру истязая друг друга, мы сами и распространяем эту заразу?

Как чуму.

Я обвила себя руками:

— Я не хочу снова стать такой. Это эгоистично, но я не хотела этого знака. Арик, с меня хватит убийств. С меня *хватит*.

Не думала, что мои слова так сильно его беспокоят:

— Игра принимает серьёзный оборот. Ты должна быть готова, *sievā*. Настанет время, когда твоя жестокость придется кстати.

Я подняла на него взгляд.

— Сегодня ты не был жестоким. Ты дважды мог бросить Джека погибать.

Он остановился посреди коридора.

— Я хотел доказать, что могу действовать не только в угоду себе, — он стянул рукавицу, чтобы коснуться моего лица, — что могу быть тем, кто тебе нужен.

Мерцающий красный свет озарял его завораживающее лицо. Когда мы вот так оставались наедине, мне казалось, что нам *суждено* быть вместе. Он понимал меня так, как Джек никогда бы не смог. Он знал мою историю, знал меня настоящую. И всё равно меня хотел.

Но не слишком ли далеко уже зашли наши отношения с Джеком?

— Отпусти смертного, Императрица, — произнес Смерть, — пускай Дево поможет Лучнице исцелиться. Она станет ему идеальной парой. Благослови их быть вместе.

Джек нашептывал Селене французские слова. Я думала, что это была наша фишка. О Боже, как же я могу быть такой мелочной?

— Твои глаза позеленели, — заметил Арик, — тобой движет ревность.

Я отвела взгляд.

— Ничего не могу с собой поделаться.

— Если бы ты знала, что с этим сделать, я бы потребовал научить и меня. Ревность и зависть преследуют меня всю жизнь. К людям, чьё прикосновение не убивает. К мужчинам, которые могут завести семью, ласкать жену. Но острота этих чувств не идет ни в какое сравнение с тем, что я ощущаю, представляя вас с Дево вместе.

— Если тебя это утешит, когда я представила, что ты целуешь другую, то тоже почувствовала ревность.

И хотя мои слова должны были ему польстить, он сказал:

— Не будет никакой другой.

— По воле судьбы ты можешь прикоснуться только ко мне. Но на моем месте с таким же успехом могла бы быть Селена, или даже Тесс.

— Думаешь, только это я в тебе и вижу? Я же говорил, что меня воспитали воином, но также я увлекался науками, и в этом моя избранница должна быть со мной схожа. Квинтэссенция могла бы читать со мной книги, но она не воин. Селена — вся из себя воительница, но не интеллектуалка, — он провёл пальцем по моей щеке, — я не *хотел* влюбляться в тебя, считая, что это меня погубит. Я противился этому всей своей сущностью, но никто не мог сравниться с тобой в ярости, храбрости и остроте ума.

— Ярости? Я ведь не хочу больше ни с кем сражаться.

— Но, если обстоятельства вынуждают, ты борешься до победы. Когда я пленил тебя, какой гениальный план ты провернула без всякой подготовки, чтобы уничтожить меня и моих союзников.

— Я ведь не смогла.

— Ты едва не победила *троих* арканов. Тогда я был тобой восхищен. Возможно, даже больше, чем восхищен. Я противился этому, вплоть до одной ночи в нашем кабинете.

Я поймала себя на том, что прильнула щекой к его ладони. Такой тёплой. Такой уютной.

— И что потом?

Его янтарные глаза посветлели.

— Ты была увлечена наукой. Твой пытливый ум жаждал знаний. Это напоминало мне себя самого, и я признал поражение, — он невесело усмехнулся, — ну, правда, неужели ты можешь представить Селену, читающую со мной? Или Квинтэссенцию, отрезающую себе палец, чтобы сбежать от меня?

Милая, добродушная Тесс в такой ситуации забилась бы в рыданиях. Лучницу сиделки в кабинете Смерти привели бы в бешенство, она бы зашвырнула книгу в дальний угол, и *вляпалась бы в очередное дерьмо*.

Возможно, мы с Ариком *были* созданы друг для друга.

Стоп...

— Что ты там говорил о моём пытливом уме? — прищурился, я отстранилась, — помнится, ты считал мои размышления «банальными и нудными».

Продолжив путь, он проворчал:

— Только когда они вертелись вокруг Дево.

— Давай, *сейчас*, — процедила Селена.

Джек перевел взгляд с неё на лезвие длинного охотничьего ножа, которое держал в огне. Весь обратный путь он вез Селену на своей лошади, и когда рассказал ей, что сделал со своим клеймом, она решила без отлагательства сделать то же самое.

Поэтому мы разбили лагерь в уже знакомой нам церкви и разожгли костер, пустив на дрова ещё одну скамью.

Мы со Смертью сидели в стороне от костра. Селена избегала смотреть на него, вела себя так, словно его здесь не было. Пожав плечами, он снова вытащил хроники.

Всю ночь он оставался рядом со мной. При обыске Обители мы нашли медикаменты, запасы продовольствия и топлива, оружие и боеприпасы. Голубая мечта сурвивалиста [\[34\]](#). Но никого живого.

Потом он помог мне ополоснуться под дождем, смыть с волос кровь и осмотреть заживающие раны.

Тело мое исцелялось, но мысли путались. Чувства были в смятении. Во мне боролись ревность и стыд.

Джек предупредил Селену:

— Будет ещё больнее, чем в первый раз.

Но я знала, что она всё равно доведёт дело до конца. Она была похожа на зомби с пустыми глазами, пока не узнала, как избавиться от клейма.

— Плевать. Мне придется носить их знак на руке, — она впиалась в кожу ногтями, словно хотела его отодрать, — но никогда больше я не хочу видеть это клеймо.

Со свойственным ей мужеством, она оттянула рубашку, открывая израненное тело.

— Тогда, ладно, — он вытащил нож из пламени и опустился перед ней на колени. И снова его поза показалась мне романтической. И снова я покраснела от стыда за свои мысли.

Смерть оторвался от чтения.

— *Они прошли через пытки, о которых мы никогда не узнаем и никогда не сможем понять.* —

Джек с Селеной и раньше идеально подходили друг другу. Теперь же их связь ещё более укрепилась. Они оба пережили пытки любовников; у обоих будут одинаковые шрамы.

Джек ближе поднёс раскаленное докрасна лезвие. Другой рукой он сжал её плечо. Она ни на секунду не отвела взгляда темных глаз, пока он прижигал ее тело, отмечая навеки. Связывая их на всю жизнь.

— *Посмотри на них, Императрица,* — вполголоса произнёс Арик.

Как будто я могла смотреть на что-нибудь еще.

За три месяца моего отсутствия Джек очень изменился. И в сердце его тоже могли произойти перемены. Ему ведь нет и двадцати! Пока меня не было рядом, он вполне мог влюбиться в Лучницу.

Выбрав Джека, я обреку надежды не только Арика, но и Селены.

ДЕНЬ 381 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

— Это просто вынос мозга, — проворчала Селена, глядя на едущих рядом Джека и Смерть.

Мы вчетвером двигались на юг в обход пути работорговцев, по дороге, недавно обнаруженной и нанесенной на карту солдатами АЮВ.

«День» был холодным и тёмным, постоянно моросил дождь. Мне то и дело мерещились снежинки, как тогда в доме Арика, но каждый раз оказывалось, что это лишь хлопья пепла.

— Если бы неделю назад кто-нибудь сказал, что я буду вот так ехать рядом со Смертью, — продолжила Селена, — я бы запихнула ему в задницу его же голову.

Мы могли бы взять грузовик, а лошадей перевезти в прицепе, но у каждого были свои причины оставаться в седле.

Селене нужно было больше времени, чтобы исцелиться до приезда в Форт Арканов. Благодаря ускоренной регенерации синяки рассасывались, заживал недавний ожог и рана на руке. Она ждала, что вскоре снова сможет натянуть тетиву своего драгоценного лука. Усиленно питалась и уже набирала в весе. Но так расцарапывала знак на руке, что вынуждена была постоянно носить перчатки.

Джек хотел ехать верхом с целью выманить оставшихся работорговцев, засевших на территории АЮВ. Но не клюнул пока никто.

Мне нужно было время для принятия решения. К вечеру мы должны были вернуться в форт, а я до сих пор не сделала свой выбор.

Смерть здорово повеселила идея отправить его коня путешествовать в прицепе. Оно я ясно, учитывая, что это животное сделало с клонами, вознамерившимися забрать хроники.

Танатос, который и шпангу мог бы выжать на три блина по восемьдесят, оставил от воплощений лишь кучку корма для рыб.

Селена подъехала ближе ко мне.

— Ты конечно не слышала, ты ж глухая ведь на оба уха, но эти двое разговаривали между собой.

— И о чём же? — пытаюсь сымитировать мужской голос, я пробасила: «Ты хорошо сражался и показал себя достойным противником.»

— Ну, типа того. И Джей Ди такой: «Меня зовут Джексон Дэво. Может, после того, как мы сражались бок о бок, ты откроешь мне своё настоящее имя, или как?» Смерть показался озадаченным, будто не привык к таким вопросам.

Он и не привык. А ещё меньше он привык на такие вопросы отвечать. И Джеку никогда бы не ответил.

— Но затем Смерть сказал: «Меня зовут Арик Доминия», — продолжила Селена.

У меня глаза на лоб полезли. Как и всё, что касалось Арика, его имя вышло в мир. Я поймала себя на улыбке. Пока не вспомнила о предстоящем выборе. Который принесет страдания при любом раскладе.

Селена склонила голову.

— Если Джей Ди может переносить Доминия, то и я, пожалуй, смогу. И это намного проще, когда Жнец не размахивает мечом и не носит тот мерзкий шлем.

Шлем Арик в основном держал на изгибе седла. В какой-то степени, он должен был доверять Селене и Джеку, чтобы не бояться нападения. А, может, он почувствовал, что перед лицом внешних угроз наша сила в единстве.

Или понял, что открытое лицо способствует укреплению этих непривычных, но заинтересовавших его взаимоотношений.

Джек получил от Родриго вызов по рации и ответил серьёзным тоном на военном жаргоне.

— Я не рассказывала тебе, что он стал командиром? — Селена только что не вздыхала. — Разве он не великолепен?

У меня складывалось странное впечатление, что она мне его *сватала*. Или просто хвасталась?

— Я рада, что ты вчера увидела Джей Ди с его армией.

Джек выступил с вдохновляющей речью об использовании силы во благо, защите выживших. И обозначил дальнейший план действий.

Южная АЮВ направится в Луизиану, чтобы заложить новое поселение. Северная АЮИ нагрянет в Обитель, чтобы разобраться с Бэгменами и получить доступ к оставшемуся там продовольствию. Потом обе армии снова воссоединятся, чтобы создать Новую Акадиану.

Джек умел завладеть вниманием толпы, давал людям новую историю. Осязаемую надежду. Несмотря даже на то, что температура опускалась всё ниже, а ночи не было конца.

Я посмотрела в мрачное небо.

— Селена, как думаешь, солнце когда-нибудь снова появится?

Этот вопрос напомнил мне слова Джека: «*А ты никогда не думала, что мы достойны большего, чем Бэйсен?*». Если он имел смелость надеяться, может, стоило и мне?

Селена закатила глаза:

— *А то*. Если солнце могло *исчезнуть*, то оно точно так же может вернуться обратно. Серьёзно, Эви.

Она вытащила флягу и попыталась зубами открутить крышку.

Я потянулась и выдернула флягу у неё из рук. Ну что ты будешь делать с этой девчонкой?

— Держи, — я открыла флягу и передала ей обратно.

Осушив её, она обтёрла подбородок рукавом.

— Эй, подъедь-ка поближе. Хочу поговорить.

Неужели она собирается наконец рассказать мне о пережитых испытаниях? Я уже спрашивала об этом, но она всякий раз отказывалась отвечать.

— Что бы ты не хотела обсудить, Селена, я готова тебя выслушать.

— Я не об... этом. Те дни вычеркнуты из памяти.

Круги под глазами изобличали её напускное безразличие.

— Но нельзя просто сделать вид, что ничего не произошло.

С коронным выражением *бешенства* на лице она сказала:

— А сама-то ты часто вспоминаешь об уничтоженных тобой каннибалах? О дне, когда чуть не отведала сырой человечины? Об убийстве больных чумой? Да-да, я об этом слышана. Ты же не особо распространяешься на болезненные темы. Вот и я не собираюсь.

Я не отказалась от мысли вывести её на откровенный разговор, но на время отступила:

— Так о чём ты хотела поговорить?

— Что там у вас с Джеком?

Отличный вопрос, Лучница.

— Ну, мы с ним разговаривали после выступления, о событиях последних дней и тому подобном.

Не сказав ни слова, он увлѣк меня за палатку.

— Ты определилась, реекôп?

— Если б ты только сумел сдержать обещание.

Но он из кожи вон лез, продолжая рисковать своей жизнью, и я не собиралась ему этого спускать.

— Солдаты АЮВ уважают лишь силу и смелость, и они должны были увидеть эти качества в человеке, которого собирались поддержать. Понимаешь, о чем я?

Я понимала. За время путешествия я и сама не раз восхищалась его храбростью. Он отправился в путь даже, не будучи надёжно защищенным. Смерть был закован в броню, и тот хотел поскорее вернуться в свое убежище.

Тем не менее...

— И потом в Обители, Джек, что это было?

Его щеки подёрнулись краской.

— Наверное, не самый умный мой поступок?

— Представляя нас вместе, я вижу сплоченную команду, совместно принимающую решения. А не Джек-возьмет-всё-на-себя-чтобы-спасти-ситуацию.

В ином случае мне стоит остаться со Смертью. Он хотя бы всё не усложняет...

Отмахнувшись от кружащего в воздухе пепла, я сказала Селене:

— Мы говорили о бабушке. Я по-прежнему хочу её найти, но Южная АЮВ завтра выступает в путь.

В ответ на моё беспокойство Джек лишь улыбнулся:

— Да я, черт возьми, могу дать им любые указания, Эви. Мы возьмем с собой несколько человек и отправимся на Внешние Отмели. А когда найдём её, встретимся с остальными уже в Луизиане, — он говорил так уверенно, — ты же хочешь закончить игру, Эванджелин? Тогда мы сделаем это. Помни, вместе мы способны на всё...

— Мы с Джеком затрагивали и другие вопросы.

Например, его особое отношение к девушке, едущей рядом со мной.

Он поймал мой взгляд:

— Селена — союзник и друг, но не более. Потому что для меня существуешь лишь ты, реекôп, — он пальцем приподнял мой подбородок, — когда она рядом, во мне не вспыхивает чертов фейерверк. Думаешь, я могу отдать ей свое сердце? После того, как отдал его тебе? Как я могу предложить ей то, чего у меня уже нет?

Я прочистила горло, краснея под пристальным взглядом Селены.

— И ещё, эмм, мы разговаривали о Смерти.

— Если ты выберешь Жнеца, потому что твои чувства к нему сильнее, мне придётся с этим смириться. Но не выбирай его из сострадания к дерьмовой судьбе, — наклонившись ближе, он прикоснулся своим лбом к моему, — у меня она тоже не сахар.

— Что это значит?

— Раньше я говорил, что не смогу жить дальше после Вспышки, без тебя не смогу. Сейчас всё изменилось. Я буду идти вперёд, потому что теперь у меня есть обязательства, но я никогда уже не буду жить полной жизнью. Я должен чувствовать тебя с каждым моим шагом, Эванджелин.

Я попыталась как можно более непринуждённо пожать плечами.

— Долго мы не разговаривали. Родриго позвал его на совещание насчёт набега на Обитель.

Джек поцеловал меня в макушку и неохотно вышел.

— Ага. А со Смертью ты говорила?

— Перекинулась парой слов. Большую часть ночи он был занят.

При любой возможности он хватался за хроники, никогда я не видела его настолько поглощённым чтением. Видимо, перевод стал делом первостепенной важности, раз кампания по завоеванию меня отошла на задний план.

Когда я смогла, наконец, к нему подступиться, то потребовала рассказать, что произошло между ним и Императором.

Арик обреченно вздохнул:

— Я ни в чём не могу тебе отказать. В позапрошлой игре он тебя убил. Я тогда ещё не успел найти тебя, не имел возможности узнать, какой ты была, и смогли бы мы быть вместе, — он сжал кулаки, глаза вспыхнули, — Император отнял жизнь у моей жены.

— А кто его убил?

— Я. Чтобы отомстить за тебя и наказать его за то, что разлучил нас. В той игре, я забрал у него твой знак, — Арик посмотрел на свою руку и прохрипел, — я смотрел на него, пока века проплывали мимо.

Что же Арик сделает сейчас, если я выберу Джека?

— Ты должна принять решение, — Селена протянула мне флягу, чтобы я закрутила крышку, — и, откровенно говоря, я не вижу здесь проблемы.

Я ответила ей со всей откровенностью:

— Проблема в том, что я и сама не понимаю, что происходит у меня в голове.

— Ну так разберись уже, черт возьми.

Я с притворной беззаботностью взмахнула рукой.

— Ну вот! Готово. *Вуаля.*

— Серьёзно, если ты нашла способ заставить Доминия и Джей Ди мирно ехать вместе, то это — просто пара пустяков.

Я вздохнула, собираясь отмахнуться от неё фразой «всё сложно». Но как я могла ждать от неё откровений, не отвечая тем же?

— Я люблю Джека. Но чувствую связь с Ариком.

Тянущуюся сквозь тысячелетия, как бесконечное биение волн о берег.

Сегодня он смотрел на меня без привычной уверенности. Он казался встревоженным, словно предполагал, что я ускользаю. Но я не была к этому готова. Мое сердце по-прежнему было разделено.

— Я... кажется, я в него влюбилась.

Он так старался, так изменился. Я верила, что он может быть хорошей парой для меня.

Если снова не вернется к принуждению. Я опасалась туза, припрятанного у него в рукаве.

— Вот, чёрт. И что же ты будешь с этим делать, подруга?

— Как будто я могу что-нибудь с этим поделать?

Видения показали мне, как каждый из них стал тем, кем является сейчас. Но они не помогли мне принять решение.

Она убрала со щеки серебристый локон.

— Согласно, Смерть оказалась не таким, как я представляла, но неужели ты действительно предпочтешь его Джей Ди?

— Арик сказал, что я должна благословить вас с Джеком.

Она фыркнула.

— Можешь благословлять нас сколько угодно, но ничего из этого не получится.

Я нахмурила брови.

— Ты же говорила, что между вами всё изменилось.

— И это так. Я смирилась с тем, что вместе мы никогда не будем. У вас всё завязалось ещё до того, как появилась я.

— Почему ты так в этом уверена?

— Когда Джей Ди услышал, что ты не хочешь иметь с ним ничего общего, он перенёс это очень тяжело, чуть волосы на себе не рвал. И мы вместе надрались до чёртиков. Тогда я рассказала ему о своих чувствах и попыталась поцеловать.

Меня обуяла ревность.

— И, знаешь, что он сделал?

Я перестала дышать.

— Он оттолкнул меня, сказал, что в роду его матери все влюбляются один раз и навсегда. Что они всем сердцем желают сделать правильный выбор, потому что изменить ничего уже нельзя. Он рассказал, о матери безответно любящей его отца, о том, что даже девятнадцать лет мучений не смогли этого пошатнуть.

Вот корень страданий его матери.

Бросив взгляд на Джека, Селена сказала:

— Поэтому вы с Джей Ди должны снова быть вместе, — взгляд Лучницы мог быть мрачным и резким, но для Джека он переполнялся нежностью, — я не могу смотреть, как он страдает.

— И вы ни разу не...?

— Ни разу. Когда ты рядом, он меня в упор не замечает.

Мне стало совестно за то, что я в нём усомнилась. Возможно, я снова смогу ему доверять?

— К тому же мне нужен человек, который будет любить меня безоговорочно. Ну, посмотри на меня. Разве я похожа на девушку, вынужденную довольствоваться малым — она расправила плечи, — мириться с вторым местом? Я всегда и во всём была первой.

При обычных обстоятельствах я бы лишь вздохнула, услышав такое. Но сейчас, после этих слов у меня немного отлегло от сердца. Она оправится после Любовников; я в это верила.

— И я не перестану быть номером один ради какого-то парня.

— Но что, если этот парень во всех отношениях идеально тебе подходит?

— Только не в том, что важнее всего, — сказала она и призналась, — чтобы отвлечься я пробовала даже флиртовать с Финном. Финном, в его привычном облике, попрошу заметить. Но Маг всё ещё заиклен на Ларк.

— А как насчёт Габриэля? Ты, конечно же, не помнишь, но, когда мы убегали от солдат, еще до перемещения во времени, ты была первой, кого он забрал. Архангел запал на Лучницу.

— Притормози немного, я говорила о том, чтобы *закрутить интрижку* с другой картой. Но влюбиться в Аркана? — она встретилась со мной взглядом. — Такое могло бы прийти в

голову только идиотке.

Я не стала спорить. Я умудрилась влюбиться в Арика, несмотря любовь к Джеку.
Идиотка — она и есть.

ФОРТ АРКАНОВ

— Вы завалили Любовников! — навстречу нам шагал, прихрамывающий на ногу Финн. За ним по пятам следовал Циклоп.

Селена побледнела в лице.

— С ними покончено, родна, — ответил за неё Джек, затем спешил сам и помог ей, — я всё тебе расскажу, как только мы немного отдохнем.

Отдых. Все, о чём я мечтала — упасть ничком и растянуться на кровати. Но мне нужно было повидать Мэтью. К тому же я должна была принять решение. Я бросила взгляд на Джека, потом на Смерть.

После Вспышки наше существование было под постоянной угрозой, поэтому ход времени стал восприниматься иначе. Каждый прожитый день, а тем более неделя, казались вечностью. И я не могла дольше тянуть с ответом. Тем более, армия собиралась выступить в путь завтра утром.

И Джеку нужно было знать, отправляться ли с ними, или ехать со мной в Северную Каролину. Арик тоже ждал слишком долго.

Он спустился с коня и помог спуститься мне. Но, едва ступив на землю, я сразу же отвела взгляд. От него, от вопроса, пылающего в янтарных глазах.

Да, я должна была дать им ответ. Но для начала хотелось бы и самой его знать.

Я повернулась к Финну.

— А где все остальные? Где Мэтью?

Я не слышала ни одного позывного. Хотя, с другой стороны, я ведь проспала в седле всю дорогу вплоть до минного поля.

— Джоуль и компания уже пару дней как свалили. Но перед этим они вычислили оставшихся предателей и выперли их из лагеря. По словам Джоуля, те оказались «редкостными убудками».

— И Габриэль согласился уехать?

Он же так волновался за Селену.

Финн окинул Смерть пронизывающим взглядом.

— Учитывая ваше возвращение и ошивающуюся рядом Жрицу, Мэтью предостерегал с сближении, кстати, прям серьёзно был настроен.

Цирцея всё ещё оставалась здесь? По пути сюда, во время перехода через ручей, меня впервые посетило воспоминание о Верховной Жрице. Мы с ней хохотали до слёз. А когда, наконец, остановились и взглянули друг на дружку, то только, чтобы взорваться новым приступом смеха...

Джоуль и Команда объявили, что вернутся зимой, — продолжил Финн, — возможно, проведут с нами праздники.

Разве праздники теперь вообще существовали? Ну, да ладно.

— Мэтью в постели?

Оживление Финна сошло на нет.

— Эмм. Он тоже как бы... слинял. Уехал вскоре после них. Куда, я не знаю.

— *Что значит слинял?*

Мои глифы вспыхнули.

— Тише, блонди, Matto уже взрослый чувак, не нам его останавливать.

Я убрала с лица волосы.

Он был уже в пути, когда явился мне в том видении! Неужели прощался со мной навсегда?

— Он успел уйти достаточно далеко. И теперь я понятия не имею, где его искать.

— И не надо, — тихо сказал Арик.

— Извини?

— Дурак знает эту игру и этот мир лучше, чем кто-либо. Он сможет сам о себе позаботиться.

— Но он не может видеть собственное будущее! И он был так слаб.

Я посмотрела на Джека и Селену. Они тоже были расстроены.

— Matto чувствовал себя гораздо лучше, — заверил меня Финн.

— Sievā, он может в пути к кому-нибудь присоединиться и, читая будущее своего спутника, предугадывать своё. Ты знаешь о его слабых сторонах, но оставляешь без внимания сильные.

— Что это значит?

Он свёл светлые брови.

— Повторяю, Императрица, позволь ему *отдохнуть*.

Но как же так? Я лишь хотела удостовериться, что с ним всё в порядке. А не доставлять новые проблемы.

— К-когда он вернется? Я ещё хоть раз его увижу?

Взгляд Арика стал очень серьёзным.

— Он найдет тебя, когда ты меньше всего будешь этого ожидать...

В палатке Финна и Селены я повалилась на свободную кровать, все еще ошеломленная исчезновением Мэтью.

Следом за мной вошли Джек и Арик. Оба такие высокие и крепкие, что, казалось, они заполняли собой всё пространство.

— Соо-уôn будет в порядке, — сказал Джек, — иногда ему просто нужно побыть наедине с собой.

Пусть я и согласилась, что Мэтью не был в опасности, но не могла смириться с тем, что он отправился в путь в одиночку. Впервые за эти месяцы, я чувствовала себя так одиноко. Впервые в жизни, рядом не было ни друзей, ни родных, с кем я могла бы поговорить.

Вот на что, пожалуй, была похожа жизнь Арика Доминия на протяжении последних двух тысячелетий. Но что мои несколько дней в сравнении с его вечностью?

Слишком многое нужно обдумать.

— Пожалуйста, давайте поговорим утром, — я прибегла к старому доводу: никто не сможет заставить меня сделать выбор, пока я не буду готова, — у нас есть свободная палатка, где Арик мог бы остановиться?

— Ouais, — Джек провёл рукой по чёрной щетине, — но, Эви, прежде чем принять решение, ты должна кое-что взять к сведению.

— Что?

Он повернулся к Арику с почти виноватым выражением на лице.

— Ты спас мне жизнь, Доминия. Ты поступил по чести. Но я не могу снова её потерять.

Арик сжал кулаки, словно знал, что собирался сказать Джек.

Джек посмотрел мне в глаза.

— Что если тебе не удастся остановить игру? Она будет продолжаться, пока в живых остаётся больше, чем один игрок, а Арканы тем временем стареют. И, значит, у Жнеца должен быть запасной вариант.

— Что ты имеешь в виду?

— Допустим, он убьёт всех Арканов, представляющих угрозу. Если останетесь вы вдвоём, кто-то обязательно умрёт *первым*, оставив «победителя» бессмертным ходить по земле. Но что если ко дню его смерти тебе уже стукнет восемьдесят? И неважно, что ты Аркан — в таком возрасте ты будешь слабой, возможно даже больной, и останешься такой на века. Как же ты будешь сражаться в последующих играх?

Я сглотнула. Меня пугала даже мысль о том, чтобы жить так долго, не говоря уже о перспективе навеки остаться больной и немощной.

Я перевела взгляд на Арика; он смотрел на меня так, словно мир вокруг него рушился... и он ничего не мог *с этим* поделать.

— Он достаточно умён, чтобы всё предусмотреть, — продолжил Джек, — он не обрёл бы на такую судьбу ни одного из вас, поэтому должен иметь в запасе ещё одного живого Аркана, который возьмёт удар на себя, станет победителем.

А мне бы такое и в голову не пришло. Если бы не сообразительный Джек.

— Арик, и как же ты думал выйти из этой ситуации?

— Мы постараемся закончить игру. Но даже если ничего не получится, вероятность того, что мы доживём до восьмидесяти в таком мире, ничтожно мала.

— Ответ на вопрос.

Его плечи поникли.

— Ларк вызвалась. Ей не обязательно быть молодой и сильной, пока у неё есть животные. Она хочет восстановить их численность.

У меня отвисла челюсть.

— Ты должен был мне сказать. Ты снова распланировал мою жизнь, даже не поставив меня в известность.

— Да, — признал он, сдвинув брови.

Голову пронзила пульсирующая боль. Я потёрла виски, удивляясь, как же меня угораздило попасть в такое положение. Ответа не было; мысли путались.

— П-поговорим об этом завтра. Просто дайте мне спокойно подумать.

Джек открыл было рот, чтобы сказать что-то ещё, но передумал. Отодвинув полог палатки, он прошептал:

— Реекôn, мы всегда будем вместе: Эви и Джек.

И вышел.

Арик пересёк палатку, опустился на колени и тихо сказал:

— У меня есть, что тебе предложить. То, что должно было склонить твой выбор в мою пользу. Но ты ведь снова обвинишь меня в расчётливости и принуждении.

Это объясняло его недавнюю нерешительность.

— Туз в рукаве. Твой «подарок». Его я и побаиваюсь.

— Ты видишь меня не в самом привлекательном свете, — он устало вздохнул, — из-за моих же собственных поступков. Но тебе нечего бояться, я не стану его разыгрывать.

— И что же ты собирался мне предложить?

Он покачал головой.

— Я и так проклят. Завоевать тебя таким способом — всё равно, что потерять, — он стянул рукавицу и с горящими глазами, притронулся к моему лицу, наслаждаясь прикосновением, будто в последний раз, — Императрица, за эти дни я многое о тебе *узнал*. Я понял, что не смогу заставить тебя поехать со мной — да это и бессмысленно. И что тебе нужно рассказывать обо всём, что касается твоего будущего. Я понял это, *sievā*, но не слишком ли поздно?

Я не ответила, избегая любых обязательств.

— Если ты выберешь меня, я хочу, чтобы ты сделала это из любви, — прошептал он, — поэтому сегодня я не предложу тебе ничего. Кроме своей надежды.

Даже несмотря на мою злость и растерянность, он затронул мою душу.

— Эти слова дались тебе непросто.

— Но *достаточно* ли только их?

Этот мужчина был частью меня вот уже много веков. Я чувствовала глубокую душевную связь, слышала бесконечное биение волн о берег. И всё-таки я вынуждена была ответить:

— Не знаю.

Лёжа в полудрёме на чужой кровати, я услышала, как в палатку вернулись Маг с Циклопом.

Финн доковылял до своей койки и сел, вытянув ногу.

— Не спится, блонди?

Волк развалился у изножья и принялся молотить по земле тяжёлым хвостом: бух, бух, бух.

Я отрицательно покачала головой.

— А где Селена?

— С Джеком, надо полагать. Подбадривает его. Ты ведь собираешься сделать выбор, да? В форте только об этом и говорят. Кажется, завтра тебе так или иначе придётся с кем-то из них проститься.

— Ага, — я села, потирая глаза.

— И кому же из женихов повезёт?

— Я знаю, кого бы ты для меня выбрал.

Он кивнул.

— Кайджан — отличный парень. А Смерть был в союзе с Огеном, обвалившим пещеру... прямо на мою башку. Так что...

— Смерть также помог нам вызволить Селену и спас Джеку жизнь.

Финн почесал волка за ухом.

— Да понял я. Всё меняется. Люди меняются. Нужно просто вкурить эту тему.

— Как в случае с Ларк?

— Думаешь, нам стоит попробовать ещё раз?

— Думаю, да. Я знаю, что в душе она добрая, и что ты ей небезразличен.

Циклоп замахал хвостом ещё сильнее. Значит ли это, что Ларк нас слышала?

— Ага. Ради такой цыпочки я готов пройти курс семейной терапии. И то, что волк остаётся здесь со мной — мне кажется, это круто. Как только я смогу сесть в седло, он проведёт меня к Ларк.

— Это круто. Мне спокойнее знать, что у тебя такие планы.

Если я выберу Джека, то никогда больше не увижу ни Финна, ни Ларк.

Ни Арика.

Ни Мэтью?

— Финн, в каком состоянии уехал Мэтью? Он взял с собой что-нибудь? Еду?

Он же вечно был голоден.

— Хренову тучу еды.

— Он попрощался перед отъездом?

— Вроде как. Ты же знаешь Matto. Иногда такую лабуду несёт.

— Например?

В устах Мэтью любая лабудка может оказаться чрезвычайно важной.

Финн уставился в крышу палатки.

— Он сказал: «Я вижу далеко» и «Боги отметили всех нас». И что-то вроде: «Всё не так, как кажется». Я думал, это типа шуточки такие, но он ни фиги не смеялся.

— Что-нибудь еще?

Финн щелкнул пальцами.

— А, да, прямо перед выездом он посмотрел мне в глаза и сказал: «Я уже смирился».

С чем?

Даже когда Финн задремал, я ещё долго лежала без сна, слушая его дыхание и сонное бормотание.

Иногда он говорил что-то про сёрфинг: «убойная волна», но в основном упоминал родителей: «Они могли сделать это. Спасти Кали. Калифорния всегда была лучшей».

Селена в палатке так и не показалась. Куда же её понесло посреди ночи? Я всё ещё беспокоилась о ней, да и привыкла уже к её обществу. К тому же время тянулось невыносимо медленно, и я бы не отказалась от собеседника. Хоть Цирцею зови.

Так или иначе, я размышляла над выбором, готовясь принять самое важное решение в моей жизни.

Я представила себе лицо Арика. Он был связан со мной, был моей родственной душой. Я не могла обречь его на страдания — всё мое естество восставало против этого. У него действительно была дерьмовая судьба. Но она не обязательно должна быть такой и дальше.

Когда я представила его, вечно одинокого, блуждающего пустыми коридорами своего дома, на глаза набежали слёзы. Но и строить с ним общее будущее будет нелегко.

Бессмертие. Ухищрения. Скрытые планы.

Я верила, что он научится строить отношения и изменится ещё больше, ведь он так *старался* стать лучше — качество, которым я всегда восхищалась в Джеке.

Как самоотверженно Арик старался спасти жизнь своего соперника. Ради меня.

Я представила себе лицо Джека. Он был моей первой любовью и нас многое связывало. Но у него было столько обязательств, отвлекающих от меня. Он возглавил армию и обрел уважение, о котором мечтал, наверное, с детства.

Если я выберу его, мне придется научиться ему доверять. Смириться с тем, что он никогда поделится своими секретами. Принять это и надеяться, что он меня не разочарует.

Недоверие. Опасения. Неуверенность.

Оба помогут мне найти бабушку. Арик мог бы сделать это быстрее, но бабуля впадет в ярость, если его увидит...

В час, которому надлежало бы быть рассветом, прокричали петухи.

В час, которому надлежало бы быть рассветом, мне всё стало ясно.

Я представила себя на дороге — жизненном пути. По одну сторону стоял Арик. По другую — Джек. Кого бы я позвала с собой?

Теперь я точно знала, что делать.

ДЕНЬ 382 ПОСЛЕ ВСПЫШКИ

Пересекая двор форта, я чувствовала, что воздух стал морознее, чем когда-либо после Вспышки. Из рта вырывался пар. Сойдя с дощатой дорожки, я услышала под ногами хруст подмёрзшей слякоти.

Я остановилась у занятой Ариком палатки и услышала, как он расхаживает туда-сюда, звеня шпорами. Я знала: этой ночью он не спал.

— Можно войти?

Откинув полог палатки, он впустил меня внутрь. Изучив выражение моего лица, он смерил меня неверящим взглядом.

— Ты выбрала смертного.

Может, я и чувствовала, что должна быть с Ариком, но...

— Я полюбила Джека ещё до того, как ты изменил своё ко мне отношение. Всё было предрешиено.

Арик закрыл глаза, но я успела заметить промелькнувшую в них боль.

Я выбрала Джека не только из-за этого. Я поняла, что хочу сделать в жизни: расстроить механизм и сохранить человечность. Я хотела найти применение своим способностям, вернуться в Хэйвен и начать там новую жизнь с Джеком, бабушкой, а когда-нибудь, возможно, и с Мэтью.

Я хотела сделать что-то хорошее для людей, а для этого нужно было остаться жить в этом мире. А не забаррикадироваться со Смертью в его замке потерянного времени.

Арик открыл глаза.

— Судя по поступкам Дэво, я сильно сомневаюсь, что он всё ещё так считает. Между нами состоялся разговор, объясняющий некоторые факты...

— Пожалуйста, не надо. Я просто хочу доверять ему, так же как он доверяет мне.

— Значит, это... всё? — Арик, словно, не мог осознать услышанное, словно был готов сломать что-то, или сломаться сам. — Мои чувства к тебе так сильны, я думал... я не сомневался, что ты чувствуешь то же самое.

Он был сбит с толку. Раньше он никогда не влюблялся, и теперь не мог понять, что с ним происходит. Что-то похожее на болезнь? Я попыталась отогнать эту мысль.

— Арик, я люблю тебя. Но я Джека я полюбила раньше.

— Насколько на твоё решение повлияли его вчерашние слова?

— Я не хочу, чтобы Ларк страдала за нас, — и как в эту схему теперь впишется Финн? — если это единственный способ быть с тобой... неужели ты не понимаешь, почему это неправильно?

— Это был запасной план. На случай, если мы не сможем закончить игру.

— Но ты и сам не веришь, что нам это удастся?

Он резко мотнул головой. Честный, как всегда.

— Ты хочешь, чтобы я превратилась в ту жуткую ведьму, высвободила силу, которую вообще не стоит выпускать в мир. Я не смогу этого сделать. Не смогу так жить.

Его зрачки расширились, как при болевом шоке. До скрежета стиснув зубы, он обхватил ладонью мой затылок. Вторую руку он сжал в кулак с такой силой, что металлические

рукавицы заскрипели, и хриплым голосом спросил:

— Помнишь, как Дурак послал тебе видение, в котором не было ничего, кроме мрака и руин?

Я кивнула.

— Ты тогда сказал, что я словно побывала в твоей голове. И спросил, действительно ли я думаю, что сны Смерти должны быть цветными.

— *Sievā*, когда ты находилась рядом, *такими они и были*. Неужели ты отправишь меня обратно в небытие?

Моё сердце сжалось, в глазах собрались слезы.

— Даже сейчас, твои слезы меня ранят, — он опустил руку и отвернулся, — я не могу... не могу здесь больше оставаться.

— Подожди, разве мы не можем просто поговорить? Неужели мы больше никогда не увидимся?

Он повернулся обратно ко мне.

— Думаешь, я смогу находиться рядом с тобой? Зная, что надеяться не на что? Или тебе так нравится меня мучить? Как будто вечности несбыточных грёз о тебе было не достаточно?

Из глаз потекли слёзы.

— Я не хочу тебя мучить.

Чтобы придать себе уверенности, я сунула руку в карман и сжала коралловую ленту. Я решила вернуть её Джеку. Твёрдо решила.

Так почему же, расставаясь с Ариком, я чувствовала такую нестерпимую боль? *Ошибочность*. Я чувствовала себя разбитой на куски.

— Я просто никак не могу смириться с тем, что это прощание. Навсегда.

— О, нет, не навсегда, — прохрипел он с болью в глазах, — ты победишь в этой игре, жена, я об этом позабочусь. И *ты* веками будешь ждать *моего* возвращения.

Бросив на меня последний жадный взгляд, он сказал:

— Настал час расплаты за все мои убийства, Императрица. Сегодня часть меня умерла.

И ушёл.

Какое-то время я таращилась в пустоту, дрожа всем телом. Неужели я только что совершила самую страшную ошибку в своей жизни?

Арик Доминия был великолепным роскошным мужчиной, который любил меня больше всего на свете. Я тоже его любила. И знала, что буду любить всегда.

Одна любовь предназначена. Одна любовь бесконечна.

Я вышла в кромешную утреннюю тьму и в полном оцепенении направилась к Джеку. Я так отчаянно хотела, чтобы он обнял меня и прошептал слова утешения на французском языке.

И ещё мне хотелось выяснить, о чём они говорили с Ариком? О каких таких *фактах*?

Я вошла в его палатку...

У меня перехватило дыхание. Пусто? Ни походного рюкзака, ни книг. Я опустилась на колени и заглянула под кровать. Припрятанных запасов виски тоже не было.

Джек покинул меня.

На столе возле рации я обнаружила письмо. Задыхаясь от волнения и заливая лист слезами, я начала читать.

Эванджелин,

На рассвете я уезжаю с армией.

Я знаю, кого ты выберешь, и знаю, что это буду не я. Теперь, познакомившись с этим ублюдком, я должен взглянуть правде в глаза. Ты была с ним не потому, что он заморочил тебе голову. Ты была с ним потому, что хотела его больше, чем меня. Между тобой и Смертью есть что-то, чего я не понимаю. А мне пора научиться жить дальше, жить без тебя.

Вытащить твои шипы из-под моей кожи.

Но это не значит, что я не буду постоянно оглядываться в надежде, что ты бросишься за мной вдогонку. Или ждать, что ты возьмешь рацию и позовешь меня обратно.

Селена отправилась с нами. Она говорит, что мой отъезд заставит тебя ревновать и увеличит мои шансы. И мне не претит воспользоваться таким советом, реекôп.

Но я не очень-то на это надеюсь. Ты отправишься на восток на поиски последнего живого члена своей семьи. И когда ты найдёшь свою бабушку, то должна будешь обеспечить ей безопасность. Кочевая жизнь не для неё, да и не для тебя. В доме Жнеца вы будете защищены от опасностей. Спрячетесь там и пустите корни.

Лампы солнечного света, еда и безопасность. Звучит неплохо. Я хотел бы этого для тебя.

Потому что я люблю тебя.

Возможно, это мой самый достойный поступок. Достойный — формально, но болезненный, словно нож в сердце.

Je t'aimerai toujours,

Джек

«Je t'aimerai toujours.» — Я буду любить тебя всегда.

Я схватила рацию и нажала кнопку вызова.

— Джек!

Помехи.

— Ты меня слышишь? Я иду к тебе!

Ничего.

Не выпуская рацию из рук, я сунула письмо в карман и побежала обратно в палатку Финна за своим походным рюкзаком. Он все еще спал.

— До свидания, Маг, — шепнула я.

Циклоп поднял голову и вздохнул. Я наклонилась, чтобы погладить его всколоченный мех.

— Спасибо тебе за всё, мой мальчик. Надеюсь, когда-нибудь я снова увижу и тебя и Ларк.

Я схватила рюкзак и побежала за лошадьёю.

Как далеко Джек успел отъехать? Я без сомнения могла бы догнать армию за несколько часов. Дороги сейчас паршивые. Я могла бы следовать за колеями от колёс грузовиков.

Джек понятия не имел, как сильно я его любила. Я ведь ни разу так и не сказала ему этих слов: «Я тебя люблю». Я чувствовала острую необходимость добраться до него, сказать ему об этом.

Когда я ворвалась в конюшню, бедная кобыла посмотрела на меня с выражением: «*Да ну на хер*».

За рекордное время я оседлала её и вывела за ворота. Чёрт, мины. Как их обойти? Я знала их *расположение* только примерно.

Вдруг на замерзшей грязи я заметила следы. Отпечатки копыт Танатоса. Догонять, следуя по ним Джека, было не очень честно, но я всё равно это сделала.

Преодолев минное поле и каменный лес, я поехала вдоль реки в сторону моста.

Вдалеке на холме я увидела Смерть. Он стоял без шлема, расправив плечи. Светлые волосы развевались на ветру.

Несмотря на сумбур в голове, я чувствовала его тоску даже отсюда. В другой жизни я могла бы быть с ним счастливой. В другой жизни, возможно так и было бы.

На глаза снова набежали слёзы, и я отвернулась. *Не оглядывайся, Эви, не оглядывайся.* Это послужит ему сигналом, вселит напрасную надежду.

Но меня пересилило желание в последний раз взглянуть на мужчину, перевернувшего мою жизнь. Наши взгляды встретились. Его глаза сияли звездами.

Время словно замедлилось. Я подумала о татуировках на его груди и столетиях одинокой тоски. Теперь он знал, что терял. Он сказал, что неделя разлуки со мной была невыносимой; и вот я попрощалась с ним навсегда. Изгнала в небытие.

Как он это переживёт?

Меня одолевали сомнения. Нет, я люблю Джека. Я хочу быть с Джеком. Нужно сосредоточиться на будущем. Вместо того, чтобы оглядываться на прошлое.

Когда я оторвала взгляд от Арика, по долине эхом пронёсся его душераздирающий рёв.

Прижимая ладонь к губам в попытках сдержать рыдания, я добралась до моста. Проносья по нему над бездной Цирцеи, я платила ей своими слезами.

Я ехала больше часа, проверяя связь на каждом возвышении. Только помехи.

Мне снова привиделась снежинка, плавно падающая вниз, словно цветочный лепесток. Наверное, снова просто пепел...

Хотя нет, появилась ещё одна. И ещё. Настоящий снег! Это, должно быть, хороший знак. Если мир не мог исправиться, то по крайней мере, он мог *измениться*.

Если солнце могло исчезнуть, то оно точно так же может вернуться обратно.

Я снова включила рацию. Ничего.

Едва заметная пороша переросла в настоящий снегопад. Вскоре земля кругом покрылась слоем снега, всё вокруг стало белым. И воздух как будто бы посвежел? Мягкие хлопья прибили к земле пепел, и я была этому рада. Даже несмотря на то, что передвигаться стало намного труднее.

Я снова подумала об Арике. Вспомнил ли он о доме своего детства на севере, когда увидел снег? В моей голове никак не укладывалось, что мы с ним больше никогда не увидимся.

Снежинки летели мне прямо в глаза, размывая зрение. Я заморгала, чтобы прояснить

взгляд, и с каждым взмахом ресниц в памяти всплывали подробности последних дней, проведенных со Смертью.

Его затуманенный взгляд, когда он сказал:

— Ты хоть понимаешь, какое это удовольствие — прикоснуться к ней после столь долгой разлуки? Ради этого блаженства я не усташусь пули. *Я приму пулю.*

Взмах.

Как дрожали его руки, словно я была самым бесценным сокровищем в мире.

— ... знай, что моё сердце принадлежит тебе. Я дарю его тебе, *sievā*. Всецело вверяю. Береги его.

Взмах.

Его шёпот поздней ночью:

— Сколь многому я могу научить тебя об игре. Сколь многому ты можешь научить меня о жизни. Так давай начнем, маленькая жена.

Взмах. Взмах. Взмах.

Тающие снежинки смешивались со слезами на моих щеках...

Земля под ногами затвердела, покрываясь льдом. Следы от колёс совсем замело.

Я миновала вход в заброшенную шахту, абсолютно не гостеприимную на вид, и помчалась ещё быстрее. Как долго я не пробовала выйти на связь? Я погнала лошадь по крутому склону.

— Вперед!

И, выйдя на вершину, нажала на кнопку вызова:

— Джек? Пожалуйста, ответь мне!

— Эви?... не может... ты.

— Я иду к тебе! — я пришпорила лошадь, скользящую копытами по льду, и направила на самую вершину холма. — Ты меня слышишь?

Отсюда я увидела военный отряд! Они спускались в долину. Во тьме огни медленно передвигающейся сквозь снегопад колонны напоминали светлячков. Чего я не увидела, так это спуска с холма.

— *Vébé*? Где ты?

— Я вижу армейские грузовики! Я на холме, смотрю прямо на долину!

— Ты едешь со мной, *reekôn*? — прохрипел он. — Серьёзно? Ты выбрала старину Джека?

— От меня не так просто избавиться, *кайджан*, — я улыбалась, как безумная, в полной уверенности, что приняла верное решение, — я не хочу больше с тобой расставаться.

На заднем фоне я услышала голос Селены:

— Я же говорила, что это сработает, дурень, — я почти видела, как она закатила глаза; она, как всегда была рядом с ним, прикрывала ему спину, — нужно забрать ее, пока эта раззява шею себе не сломала.

Придётся мне привыкнуть к Лучнице, ведь она, вероятнее всего, тоже будет жить в Новой Акадиане со мной, Джеком, Мэтью и бабушкой.

— Я и сама *могу* подъехать, — я поднесла ладонь ко лбу, прикрывая глаза от снега, — просто скажи, каким путём проще спуститься.

— Нет, стой на месте! — быстро ответил Джек. — Дороги очень скользкие. Я знаю, где ты; мы уже идём!

— Хорошо, жду вас здесь.

Я не переставала улыбаться. *Вот* почему мы боролись за жизнь. Ради любви.

Винсент ошибался. Я ошибалась. Любовь — не самая разрушительная сила во вселенной.

Любовь — и есть *вселенная*. В этом-то *все* и *дело*.

Тяжело дыша, Джек спросил:

— Так это и есть снег, да?

Он никогда его раньше не видел.

Я нажала кнопку на рации и, дав волю эмоциям, рассмеялась:

— Разве это не прекрасно? Все вокруг, словно, очистилось.

Сквозь цокот копыт я услышала, его голос:

— Я всё ещё не могу поверить, что ты едешь со мной. Я отвезу тебя домой, Эванджелин Грин! — от ликования в его голосе моё сердце затрепетало. — Черт возьми, я люблю тебя, женщина.

Я открыла рот, чтобы наконец сказать три слова...

— *ТРЕПЕЩИ ПЕРЕДО МНОЙ*. —

Я дёрнулась в седле. Позывной Аркана?

Меня пронзил ужас.

— Джек! — крикнула я в динамик рации, — Император здесь! Уходи!

БААБАХ! БААБАХ!

Несколько взрывов один за другим покачнули заснеженную долину. И через долю секунды...

Земля разверзлась и выпустила волны жара.

Обжигающая ударная волна окатила лицо и сбросила меня с лошади. Я взлетела в воздух и приземлилась на скат холма.

Я скользила по склону, сжимая в руках рацию и, не переставая, выкрикивала имя Джека.

Как далеко он успел отъехать?

Осколок камня рассёк мне голову. Выбрался ли он вовремя из зоны взрыва? Воздух наполнился запахом серы. Как далеко?

Я упала вниз лицом на огромный валун. На мне не осталось живого места. Рация разбилась вдребезги. Земля снова вздрогнула.

— *Джек!* — закричала я, отплёвываясь от крови. Затем поднялась на четвереньки и поползла по дрожащему холму.

Перед глазами всё плыло... нет, этого не может быть. Над землёй зависло грибовидное облако дыма, как после взрыва ядерной бомбы.

Спасся ли он?

— *ДЖЕК!* — заорала я.

Я с трудом поднялась на ноги и окинула взглядом долину.

Как в аду.

Из-под земли извергалась лава, такая горячая, что плавился даже камень. Лава хлынула ещё и из пролома между горными вершинами, заполняя долину. В том месте, где был отряд, теперь бурлил огненный поток.

Джек был там.

— Нет, *НЕТ!*

Я бросилась бежать в сторону огненного шквала. Из-под земли взметнулись лозы и

устремилась за мной. Даже с такого расстояния меня обдавало жаром.

Но я не успела добежать до красного марева. За талию меня обхватили чьи-то руки.

Позади был Арик? Он поехал вслед за мной?

Переводя сбившееся дыхание, он сказал:

— Ты не сможешь... спасти смертного. Император... приближается. Мы уходим, *немедленно*.

— НЕТ! Я должна спасти Джека! — пытаюсь вырваться, я скреблась когтями о его броню. — Отпусти меня к нему. ОТПУСТИ!

Ничто не могло помешать мне добраться до Джека. Лозы оплелись вокруг Смерти, пытаюсь высвободить меня из его мёртвой хватки.

— Пламя убьёт тебя!

— Мне плевать, плевать! Ты хочешь, чтобы он умер! Ты не хочешь, чтобы я его спасла! Я смогу его найти!

Смерть схватил меня за плечи и встряхнул так, что голова закрутилась. Затем он повернул меня в сторону долины.

— Ты видишь там какие-нибудь признаки жизни? Такое ни один человек не смог бы пережить!

— Не надо его недооценивать! Люди всю жизнь его недооценивали, но ему ВСЕГДА удавалось их удивить. Он жив!

— Оглянись вокруг, Императрица! — долина футов на десять в высоту была залита раскалённой лавой, волнами бьющейся о склон холма. — Раскрой глаза. Где ты собралась его искать?

Я не знала, где искать. Я знала лишь то, что хотела к нему. Арик потащил меня прочь, и я стала упираться ещё сильнее.

Арканы перекрикивали друг друга.

— *Император напал.* —

— *Устранил Лучницу.* —

— *Луна садится. Луна восходит... больше нет.* —

Это был голос Мэтью?

— *МЭТЬЮ, ТЫ НУЖЕН МНЕ! Где Джек?* —

Тишина.

— *ОТВЕТЬ МНЕ!* —

Селена была рядом с Джеком. Прикрывала ему спину. Если она умерла...

— *ААААААА!* — закричала я, выплескивая боль и гнев. Земля снова вздрогнула, но теперь причиной была я.

— Ты пойдешь за ним в могилу!

— *Ну и ладно!* Отпусти меня! — Смерть увлакивал меня всё дальше от Джека, пока я тянулась руками в сторону жара. — Он не мог умереть! Не мог. *НЕТ, НЕТ, НЕЕЕЕТ!*

— Ты хочешь разделить участь смертного? Сначала отомсти. Император потешается над твоим горем.

Я слышала в голове голос этого монстра... он смеялся.

Красная ведьма рвалась на волю — сила, которую *ничто* не остановит.

— Ты за это ЗАПЛАТИШЬ! — закричала я.

Пока Император смеялся, Смерть прошептал мне на ухо.

— Я нашёл твою бабушку, *sievā*. Это и есть подарок, о котором я говорил. Мы научим

тебя, как убить Императора. Ты отомстишь за Дэво.

— Как ты не можешь понять? Джек не *УМЕР!* — я повторяла это снова и снова. — Он жив!

Сознание замутилось, в голове все поплыло. Я увидела кое-что в небе над нами. И замерла, не веря своим глазам.

Что *реально?* А что *нет?*

Прямо перед тем, как я отключилась, мощные потоки воды хлынули на адское пламя...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Детский Исследовательский Центр, клиника для детей с психическими отклонениями, также известная, как Последний Шанс Ребенка.

Лесси — американский телесериал о приключениях колли по кличке Лесси и её спутников, людей и животных.

Что, Лесси, что? Тимми упал в колодец? — фраза из телесериала про Лесси.

AC/DC — аббревиатура alternating current/direct current — переменный ток/постоянный ток.

père — отец (франц.)

ouais — конечно (франц.)

mère — мама (франц.)

Зайдеко (англ. zydeco) — музыкальный стиль, зародившийся в начале 19 века в юго-западных областях Луизианы среди креольского и кайджанского населения. Характерные особенности — обильное синкопирование и быстрый темп. Стиль зайдеко возник из смешения французской народной музыки, ритмов Африки и Карибского региона, креольских мелодий; центральным музыкальным инструментом здесь является аккордеон.

Медицинский препарат — действующее вещество ибупрофен.

Глок — известная марка пистолетов.

Bromance (рус. броманс) — тесные несексуальные отношения между двумя или более людьми, как правило, мужчинами, форма гомосоциальной близости.

Экслибрис — художественно оформленный книжный знак владельца книги в виде ярлычка, виньетки с именем владельца или с каким-либо символическим рисунком (обычно наклеиваемый на внутреннюю сторону переплета или обложки книги.)

Твинцест (Twincest) — романтические и сексуальные отношения между близнецами.

имя Вайолет (Violet) происходит от названия цветка фиалка.

В старых голливудских вестернах хорошие парни всегда были в белых шляпах, а плохие — в черных. Чтобы зритель не запутался. Шляпы не всегда были именно белые или черные, но в черно-белых фильмах они были именно такими.

Mad Libs — популярная игра для небольших компаний, название которой пошло от латинского «*ad lib*» (пометка в музыкальной или театральной пьесе, позволяющей импровизацию на данном отрезке); за счет добавления «m» в начало импровизация получила оттенок сумасшествия (англ. *mad* — сумасшедший). Суть игры — заполнить пробелы в заранее подготовленном тексте спонтанно придуманными другим игроком (игроками) словами. Итоговый текст, который потом зачитывается вслух, выходит комичным или абсурдным. В русском языке эту игру иногда называют «Чепухой». На английском выпускают специальные книги с «недописанными» текстами для этой игры.

Тимми похитили работорговцы! — отсылка к популярному телесериалу про Лесси. В данном контексте значит, что Эви не может понять, о чем волк хочет сказать.

шкала Рихтера — шкала, которая характеризует энергию землетрясения.

Лига Справедливости (англ. Justice League) — команда супергероев, которая появляется в комиксах издательства DC Comics. Первоначально включала Супермена, Бэтмена, Чудо-женщину, Флэша Барри Аллена, Зелёного Фонаря Хэла Джордана и Марсианского охотника. За много лет состав команды неоднократно менялся.

Gemini — латинское название созвездия Близнецов.

Чудо-Близнецы — супергерои, персонажи комиксов и мультфильмов.

В старых голливудских вестернах хорошие парни всегда были в белых шляпах, а плохие — в черных. Чтобы зритель не запутался. Шляпы не всегда были именно белые или черные, но в черно-белых фильмах они были именно такими.

fil de putain (франц.) — сукин сын.

Ба́мья — однолетнее травянистое растение, овощная культура. По вкусу плоды бамии являют собой нечто среднее между кабачками и зелёной стручковой фасолью, что делает её применение в кулинарии достаточно широким. Из плодов бамии готовят салаты и супы, кроме того, стручки сушат, замораживают и консервируют. Варёная или слегка обжаренная бамия, не требующая длительной тепловой обработки, может быть гарниром, а также заправкой для супов. Из зрелых семян готовят напиток, по вкусу напоминающий кофе.

Черная Смерть — эпидемия чумы, поразившая Европу во второй половине 14 века.

Голубой бык по кличке Малыш — верный помощник легендарного персонажа американского фольклора великана и силача Поля Баньяна.

Шахтное поле — месторождение или его часть, отведенное для разработки одной шахтой.

Марди-Гра — ежегодный карнавал, проводимый в Новом Орлеане в последний день перед Великим постом.

Государь — известный труд Никколо Макиавелли.

Nécessité — (франц.) необходимость, потребность.

Arcana (англ.) — тайны; загадки; таинственные силы.

Hot Pocket — марка закрытых замороженных бутербродов с разнообразной начинкой. Употребляются в разогретом виде обычно на завтрак или в качестве «быстрого» перекуса.

Mère de Dieu (франц.) — мать божья.

Сурвивалист — букв. «выживальщик», человек, занятый всесторонней подготовкой к выживанию в различных критических условиях.